

3 1761 07283863 4

Василий Нарежный

**ЧЕРНЫЙ
ГОД
или
ГОРСКИЕ
КНЯЗЬЯ**

РОМАНЫ и ПОВѢСТИ

СОЧИНЕНІЯ

Василія Нарѣжнаго.

=

Изданіе второе.

=

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМЕРДИНА.

—

1836

Василий Нарезный

ЧЕРНЫЙ ГОД

Нальчик
ГП КБР «Республиканский
полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.»
Издательский центр «Эль-Фа»
2006

Серия «КЛИО»
(«Кавказский литературно-исторический Олимп»)
Раздел «Литература». Выпуск 14

Научные редакторы серии:
А. И. Мусукаев, П. А. Кузьминов
Литературные редакторы серии:
Л. О. Тамазова, М. М. Хафицэ
Художник серии М. М. Горлов

ISBN 5-88195-056-9

© Издательский центр
«Эль-Фа», 2006
© М. М. Горлов. Оформление,
2006

Так называл В. Г. Белинский Василия Трофимовича Нарезного, одного из русских писателей «допушкинского» периода.

Он был одним из зачинателей демократических традиций в русской литературе, одним из первых писателей-разночинцев, смело выступавших на борьбу с крепостничеством. Романы В. Нарезного, по-старинному занимательные, проникнутые то живым и едким юмором, то острой сатирой, вызывают интерес и сохранили значение благодаря правдивому изображению нравов той эпохи. Сочувствие простым труженикам, находящимся на самом низу общественной лестницы, непримиримое отношение к произволу и жестокости господствующих верхов характерны для В. Нарезного, как и для других, наиболее передовых писателей начала XIX века. И хотя он не достиг той политической зрелости, которой отличался писатель-революционер Радищев, однако правдивость в изображении окружающей действительности, картин общественных нравов, сатирическая направленность его произведений дают достаточно оснований для его включения в круг тех литераторов, чье творчество служило пробуждению свободной мысли и призывало к борьбе с ненавистной народу крепостнической действительностью. В этом отношении Василий Нарезный является предшественником великого Гоголя, с чьим именем рядом с давних пор ставилось его имя.

Василий Трофимович Нарезный (1780–1825) родился в селе Устивицы Миргородского уезда Полтавской губернии в семье мелкопоместного шляхтича, который по бумагам считался дворянином, хотя жил он жизнью простого казака. В своем послужном списке отец писателя указывал: «Людей за собою не имею, а имением недвижимым я [не] по предкам, а собою для дневного пропитания приобретенным, пахотною и сенокосною землею владею. Других же угодий никаких не имеется». Несомненно, что быт и уклад семьи Нарезного не многим отличался от скромной трудовой жизни «князя» Чистякова, описанной писателем в романе «Российский Жилблаз». Детские годы его прошли в украинской деревне, в тесном общении с крепостными крестьянами и их детьми.

Одиннадцатилетним подростком Василий Нарезный в 1792 г. был отправлен в Москву, где поступил в гимназию при Московском университете; по ее окончании, в 1799 г., он был зачислен в университет, где учился около двух лет. В гимназии и университете он встретился не только со студентами из дворян, но и с детьми разночинцев-выходцев из духовенства и мещанства.

Годы учебы Василия Нарезного пришлось на период усиления правительственной реакции в России. В своей внешней политике царизм поддерживал пошатнувшиеся после Великой французской революции королевские троны в Европе. Внутренняя же ее политика была направлена на подавление всякого свободомыслия и общественного движения. Как Екатерина II, так и Павел I страшились революции, народного восстания. Немудрено, что жертвами жестоких гонений оказались лучшие, передовые люди России: Новиков, Радищев и др., — брошенные либо в казематы Шлиссельбургской крепости, либо сосланные в далекую Сибирь.

Но правительственная реакция не заглушила передовые традиции русской литературы, заложенные Новиковым, Фон-визиным, Радищевым. Их влияние в той или иной мере чувствовалось и в общественной атмосфере, и во всем развитии русской словесности, хотя к концу XVIII века ведущая роль в литературной жизни перешла к Карамзину и его последователям-сентименталистам.

В университете Нарезный познакомился с античной классической литературой и западноевропейскими писателями и поэтами, представлявшими сентиментализм и преромантизм. Он читал в подлинниках произведения философов-просветителей и лучших западноевропейских писателей: Вольтера, Дидро, Руссо, Шиллера и др. В университет проникали передовые веяния. Избрав философский факультет, Нарезный обучался «логике и метафизике, энциклопедии всех наук, всемирной истории и географии, чистой и смешанной математике и опытной физике», а также языкам. Тогда и определились литературные склонности Нарезного; здесь началась его писательская деятельность. Первые его произведения (1798–1800) печатались в московских журналах.

В 1801 г. он пишет драму «Дмитрий Самозванец» (издана в 1804 г.). Это был один из первых опытов преромантической драмы, созданной на русской почве. Драма встретила негодующую критику, вызвавшей к «правосудию» и протестовавшей против ее «обыкновенного» языка. В 1809 г. опубликован цикл прозаических поэм «Славенские вечера», воспевавший подвиги полугендерных героев Древней Руси.

Кроме того, Нарезным написано несколько драматических произведений: «Елена», «Светлосан», «Святополк»; последнее он собирался издать в 1806 г., но пьеса была запрещена цензурой. Позже Нарезный нашел свое подлинное призвание в новом в то время жанре — романе.

Однако, начатая так успешно литературная деятельность Василия Нарезного, как и его занятия в университете, прервались. Причиной тому послужили материальные трудности, преследовавшие писателя в течение всей его дальнейшей жизни.

В октябре 1801 г. он ушел из университета и поступил в канцелярию только что назначенного гражданского правителя Грузии Коваленского, а в 1802 г. Нарезный уехал в Тифлис, где стал секретарем Лорийской управы земской полиции; через год он уволился со службы и возвратился в Россию.

Кавказ оказался для Нарезного суровой жизненной школой. Молодой человек, обуреваемый свободолюбивыми мечтами, впитавший идеи французских просветителей, с упоением читавший Шиллера, Руссо, столкнулся в полицейской канцелярии с безудержным и наглым грабежом и самоуправством начальства, произволом и хищничеством верхушки чиновничества. Не желая мириться с этими проявлениями зла, не способный терпеть атмосферу канцелярии полиции, он вышел в отставку и уехал из Грузии.

Его возмущение грабежом и беззаконием, творимыми верхушкой полицейской бюрократии, издевательствам князей-феодалов над народом вылилось впоследствии в роман «Черный год, или Горские князья». Это острый и смелый роман, созданный на основе собственного опыта и впечатлений, полученных им в период пребывания на Кавказе. Время написания «Черного года...» определяется приблизительно; наиболее вероятным литературоведы считают 1816–1817 гг. Однако напечатать его оказалось возможным лишь в 1829 г. (через 4 года после смерти Василия Нарезного), когда конкретные обличительные намеки стали уже не столь прозрачны.

В романе описаны события времен присоединения Грузии к России; достаточно прозрачно изображена деятельность первого «верховного правителя» Грузии Коваленского, ревностного проводника политики российского царизма, правителя, попиравшего национальные обычаи и интересы горских народов, использовавшего свое служебное положение для личного обогащения.

Сюжет романа основан на злополучных похождениях молодого осетинского князька Кайтука, вызвавшего вражду к себе со стороны тибетского Далай-ламы, отказавшись платить ему дань. Эта дань позволяла предшественникам Далай-ламы «делать что угодно, не опасаясь мщения ни богов, ни людей: смело отнимать у подданных дочерей, грабить светлейших князей, присваивать их владения...» Кайтук же, нарушив установленный Далай-ламой порядок, навлек на себя множество бед, испытал на своем опыте «черный год».

Рисуя трагикомические злоключения осетинского князька Кайтука, Нарезный обратился к художественным принципам «восточных повестей» Вольтера, к его «Кандиду», скрывая под экзотикой едкую политическую иронию, ядовитые насмешки над религией, над корыстолюбием и лицемерием высокопостав-

ленных особ. Тем не менее это вольтеровское начало в «Черном годе...» сочеталось с конкретной картиной местных условий; писатель зло высмеивал жестокий деспотизм власти, беспощадное угнетение народа феодальной знатью и служителями культа; пронизировал над религиозными предрассудками, над тем, как жрецы и муфтии обманывают людей, обирают их, действуя рука об руку с визирями и князьями.

Вот что говорит обо всем этом Нарежный устами своего героя: «Сардар спокойно пригребает к себе жалование военнотружущих... а если кто-либо возропщит, тот, вправленный в фалаку (особый станок для порки. — *Прим. ред.*), возопиет голосистее, чем вопияли подданные твои при пожаловании их кавалерами ордена Нагайки. Визирь, уподобляя себя пастырю овец, властною рукою обстригает весь народ, а с упорствующими сдирает и кожи. Покушались было некоторые, не знавшие нисколько политики, предстать к хану с жалобами на горькую участь свою, но такая дерзость обыкновенно бывала — в пример другим — сурово наказываема, а эти безумцы объявляемы были в народе возмутителями».

Реальная подоплека таких обличительных характеристик и картин романа Нарежного легко устанавливается на основании исторических документов и свидетельств. Исследователи творчества Нарежного (Н. Белозерская, Вано Шадури) указывали на ряд прототипов и фактов, имевшихся писателем в виду при изображении представителей высшей русской администрации на Кавказе, а также местных князей; обрисовал он исторически существовавшие места и реально происходившие события.

Демократическое уmonoстроение автора помогло ему глубоко и верно разобраться в сложной обстановке, создавшейся в тогдашней Грузии; убедиться не только в корыстолюбии, мздоимстве, произволе русских чиновников и военачальников, рассматривавших Кавказ как источник личного обогащения; увидеть хищнический и жестокий гнет феодально-родовых порядков, азиатский деспотизм и самоуправство местных князьков-феодалов. Это была сатирически нарисованная картина паразитического существования грузинских вельмож и духовенства, а также карикатура на русское самодержавие.

Очень актуальны и сегодня взгляды Василия Нарежного на войну, его отношение к ней. Писатель, категорически не разделяя шовинистических и колониальных методов царизма, не одобряя его политики на Кавказе, четко разграничивал в этом романе отношение к войне правящих классов и простого народа. В «Черном годе...» ярко показано, что для вельмож и князей войны — доходное и прибыльное дело, средство наживы и продвижения по служебной лестнице, а для народа — это гибель и разорение. Крестьяне не скрывают своего резко враждебного

отношения к войне, они объединяются и, вооружившись чем попало, дают отпор разоряющим их войскам. Один из крестьян в «Черном годе...» говорит: «Кучами бы напали на проклятое воинство ваше и передушили бы всех с безумным повелителем, который не знает или не хочет знать бедствий, какие причинили нам разбойничьи толпы его, коих он именует воинами, защитниками отечества».

Смысл и значение сатиры Нарезного, несомненно шире, чем просто осмеяние порядков и событий, относящихся к Кавказу. Сатира писателя так же остро направлена и против самодержавно-полицейского режима, против крепостничества, царивших в самой России, против колониальных, захватнических и грабительских войн, их зачинателей и исполнителей. В визирах, муфтиях, горских князьях с их деспотизмом, хищничеством, беззаконием легко узнавались и российские правители, вельможи, судьи и священники.

Современникам Василия Нарезного роман «Черный год, или Горские князья» показался недопустимо дерзким произведением. Даже в Вольном обществе любителей русской словесности, в этом передовом литературном кругу, который доброжелательно относился к писателю, роман было встречен отрицательно: его демократизм, резкость его политической сатиры, насмешки над религией испугали членов Общества. «Черный год...» рецензировался по решению Общества М. М. Сониным и А. Е. Измайловым. Секретарь цензурного комитета М. М. Сонин особенно возмущался «отвратительнейшими изображениями» и нападками Нарезного на «предметы, везде свято уважаемые» — «Правление и Религию», — и указывал цензурную недопустимость «близких применений», которые «можно вывести к случившимся происшествиям (т. е. присоединению Грузии. — *Прим. ред.*), или к принятым и существующим обыкновениям и законам».

Отзыв же А. Е. Измайлова, симпатизировавшего Нарезному и стоявшего на более близких к нему позициях, не был опубликован, но известно, что в этом отзыве роман признается «едва ли не лучшим на нашем языке». Однако и для Измайлова совершенно неприемлемы «дерзкие и противные благопристойности шутки... насчет религии и самодержавной власти»; не приемлет он и языковой грубости автора.

Роман был напечатан, как сказано выше, лишь в 1829 г. — почти через тридцать лет после описанных в нем событий. Не понятый и не принятый современниками, роман Василия Нарезного «Черный год, или Горские князья» близок нам своей острой социальной направленностью, осуждением произвола и корыстолюбия власть предержащих, сочувственным отношением к угнетенным и обездоленным, резким неприятием войны как способа решения вопросов взаимоотношений правительств и народов.

Редакция издательства «Эль-Фа» надеется, что читатели Кабардино-Балкарии и соседних республик Северного Кавказа с интересом познакомятся с публикуемым романом Василия Нарезного, найдут в нем за внешней занимательностью интриги правдивые картины жизни той поры, т. е. приобщатся к истории народов Кавказа XIX века, почувствуют созвучие антивоенных взглядов Нарезного с собственным восприятием войны как способа, направленного против жизни, против человека, против будущего.

часть I

РОМАНЫ И ПОВЕСТИ

ВАСИЛИЯ НАРЪЖНАГО.

САНИКТИПЕТЕРБУРГЪ.

1836.

КНЯЗЬЯ КАЙТУКИ

Если весить достоинство моего происхождения на весах истины, на которых всегда кажется должно быть взвешиваемо всякое достоинство, то в сем отношении не уступлю я и самому Моголу Великому, не говоря уже о мелких азиатских владельцах, о коих после довольно наслышался.

Родитель мой был один из важнейших князей, владевших на крутизнах славных гор Кавказских. Он называется именем своего отца, деда, прадеда и всех предков — Кайтуком, и в честь их теням назвал и меня сим почтенным именем, которое одно, по мнению всех его подданных, подавало надежду, что я буду добр, честен, храбр и счастлив!

Обширное владение отца моего простиралось, по крайней мере, на двадцать стадий в окружности, а подданных было не менее ста домов. Кто-нибудь скажет: «Это весьма немного!» Но разве не все равно, если бы их было и несколько тысяч? Быть обладателем одного или сотни подобных тебе существ, кажется, не составляет большой разности. У него были два верблюда, которых называл он горбатыми слонами, до ста горских лошадей и довольное число быков и коров; а овец, баранов, козлов и коз — тьматмущая.

В первой молодости я наслышался, что явление мое на свет сколько обрадовало моих родителей, столько вместе с тем и опечалило. Верховный жрец богов наших, Маркуб, по высокой науке предугадывать будущее и понимать язык звезд, ветров и прочих небесных и земных явлений, предсказал, что как только исполнится мне двадцать пять лет, то следующий за тем год будет для меня *Год Черный*. Такое предвещание сильно возмутило разум моей матери: она часто воображала о бедствиях, в будущем мне угрожавших, и печалилась в настоящем; а когда перешел я на двадцать первый год возраста, то она занемогла и скоро переселилась в области теней.

Остальное время до моего чернолетия прошло в обыкновенных занятиях, приличных людям моего сана и возраста. Я сделался великим искусником ездить верхом, метать копьа, стрелять из лука и делать самые трудные увертки, для доброго борца необходимые.

Наконец – в двадцать шестой раз в жизни моей – настал двадцать пятый день месяца Барана, в который я впервые вздохнул наружным воздухом. Сердобольный родитель мой – по совету мудрого Маркуба – принес богам великолепную жертву; угостил народ щедро, а главнейших бояр и жрецов оставил пировать за своими столами. По окончании еды и питья, Маркуб в утешение князя поведал, что боги наши, милостиво взирая на его набожность, по числу овец и баранов, на жертву им принесенных, открыли способ, как можно победить черноту наступившего для меня года, и что если молодой князь выполнит их веления, то вместо несчастий, ему угрожающих, узрит все блага мира лицом к лицу.

На другой день после сего пира родитель мой вдруг разболелся и почувствовал близкий приход вестника новой жизни, который вынесет его из земной темницы и водворит в стране света. Маркуб предстал к одру болящего и спросил его: «Кто есть Макук?» – «Обладатель грома и молнии, дождя и ветров, и всего небесного и поднебесного!» – «А Кукам?» – «Такой же обладатель страны преисподней, где самый сильный огонь производит непроницаемый мрак и нестерпимую стужу!» – «Дельно! А что они в областях своих делают?» – «Едят шешлык* самый горячий и пьют просяную водку». – «Хорошо! Чем отличается один от другого?» – «Небесный Макук имеет вид человека с козлиною бородой, глаза синие, а ноги петушьи; подземный же Кукам есть не что иное, как огромная лягушка с змеиным хвостом и бычьими рогами, сидящая верхом на слепне». – «Нельзя лучше! Чего они оба от нас правоверных требуют?» – «Макук хочет, чтобы мы как можно чаще приносили в жертвы самых жирных баранов; а Кукам сверх того советует не жалеть просяной водки!» – «Прекрасно! Что откажешь ты на украшение храма богов, или попросту: на прокормление жрецов и прикрытие наготы мужей сих богоугодных?» – «Повелеваю выдать каждому десять юзлуков**, по новой бурке*** и отпустить по две овцы и

* Шешлык – употребительнейшее кушанье, и состоит из небольших кусков мяса, нанизанных на деревянный вертел, которые поджаривают на горящих углях.

** Юзлук – персидская монета, равняющаяся нашему рублю медью.

*** Бурка – род войлочного плаща.

по два кувшина просяной водки». — «Превосходно! Теперь разрешаю узы жизненные и позволяю отправиться в чертог великого Макука. Да соделается там чрево твое столь же пространно, как аспидная пещера нашего храма, дабы мог ты вкусить истинные наслаждения, поглощая одним разом по несколько жареных баранов и выпивая по целому буйволиному тулуку* просяной водки». Родитель мой, приняв это благословение, отошел от мира сего с лицом, обольщающим всякого, а особливо умирающего, — надежды. Да и кого не прельстили бы наслаждения, Маркубом обещанные! С подобающими высокому званию покойного почестями предано было тело его погребению, и я — как добродетельный сын, целую неделю нещадно стегал себя плетью**.

Глава 2

ЧУДНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Когда кончились все священные обряды и горесть моя мало-помалу начала превращаться в спокойное ощущение бытия своего, Маркуб, пришед ко мне, сказал: «Князь Кайтук! Ты должен вспомнить, что двадцать пятый год жизни твоей, по собственному моему предсказанию устами великого Макука, имеет быть для тебя Черным годом. Это говорил я, Маркуб, первосвященник наших богов, и словам моим необходимо верить, хотя бы иногда казались они и бессмысленны. Итак, внимай: во весь наступивший год жизни твоей не смей прикоснуться ни к одной женской особе, не употребляй в пищу ни куска баранины или козлятины, и в питье ни капли просяной водки. Пища твоя да будет овсяный хлеб, питье — чистая вода из реки Терека. Всех пригоняемых в подарок тебе козлов и баранов и приносимые кувшины с просяною водкой отсылай в капище Макуково на потребу богов наших. Я беру на себя обязанность быть их угодителем, как устав предписывает».

Я онемел от такого неожиданного предложения, и

* Тулук — кожаный мех.

** Сии народы — как сам я видел — по случаю смерти родственника или приятеля оказывают сами над собой разные тиранства. Мужчины стегаются плетью, а женщины дерут у себя волосы, терзают щеки и груди.

хотя был еще весьма доверчив ко всем словам Маркуба, но за столь невыгодное для меня условие избавиться от Черного года готовился было отвечать ему прямо по-княжески, как один из моих телохранителей, самый проворный из всех двенадцати, вбежав в приемную храмину, объявил, что посол Великого тибетского Далай-ламы желает иметь со мною свидание и поведать волю своего владыки.

Давши знак, чтоб посла впустили, я величественно сел на возвышенных козлах, покрытых пестрым ковром астраханским; взял в правую руку изрядной величины кедровый пест, по обоим концам обитый в Моздоке листовым серебром, а левую возложив на рукоять меча булатного. Так в случаях военных всегда делал вечнодостоинный памяти родитель мой, по примеру великих предков своих; так сделал и я для принятия тибетского посланника, который и не замедлил предстать пред светлыми очами моими.

Он был мужчина пожилых лет, малого роста, но с таким чревом, какого Маркуб желал родителю моему в области Макука. Тело его покрывалось черною долгоголою епанчею, и на обритой голове возвышался красный колпак, вытканый из козьего пуху.

Посол Тибета, не сделав мне ни малейшего наклона головою, начал говорить так: «Я называюсь Шишимор, и есмь посол величайшего из владык земных — тибетского Далай-ламы. Хотя он сед и дряхл, однако, тем не менее, ликует в ложищах его великое множество красавиц из стран всего Света. Он вечно здравствует, хотя беспрестанно болен; он бессмертен*, хотя умирает с каждою проходящею минутою. Царь Индии и могучий Райн, с благоговением припадая к стопам сего державного мужа, с восторгом лобызуют зеленые каблуки желтых туфель его. Прелестнейшие царицы почтут за верховное счастье, когда он удостоит к которой-нибудь из них прислать для вкуса завялое яблоко, или для обоняния нарцисс заблекший!»

Он остановился, и я отвечал с важностью: «Мне же какая надобность, что Его святость — такая великая особа? Если он славен и счастлив на своих козлах, под колпаком золотокованным, ему же лучше! Он Далай-лама на равнинах Тибета, а я — князь Кайтук в ущельях Кавказа».

«Ужасная хула! — вскричал ревностный посол. — Что зна-

* Индийские язычники верят, что их Далай-лама бессмертен.

чат Кайтуки целого Света против одного ногтя Далай-ламы? Всяк поклоняющийся Макуку и обожающий Кукама, непременно после них должен поклоняться Далай-ламе и обожать его! Сей наместник богов на земле имеет неоспоримое право дарить небесным царствием, или посредством ужасного заклинания — предавать в когти Кукамовы не только Кайтука кавказского, но и самого Могола Великого. Впрочем ведай: «Если ты добровольно покоришься власти его и обяжешься ежегодно в казну его платить по сто юзлуков персидских, то он будет отцом твоим и благодетелем. Ты можешь тогда делать что тебе угодно, не опасаясь мщения ни от богов, ни от человека. Смело отнимай у подданных дочерей, грабь светлейших соседей и присваивай себе их владения; проливай кровь всякого тебе противного и точи его слезы; раскаяние тебя не коснется».

Слова эти разлили в сердце моем какое-то странное чувство. Это была смесь любочестия, спеси, гордости и — человечества. Мне, правда, нравилось дозволение повеселиться на счет подданных и соседей, но я и опасался от них возражений, могущих быть для меня весьма ощутительными. Поэтому я сказал: «Хорошо, господин посол! Не снабдит ли меня владыка твой в нужном случае войском и деньгами, а без того — сам умный человек, знаешь — трудно располагать чужим имуществом».

— Войском? Деньгами? — отвечал посол таким голосом и с таким видом, как будто услышал о чем крайне неожиданном. — Нет! — говорил он с усмешкою, — этого не водится и было бы уже слишком несоразмерно. Весьма довольно, что он дает тебе свое позволение на поборание врагов и супостатов, и силою своей святости преклонит тебе помощь богов твоих!

— Дельно, — сказал я, — но когда его святыня делает мне сие одолжение, то что помешает ему сделать такое ж и моим соседям?

— И конечно: он-таки через меня это и сделает.

— И даст им право располагать моим княжеством и особою?

— Если они будут тебя щедрее.

— А-а! Так властелин твой вещает свое благословение по тяжести юзлуков, ему подносимых?

— Так и должно; и самое простое участие — чего-нибудь стоит; а то посуди сам — благословение Далай-ламы! Это,

друг мой Кайтук, по-европейски называется политика, — но ты еще молод, неопытен!

Он хотел было еще потолковать со мною о политике, но я, оскорбленный его затейливостью и невежливым выражением — *друг мой Кайтук!* без приложения звонкого слова «князь», взбесился чрезмерно, и спросил главное: «А если я плюю на твои и твоего ламы обещания, и благословение его считаю дешевле горного лука?»

— Тогда ты с душою и телом, с родом и племенем — проклят отныне и до века!

— Тогда — остановись, велеречивый посол, — вскричал я вне себя от неистовой запальчивости. — Усердие твое достойно награды от твоего повелителя! Объяви ему, как я тебя принял и оделил подарками; скажи, что если бы и сам он предстал теперь перед глазами моими, то не хуже угощен был бы.

После этого соскочил я с козел, отвесил пестом своим в спину посланника с дюжину ловких ударов, и велел некоторым из моей стражи проводить его плетью до границы моего владения, до коей он должен был пробежать добрые полчаса, а если тяжел на ногу, то и целый час.

Маркуб весьма сурово смотрел на меня по неожиданности такого поступка.

«Князь! — сказал он невежливо. — Понимаешь ли, что ты сделал? Это беззаконие не изгладится и самую твою смертью. Возможно ли? Ты дерзнул поднять грешные руки свои на поражение хребта посольского! И чей посланник этот? Первого жреца в подсолнечной! Не то ли это значит, что и самому великому Макуку отвесишь пощечину? Это грех, недостойный помилования!»

«А почему так? — вскричал я сердито, — если бы и сам Далай-лама своею высокою особою вздумал делать мне такие же глупые, насильственные, несоответственные величю моему предложения, то я ни на минуту не колебался бы оделить его так же, как и его кичливого посланника!»

После сих слов, произнесенных твердым голосом, возвысил я жезл свой над жресческой спиной; он отскочил шага на два, телохранители вытолкали его в шею, и я, оставшись один, начал размышлять о введении и сохранении надлежащего порядка при высококняжеском дворе своем.

КНЯЖЕСКИЙ ДВОР

Как общая деятельность в гражданстве есть душа общего устройства и покоя, то на этом глубоком политическом правиле все дела мои были основаны. Едва начинало солнце освещать вершины кавказские, уже подданные и княжеский двор приходили в великое движение. Одни перед окнами моего спального чертога разводили большой огонь; другие свежевали козлят и барашков, дабы за шешлыком дело не стало; третьи с моздокским кубиком трудились над выкурением из проса водки. Когда появлялся я у окна, то человек пять-шесть телохранителей начинали трубить в медные рога, выписанные предками моими из Персии, для отправления торжественных поклонений в храме Макука.

С молодых лет наслышался я о мудрости, богатстве и великолепии Болван-Дула, хана астраханского. Владелец сей ни в чем не хотел уступить шаху персидскому, который, по носившейся о нем молве, малейшею частью своего великолепия уничтожал во всяком надежду сравниться с ним. Но разумный человек на все найдет способ. В чем нельзя сравниться, в том можно подражать, хотя даже в одной наружности, которая нередко занимает место самой сущности, и часто с большим блеском и привлекательностью.

Когда астраханский повелитель не сомнился подражать шаху персидскому, тем менее я — по власти всемогущего Макука князь Кайтук, находил затруднения в подражании великолепному Болван-Дулу! Посему учреждено так: знатнейших вельмож двора моего, одного нарекаю визирем*, другого — сардаром**, третьего — назиром***. Первый отправлял дела внутренние и заграничные; второй предводительствовал моим воинством; третий заведывал государственными доходами и расходами.

Каждое утро, как скоро являлся я в чертог Совета, то есть в огромном сарае, состоящем из четырех стен, слепленных из голышей и глины без всякой крыши, дабы я и мои советники, в сомнительных случаях, приводящих

* В и з и р ь — верховный министр.

** С а р д а р — военачальник.

*** Н а з и р — великий казнохранитель.

умы человеческие в замешательство, обращая взоры к открытому небу, могли непосредственно набираться мудрости свыше, когда, говорю, вступал я в сей чертог Совета, который в весеннее и летнее время обращен был на это важное употребление, а особливо и зимою, когда спадали листья с дубов, буков и чинар, и горная трава, и каменные мхи покрывались снегом, служил безопасным убежищем отчасти горбатым моим слонам, коням, быкам и коровам, а отчасти баранам, козлам, козам и овцам с их чадами, — когда, повторю еще, вступал я в это святилище, то визирь мой Шамагул, он же и наставник в высоком искусстве управлять мудро подвластными народами, и сардар Бектемир, величайший из полководцев, уже преимуществовали у огня с назиром и знатнейшими из подданных; два телохранителя всегда меня сопровождали. Тут начинались приготовления пешлыка, а между тем мы забавлялись вкушением готового уже божеского просяного напитка. Когда все предлагаемое и предстоящее было съедено и выпито, я открывал суд моему народу, и, будучи озаряем светом разума своего и подкрепляем советами опытного Шамагула, всегда произносил мудрые суждения.

В одно из первых заседаний прозорливый визирь Шамагул сказал:

«Тебе известно, князь, что я, во время путешествий моих бывал даже в Астрахани, имел часто случай беседовать с мудрыми чужеземцами и приобрел довольно знание в европейской науке — политике. Там положено незыблемым правилом, чтобы владетельные лица в одной земле различались между собою счетом, следуя порядку вступления в управление своею областью. Обдумав это обстоятельство и справясь с памятью наших старожил, а те с преданиями, полученными от предков, мы нашли, что ты — светлейший князь, в нашем владении носишь знаменитое имя свое — по числу от первого — князь Кайтук двадцать пятый: итак, не благоугодно ли будет тебе к имени своему всегда число сие прикладывать?» Это важное предложение было большинством голосов одобрено и принято.

Так прошли девять дней благословенного моего владычества, и настал десятый. День сей празднуем свято в память торжества Макукова, которому некогда, по доставленным известиям, злокозненный Кукам добрым порядком нагрел затылок и пощипал бороду, за что и ему

изрядно досталось в десятый после того день, ни раньше, ни позже, именно: он превращен в страшную лягушку и посажен верхом на слепня, как сказано выше.

Глава 4

ПЕРВОСВЯЩЕННИК

Со всем двором и телохранителями отправился я к огромной аспидной пещере, находящейся внизу скал в моем княжестве, при берегу Терека, и составлявшей обителище богов наших. Немало подивились мы, увидев всех подданных обоего пола стоящих в крайнем унынии у входа в пещеру. Когда мы подошли ближе, я грозно спросил у предстоящих жрецов: «Что это значит? Кто осмелился заключить двери храма, когда должно совершаться поклонение в присутствии моем и всех великих двора моего?»

Тогда один жрец побойчее прочих, по имени Шемела, выступя вперед, сказал: «Двери храма сего заключены самим верховным пастырем Маркубом, и ты видишь нагайку, лежащую у порога. Кто без его позволения осмелится переступить оный, тот будет на другом свете беспрестанно и нещадно ею стеган. Ты сам виноват, князь: зачем было так поносно оскорблять особу первосвященника? Он теперь раздражен, и ты вкупе со всем народом не удостоишься присутствовать при священнодействии, пока не удовлетворишь богов своим уничижением, и не почтишь жреца их дарами приличными. Таково изволение богов и их первосвященника».

С природы я был не робок; но тут, в присутствии всего народа, обнаружить себя противником обычаев, занявших место закона, показалось опасно: но вместе с тем — явить себя узником жрецов, кому же? Высокому князю Кайтуку XXV — было для чести моей крайне оскорбительно.

Подумав несколько, спросил я, обратясь к своему визирю: «Как думаешь, премудрый Шамагул?» Он также на свой пай призадумался, но после, покачав головою, произнес: «Если бы опытный визирь Шамагул был теперь на месте храброго князя Кайтука, то верно бы знал, не спрашивая совета и не ломая головы, что ему надо делать! В решительных случаях медлительность пагубна!»

— А что бы такое сделал визирь Шамагул?

— Он подумал бы так: «Пусть на том свете, о коем достоверное сведение имеет один всезрящий Макук, делают со мною что угодно, а на этом покамест, чтоб не быть игрушкой жрецов и посмешищем народа, я приказал бы честным отцам отпереть двери; кто будет из них ослушен, того постегать этою плетью, войти в храм, облачиться в ризы первосвященничи и отпеть святые молитвы, подобающие в честь великого Макука. Кто из жрецов не станет пособлять тебе по обязанности верноподданного, того я берусь приохотить к тому одною и тою же нагайкой».

— Шамагул, величайший из визирей! — вскричал я, поднимая плеть. — Ну, честные, старцы, отпирайте двери храма!

— Не у нас ключ!

— Так выломайте; вас довольно, а двери не булатные!

Честные старцы мои стояли как вкопанные в землю; но я, так как князь, следовательно первое лицо в народе после Макука и Кукама, горя нетерпением прислужиться божествам отправлением подобающего им священнодействия, начал изо всей силы стучать плетью по спинам жреческим. Они опрометью бросились к входу в храм, придавая один другому бодрости кулачными ударами. В минуту двери отверзлись, и я со всем двором и народом преклонил колени пред изваяниями Макука и Кукама.

Глава 5

ЧУДО

Я повелел возжечь свечи по всем углам пещеры, и особенно пред кумирами богов, у подножия коих воссев на искусно обделанном кедровом чурбане, дал знак жрецам, чтобы облачили меня при чтении молитв обычных. Первоначально надели мне на ноги красные туфли с медными подковами, потом фуфайку длинную по колени, и препоясали мишурным поясом самой высокой армянской работы; далее — длинную полосатую эпанчу, сшитую на образец турецкий; в заключение же убранства возложили на голову мою остроконечный колпак, сделанный из листовой меди, на котором с неподражаемым искусством изображены были спереди: кроткий Макук, а сзади — неугомонный Кукам.

Когда приготовления были закончены, то есть когда я

был облачен по надлежащему, а жрецы стояли по правую руку с мусикийскими орудиями, как то: с предлинными медными трубами, бубнами и литаврами, а по левую с разнатыми ртами, дабы совокупным действием наполнить воздух игрою и пением, удобными проникнуть сквозь медные уши богов наших, тогда старший из наличных жрецов, по имени Шемела, с почтением поднес мне небольшой серебряный рожок, который я, одною рукою принимая, а другою отдавая нагайку визирю Шамагулу, сказал: «Верный мой визирь! Вот тебе знак особенной моей доверенности! На твое усердие возлагаю объявить всем моим подданным, что вера, мною теперь принимаемая, клонится ни к чему иному, как только к возвеличению во всей подсолнечной славного имени осетинцев, под правлением моих благоденствующих; ко вразумлению народов соседних, что на место одного павшего на войне под моими знаменами рождаются десятки новых подвижников; к уверению народов отдаленных, что с сим поступком нераздельно соединены честь, слава и счастье моих народов и ослепительный блеск моего колпака златовидного».

Тут началось действие. Я первый сделал возглас на рожке своем, и за мною раздался такой ужасный рев, такой пронзительный визг, что я отроду подобного не слыхивал. У меня завяли уши, а визирь Шамагул с удивлением опустил руку с нагайкою, которую было уже поднял, опасаясь, что жрецы не очень ревностно исполнять будут возложенную на них обязанность. Рожок мой был так голосист, что заглушал рев труб и звук литавров, и как я после узнал — слышен был во владениях соседей моих, князей Кунака и Мирзабека. Восторг мой умножился, видя раздувающиеся ланиты новых моих собраний; я дал знак, надулся что было мочи, и так звонко завизжал, что все ахнули; прочие подражали мне с особенным жаром, раздался рев, от века в храме нашем неслыханный, и к общему ужасу овец и пастырей, услышали мы вдали страшный гул, с каждым мигом умножавшийся, который вскоре превратился в грохот, подобный быстрому падению водопада, и кончился глухим ниспадением на землю у входа нашей пещеры. Кто опишет общее оцепенение? Мальчики и девушки подняли болезненный крик, возрастные пали на колени, и не иначе думали, как что в минуту узрят лицом к лицу Макука и Кукама, которых мы громогласием своим — одного с гор-

ной высоты, другого из преисподней бездны создали в храм их. У жрецов выпали из рук орудия, у певчих открытые губы окостенели, и я сам, князь и первосвященник, оторопев совершенно, и забыв, что боги должны быть у самого выхода из пещеры, хотел выбежать вон, но запутавшись в святительской эпанче, споткнулся, повалился на свое сидалище и перевернулся вверх ногами, отчего туфли мои и колпак на сажень отлетели. Однако страх не совсем лишил меня рассудка: я вскочил и с онемением сердца ожидал появления богов наших, которые что-то медлили доставить своим усердным поклонникам такое благо, от коего бы они переколели. Благодаря покрову наших девиц и женщин*, они не обнаружили последствий испуга, которые при всем том были почти очевидны, и которые строгий Маркуб не иначе бы назвал, как осквернением храма. Я и сам не преминул бы сказать то же, если б сознание собственного греха не шептало мне, что и я был недалеко от такого же положения!

Наконец, задыхаясь от несносной духоты, я воззвал: «Отворите двери храма; пусть боги благоволят войти, если вид сей им не противен!». Двери отворены с ужасом, и что же мы увидели? Чудо! Недалеко от входа в пещеру лежал огромный гранитный камень, который, может быть, от начала веков находился на краю косогора поверх оной. Хотя я очень видел, что сколько начало первосвященничества моего было одобрено народом, столько продолжение его для меня невыгодно: однако мгновенно озарился мрак разума, и не сказав никому из присутствующих ни слова, повергся пред истуканом Макука и громогласно сказал: «О ты, великий властитель неба! Ты, который беспрестанно насыщаешь пространное чрево свое наилучшим шеплыком и пилавом**, и услаждаешь обширную гортань бесподобною водкою, ибо овцы и бараны небесные не в пример огромное и жирнее наших, и просо, из коего приготавливают тебе напиток, вкуснее астраханского винограда, благоволи мне, первосвященнику храма твоего и владельческому князю народа храброго, открыть благосклонно, что означать должно сегодняшнее низвержение камня сего на землю?»

* Горские женщины, как и все прочие азиатки, носят широкие шаровары.

** П и л а в — кушанье, приготавливаемое из сарачинского пшена и баранины.

Проговоря речь свою, я встал медленно, приблизился к истукану, приставил правое ухо к устам его, довольно времени слушал внимательно, и наконец отступил на два шага, низко ему поклонился, потом обращаясь к народу, сказал: «Благодарите великого Макука, о правоверные осетинцы! Он теперь поведал мне, в присутствии всех вас, что низверженный перстом его камень есть неразрушимый залог неограниченной благосклонности его ко всем нам, и в особенности ко мне и моему дому. Да будет же он священ для нас и для нашего потомства. На верхней части сего драгоценного памятника да укрепится медное изваяние благодетельного Макука, и не ниже как в пол аршина величиною. Всяк проходящий мимо да не дерзнет не почтить его поклоном; в противном случае такой ослушник лишится шапки или балахона».

Разоблачась из торжественной одежды, со всевозможною важностью вышел я из храма и облобызал угол камня. Все в том подражали мне.

Глава 6

ОРДЕН НАГАЙКИ

Будучи чрезмерно доволен необыкновенною своею прозорливостью, решил я в день, столь торжественный, пожертвовать двумя или тремя лишними баранами и козлами для обеда, и несколькими кувшинами водки для возбуждения и поддержания позыва на пищу и распространения разумной силы в головах собеседников. Посему, когда вошли в дворцовую ограду, я пригласил к столу жрецов и многих дворян, которые, по моей политике, никогда прежде удостоены сего не были; а между тем дал тайное повеление — дерзкого Маркуба заключить в крепость и держать в строгом посте впредь до моего повеления.

Пир поднялся великолепно похоронного; вельможи замечали, что я подлинно гораздо красивее в первосвященническом колпаке, чем старый, угрюмый Маркуб; жрецы сознались, что я несравненно его щедрее и ласковее; а сардар Бектемир в свою очередь изъяснил — он по природе был молчаливее всякого придворного, — что я сверх того столько храбр, сколько от смертного ожидать можно; ибо при всеобщем ужасе неприметно было, чтобы и меня постигла

почти всеобщая участь. Когда пиршество кончилось, то все разбрелись по домам, чтобы отдохнуть, поведать своим домашним, кои не присутствовали при моем священнодействовании, о случившихся в храме диковинах. Вельмож пригласил я остаться у меня на вечерний кальян*.

Когда все гораздо были веселы, я спросил своих советников: «Каким бы образом пред взором потомства увековечить память незабвенного дня сего? Положим, — говорил я, — что камень, низринутый Макуком, достаточным может быть ему памятником, но это для тех только, кои будут его видеть; а по прошествии нескольких веков и память о сем великом событии истребится! Этого бы не хотелось! Подумайте-ка, друзья мои, как бы нам лучше умудриться?»

Все принялись усердно думать; один, задравши вверх голову, а другой опустя вниз, совокупно испрашивали совета у Макука и Кукама. Первый Бектемир сказал, что ничего кстати не придумаешь, и принялся за кальян. Другие почти то же самое выдумали, и то же самое делали. Дошла очередь до визиря Шамагула, и он, разгляда усы, сказал: «Вот что я выдумал: как нагайка, лежавшая у дверей нашего храма, была главною основою сегодняшних приключений, ибо все твое благоразумие не принудило бы жрецов выломать двери, а кровопролитный меч возбудил бы в народе возмущение, то не благоугодно ли будет тебе, светлейший князь, учредить, по примеру некоторых владетелей, особенный орден и наименовать оный орденом Нагайки, а я беру на себя сделать образчик оной и сочинить устав. Орден сей раздашь ты усерднейшим подданным, и при посольствах разошлешь к союзным князьям горским, ибо так водится между образованными народами. Сим приобретешь ты почтение от потомства, яко первый изобретатель такого общепользующего заведения и предашь в сохранение ему свое имя!»

«О, величайший из возможных политиков во всех ущельях Кавказа! — вскричал я с восторгом, — устрой, как сказал ты, и угодишь мне чрезвычайно; но чтоб не развлекать тебя присутствием на моих советах, то на целые три дня увольняю тебя от оных, а каждое утро буду посылать тебе

* К а л ь я н — особенного рода орудие, из которого курят табак. Потчивать кого кальяном почитается в Азии знаком приязни.

на пешлык по доброй части баранины и по полукувшину водки».

Глава 7

КНЯЖЕСКИЙ СУД

На другое утро по открытии Совета предстал ко мне молодой горец из хорошего дома, влекомый за обе руки также двумя молодыми девками-сестрами. Когда они подошли к моим козлам, то сестры подняли такой крик, что от подобного завяли бы и Макуковы уши. Я осмотрел сих пришельцев внимательным оком судьи беспристрастного, и как младшая показалась мне гораздо пригожее другой, то я велел говорить ей первой. Посему она, преклонив голову под увесистый пест мой, сказала: «Правосудный князь и премудрый жрец Макуков! Окажи ко мне бедной твое внимание. Более месяца прошло, как в меня влюбился сей молодой горец, равномерно и я в него. Долго противилась я любовным его нападкам, наконец, стала побеждена. Вчера он поклялся мне страшным Кукамом, что на другой же день на мне женится, если будет доволен мною в полной мере. Обольстясь сим торжественным обещанием, я дозволила ему в прошедшую ночь прийти в нашу хижину и переночевать со мною на одном войлоке. Когда увидела я, что время, назначенное к свиданию, уже прошло, а Наур не являлся, то движима будучи незнакомым мне волнением крови и трепетанием сердца, я вышла из хижины, и увидя стоящего подле дверей своего любовника, бросилась к нему с восторгом; но он, вместо того, чтобы упасть в отверстие мои объятия, отсчитал несколько пощечин, сопровождая их поносными словами, и удалился. Мне ничего не оставалось делать, как плакать, в чем я и провела остальное время ночи. Сегодня сестра моя, рано поутру одевшись в праздничное платье, сказала: «Оставайся дома, и приготовь к обеду лишнее, я намерена привести гостя. Знай, что я иду к любезному Науру, дабы соединиться с ним браком, так как эту ночь я с ним проводила!» Не менее поражена была я сими словами, как и ночным поступком со мною неверного Наура, или падением священного камня в последний праздник. Опомнясь, бросилась я вслед за сестрой, и только лишь догнала ее, как встретился с нами Наур, ко-

торого я почти насильно привела к возвышенным козлам твоим, прося явить мне правосудие и наказать преступника за оклеветание чести моей и за данные пощечины».

Когда замолчала она, я величественно посмотрел на другую сестру, которая нисколько в лице не изменилась. На вопрос мой: «Ты что скажешь?» она непринужденно отвечала: «Ничего более, кроме того же, что объявила сестре своей, и что ею тебе уже рассказано!» «Ну ты что?» — спросил я у горца. «Подтверждаю все, — отвечал он, — что обе сестры сказали. Так, светлейший князь! Ночью был я в их доме. В совершенной темноте, с величайшею тишиною, нежная рука вела меня и опустила на войлок. По прошествии упоения, я также тихо выпущен, и остановясь у дверей, невольно задумался о вероломстве любовницы — нашед уже ее — прости, великий святитель, что не смею говорить яснее; ты меня хорошо понимаешь!»

«Беда, да и беда! — думал я, потирая лоб. — Самое запутанное дело! Что ты скажешь, почтенный Бектемир? Как бы нам ладнее решить эту глупую задачу?» — «Право не знаю», — отвечал тот. Потому что у меня пересохло в горле, я рассуждал о прохлаждении.

Я дал знак телохранителю, который в один миг явился с двумя большими кубками, по опорожнении коих мы взглядели один на другого весело, и Бектемир уверял, что он будет самый прилежный советник княжеский.

«Великий Макук! — говорил я мысленно, — просвети мой разум, дабы не сделать неправосудия и не постыдишь себя невежеством». Великий Макук и подлинно просветил ум мой чудесным светом, и я воззвал: «Теперь, наконец, постигаю истину! Справедливость будет оправдана, а преступление наказано. Хотите ли вы, сестры, чтоб я, для избежания в сем деле проволочки, обладание тою или другою из вас сим молодым воином предоставил собственному его выбору?» — «Я очень согласна, и забываю его обиды», — отвечала младшая с радостью. — «А я нет!» — вскричала старшая. — «А почему?» — «Потому что он, насытя свои злодейские желания в моих объятиях, вероятно, изберет теперь сестру мою!» — «И то быть может», — сказал я задумчиво...

РЕШЕНИЕ

«Помедли, князь, остановись! – вскричал Бектемир. – Я вижу, что ты теперь нарочито премудр и рассуждаешь непомерно разумно. Если от одного кубка боги даровали тебе столько прозорливости, то – посуди сам, сколько прибавится оной, если мы одолеем теперь по другому!» «Прекрасно!» – отвечал я; и когда по сему совету было исполнено, то и в самом деле я очутился так разумен, как и не думал.

«Слушайте слова мои! – воззвал я. – По вашим донесениям заключаю, что старшая сестра виновата во всем, да и Наур не прав. Примечаю, что старшая была также влюблена в сего горца и воспользовалась оплошностью сестры своей. Младшая – если бы утратила заранее свое приданое, не осмелилась бы, на сказанном договоре, пустить к себе любовника. Итак, Наур посещал старшую, почитая ее за младшую, и не нашедши того, чего имел право ожидать, отметил последний за грех сестры ее. Посему – за опрометчивость. Наур должен просидеть в крепости трое суток и заплатить обиженной пять юзлуков, а другие пять в княжескую казну, в вознаграждение той скуки, какую довелось мне терпеть, разбирая проказы ваши. Тебя же, старшая – главную виновницу сей суматохи...»

Язык у меня против воли остановился. Я обеими руками поднял жезл; виноватая, или, по крайней мере, обвиненная, поверглась предо мной на колени с умоляющими взорами, второпях так сильно толкнулась о козлы, что они затряслись, и я пошатнувшись, пал на пол также на колени пред нею, и оба исправно стукнулись лбами. «О! – вскричал я, заикаясь и привставая с земли. – Где мой жезл? – кричал я. – Неистовый Бектемир! Подними жезл и подай мне: я поражу эту вероломную, которая меня околдовала. Возможно ли! Заставить князя и первосвященника ползать по полу, ища орудия в праведном наказании! Слыханное ли дело? Вот как бестолковый Маркуб смотрел за нравственностью моих подданных, что допустил разлиться яду чародейства между ими! Вот я вас, беззаконники!»

ДАЛЬНЕЙШИЕ ЗАТЕИ

Опомнясь, я нашел, что лежу на своих подмостках, устланных мехами овец калмыцких. Будучи обезумлен минувшими происшествиями, не скоро смог прийти в надлежащий рассудок. На голос мой явился один из моих телохранителей, и на вопрос: чем кончился суд мой в чертоге Совета, и что тогда было, утро или вечер, возвестил, что когда я, лазя по полу, чтоб сыскать жезл свой, утомился и скоро заснул, то Бектемир велел отнести меня в спальню; сам же приказал препроводить Наура в крепость, пока не заплатит пени, и пожелал обеим просительницам лучшего успеха в любви, бодро отправился в дом свой. «Теперь у всех горцев вечер, — продолжал он, — и я ожидаю повелений». — «Поди и спи, — отвечал я, — а утро вечера мудренее».

На другой день в утреннее время я не преминул присутствовать в Совете, где все сочлены единогласно объявили, что мое вчерашнее решение в таком запутанном деле беспримерно было премудро. Они жалели только, что по неотысканию жезла старшая просительница осталась ненаказанною за вину, столь важную. «Так тому и быть, — отвечал я, — пусть на сей раз будет для нее наказанием, что осрамлена во всем княжестве, и не скоро заманит к себе на войлок другого глупца, подобного Науру».

До наступления торжественного дня, в который я должен священнодействовать, время прошло без особенных приключений. Весь народ доволен был моими судами, а вельможи не могли нахвалиться моими щедрыми угощениями.

Накануне великого дня, в который готовился я священнодействовать в храме наших богов, прибыли послы от соседственных князей Кунака и Мирзабека. Мгновенно взмостился я на козлы, и введенные по данному знаку послы объявили желание светлейших своих властелинов присутствовать со своими семействами при моем поклонении богам. Мне приятна показалась со стороны их такая вежливость, и я, одаря послов глиняными трубками и дав каждому по папуше табаку и по кубку водки, отпустил с честью, приглашая в храм, высоких посетителей, а после к себе на завтрак.

Давно слышал я, что Сафира, дочь Миразбекова, есть прекраснейшая княжна из всех княжон, здравствующих на вершинах Кавказа. Хотя никогда не удавалось мне ее видеть, ибо она незадолго пред тем прибыла к отцу, быв воспитана у дяди своего, князя Казбека, самого просвещенного и самого сильного из всех князей горских. Однако теперь охотно верил общему слуху о красоте ее, и мне бросилась в голову мысль, что, конечно, великий Макук хочет осчастливить меня, удостоя увидеть сию редкую красавицу. «Только бы увидеть, – говорил я сам себе, – а победить ее сердце будет уже мое дело, и кажется – не мудреное. Постараюсь отправить поклонение Макуку как можно величественнее и красивее».

В сем намерении немедленно отправил я письменное повеление жрецу Шемеле, первенствующему после меня, где именно означено: «Благоприличие храмов всегда угодно Макуку и Кукаму. Нередко блаженной и вечно достойной памяти предки мои расточали на то казну свою, и за потерю нескольких сотней юзлуков соделались почтенными у потомства! Я хочу сравниться с ними в благочестии, ибо свидетели онаго будут князь Мирзабек с прекрасною дочерью своею, княжною Сафиною, и князь Кунак с преглупым сыном своим, князем Кубашем, который в политике менее ишека* сведуш. А потому ты на мой счет вели сейчас согнать всех пауков со стен храма, выколотить всю пыль из моего полосатого балахона, а пуще всего чисто-начисто золою и мелом вычистишь первосвященнический колпак и рожок, не забыв также подновить изображения Макука и Кукама. Чем боги бывают наряднее, тем с большим благоговением смотрят они на жрецов их. Все меры приложи, чтобы завтра чуть свет все было совершенно готово, а не то, – ты знаешь, как полновесна моя нагайка!»

Распорядясь таким премудрым образом, я занялся воображением о прелестной Сафире, и неприметно погрузился в любовную задумчивость. Придворные вельможи, приметя мое уныние, и не зная, чем развлечь оное, дали тихонько знать визирю Шамагулу, который в скором времени и явился ко мне с образцовою нагайкою и грамотою об учреждении онаго ордена. «Князь! – воззвал он вошедши, – я исполнил твое повеление касательно провозглаше-

* Ишек – род малорослых ослов.

ния об устройстве нового, неслыханного ордена, который возвеличит имя твое превыше всего великого. Время теперь весьма удобное к слушанию; так послушайте все, что начертал Шамагул, верховный визирь светлейшего князя Кайтука!»

Приняв на себя величественный вид и опершись на жезл, я готов был слушать, и Шамагул, возвыся глас, читал следующее...

Глава 10

УСТАВ ОРДЕНА НАГАЙКИ

Изволением высочайшего бога Макука и нижайшего бога Кукама, я князь Кайтук XXV, обладатель немалой части ущелий кавказских и берегов Терека, по случаю внезапного восприятия на себя достоинства первосвященника в моей области и потому, что великий Макук благоволил на сие начинание мое воззреть милостивым оком, что доказал низвержением на землю огромного камня с вершины утеса, изволил и я великое событие сие ознаменовать во всех веках грядущих учреждением ордена Нагайки. Главные статьи сего важного общепользнего заведения суть следующие:

Статья 1. Знак ордена — нагайка, сделанная из кишок бараньих, длиною в аршин, кнутовище из кедрового дерева четверостороннее, длиною в пол аршина.

Статья 2. На одной стороне кнутовища голубыми буквами написано будет, в знак обладателя неба — Макук; на противоположной — огненными, в означение могущества над адом — Кукам; а на средней, в доказательство, что и князья находятся между светом и тьмою, белыми напишется «Кайтук XXV»; на четвертой — зелеными, в знак, что в природе сей цвет более других приметен, означатся: год, месяц и день свершившегося чудодейства.

Статья 3. Права, коими пользоваться будут кавалеры ордена Нагайки. «Довольно! — вскричал я. — По началу вижу, что ты не даром ел моих баранов и пил просяную водку! О, великий Шамагул! От тебя научился и я знать правила, как управлять народом. Все утверждаю, что только по предмету сему вдохнул Макук в твою голову. Сейчас посылай в Моздок к армянским художникам образчик тво-

ей нагайки, по которому надобно сделать по крайней мере штук пятьдесят. Думаю, что каждый знак ордена не дороже одного юзлука обойдется; чтобы сегодня же нарочный был отправлен!»

Такое распоряжение в один миг исполнено. Вечер проведен в весельи, а ночь, или лучше, часть оной в воображении о прелестях дочери Мирзабековой.

Глава 11

КНЯЖНА САФИРА

Едва лишь вошло солнце над вершинами кавказскими и разлило повсюду разноцветные огни свои, я уже готов был к торжественному шествию. Я сам немало удивлялся величию, с каким шагал с камня на камень. По правую руку имел я храброго сардара Бектемира, а по левую — мудрого визиря Шамагула; за нами следовали назир Бикташ, страженачальник Башир и прочие знатные сановники, а телохранители заключали шествие. Когда все достигли пещеры, я увидел, что князя Мирзабек и Кунак у входа меня дожидались. Обошедшись с ними весьма вежливо и дружелюбно, я, подавая жрецам ключ, сказал самым первосвященническим голосом: «Отверзните врата храма!»

Во время происходивших со всех сторон приветствий увидел я дочь Мирзабекову, Сафиру. О, Макук! Кто опишет прелести сей девицы? Я оцепенел. Она устремила на меня быстрые, блестящие, голубые глаза свои, и опустила вниз. Никакая роза багдадская, никакая заря вечерняя не может быть так румяна, как ее щеки! Губы ее, грудь, стан. О, Макук! Ты доставил мне случай ее видеть, или сделаешь счастливейшим на свете, или злополучнее последнего осетинца? Хотя я чрезмерно, неизобразимо поражен был необычайными прелестями княжны Сафиры, хотя кровь моя пылала огнем Кукамовым, однако — садясь на свой кедровый обрубок пред кумиром для облачения, не мог не заметить, что божественная Сафира бросала иногда на меня взоры, в коих изображалось кроткое удовольствие. Это несказанно меня восхищало, и я мысленно пророчил, что надежды терять не надобно.

Однако же восторг останавливал иногда проклятый князь Кубаш, который, во все время моего облачения,

беспрестанно шептал что-то на ухо Сафире и смотрел на нее столь умильно, что я внутренне терзался и стократно умолял ужасного Кукама впустить в темя его острые когти свои как можно глубже.

Будучи твердо уверен, что столь грозный бог, большой охотник до ссоры и драки, не оставит мольбы моей втуне, я несколько успокоился.

Глава 12

ПОМЕШАТЕЛЬСТВА

Облачение мое кончилось возложением на голову священного колпака, как жар сияющего, и принятием в десницу рожка громогласного. Я надул щеки как можно толще, приложил к губам сие мусикийское орудие, дунул что было силы; но отразившийся оттуда дух бросился мне в глаза и горло, я ослеп, и вместо рожечного визгу, завизжал сам ужасным голосом, протирая глаза кулаками. Едва усидел я на своем чурбане. Все пришли в смятение, и явно толковали что могучий Кукам ослепил князя за то, что он самовольно низложу Маркуба, принял на себя высокое звание его, без испрошения от святого Далай-ламы надлежащего позволения. Все хотели броситься вон из пещеры, даже самые светлейшие гости, как верный мой визирь Шамагул, удержав их и став посередине, воззвал: «Высокие посетители! Уверяю вас, что происшествие это ничего особенного не заключает, а потому прошу остаться и быть свидетелями исцеления светлейшего моего властелина». — «Храбрый Бектемир! — продолжал он, — при тебе вся сбруя воинская; итак, очисти священный рог, чтоб он мог, по-прежнему, издавать божественные возгласы; а я сделаю свое дело!»

Бектемир с обыкновенным хладнокровием взял в руки священный рожок; а Шамагул, намочивши полотенце, начал промывать мне глаза. Скоро они прояснились, и вождь сил моих также не в продолжительном времени, посредством железного прута, коим прочищал он чубук свой, прочистил рожок, и я, надувая его, производил громогласные визги, от коих у самого меня в ушах звенело. От такой удачи я совершенно оправился, священнодействие продолжалось и кончилось с великою для меня честью.

Я разоблачился и с почтением пригласил высоких гостей к себе на кубок водки. Все согласились, и я имел неописанное удовольствие видеть под крышей дворца моего несравненную Сафиру.

Когда мы — то есть я, князя, гости и мои вельможи пренасытились от щедрых даров Макуковых, то я, горя час от часу большим нетерпением, и сделавшись уже чрез меру отважным, сказал: «Почтенный князь Мирзабек! После моего родителя, блаженной памяти князя Кайтука XXIV, сделался я непосредственным властелином над подданными и своими делами. Владения наши смежны. Я один, а ты имеешь одну дочь, прелестную княжну Сафиру. Я люблю ее более своего княжеского и первосвященнического сана. Никакого приданого не требую, а если тебе угодно, сам дам за нее выкуп, хотя бы для сего должно было пожертвовать целою половиною обширного моего владения».

Все любопытные взоры обратились на меня и на Сафиру. Она покрылась пурпурным румянцем и опустила глаза в землю. Мирзабек устремил на меня неподвижный взор; Кунак сильно наморщил брови, а Кубаш побледнел и закусил губы. Наконец, Мирзабек сказал: «Князь! Я считаю за честь сделанное тобою предложение, и охотно бы согласился на твоё желание, но уже не могу этого сделать и не должен. Мы с малолетства дружны с князем Кунаком; и когда родилась у меня дочь Сафира, то была уже помолвлена в невесты молодому князю Кубашу. Тебе известны наши обычаи, которые иногда столько же важны, как и сами законы. Я должен быть господином своего слова. Как скоро Сафире исполнится ровно семнадцать лет, что последует через шестнадцать недель, тогда она сделается супругою теперешнего жениха своего. Впрочем, князь, прошу тебя быть всегда уверенным в моей приязни. Я очень помню дружбу и гостеприимство отца твоего. Будь ему подобен в храбрости и доброте сердца, а за невестой дело не станет. Благодаря богов, на горах наших добро это в высоких княжеских фамилиях не переводится».

Сказав сии слова, Мирзабек встал с лавки, взял дочь за руку, сделал мне поклон, и прося навещать его, вышел; князь Кубаш, коварно улыбаясь, делал мне глупые учтивости, и с отцом своим последовал за Сафирою. Во все время прощания был я как помешанный. Провожая гостей, я хохотал сам не зная чему; а проводивши, едва

не залился слезами. Так тяжел был для сердца моего отказ Мирзабека. Воображение, что милая, несравненная княжна Сафира будет в объятиях гнусного князя Кубаша, раздирало мое сердце. Я нимало не сердился на Мирзабека, ибо он в сем случае действовал как честный человек, обязанный держать свое слово; но я бесился, вспоминая о князе Кубаше, который, будучи глупее и неуклюжее всякого горца, осмелился пожелать себе в жены прекраснейшую из всех осетинок. Я терялся в замыслах, и не знал за что приняться, ибо очень чувствовал, что без Сафиры не могу быть счастливым. Наконец, утвердился на той мысли, что когда мне не суждено иметь ее своею, так пусть же и никто другой не обладает ею.

Глава 13

ТВЕРДОСТЬ И РЕШИТЕЛЬНОСТЬ

Задумчивость моя прервана была великим шумом. Я оглянулся и увидел верного визиря Шамагула, торжественно ведущего ко мне жреца Шемелу с завязанными назад руками. Множество народа провожало их. «Князь! – вскричал визирь во услышание всех, – вот злодей, который, по довольном испытании, признался в злодействе, доселе неслыханном. Он, залепивши часть внутренности священного рожка, начинил его сухим нюхательным табаком, и чуть-чуть было не задушил и не ослепил тебя!»

Я рассвирепел и не на шутку, и, поднявши жезл, спросил жреца с холодным – по наружности – видом: «Что бы значило, что ты дерзнул насмеяться пред всем народом не только над своим князем и первосвященником, но и над самим божеством, употребля во зло священный рожок его?»

Жрец к общему удивлению не казался смущенным. «Князь! – отвечал он, – когда дозволишь мне поговорить с тобою, то услышишь добрые вести; в противном случае, сам на себя пеняй! Смотри – позднее раскаяние никуда не годится».

Я дал знак. Шамагул, по обыкновению, осмотрел, нет ли у жреца какого скрытого оружия, и вышел вон вместе со всеми.

«Князь Кайтук! – сказал Шемела непринужденно, – по наущению гневного Маркуба я подлинно сделал великое

беззаконие, насыпав в святой рог мелкого табаку. Признаюсь охотно, что достоин от богов наказания; но не запишись и со своей стороны, что и ты пребольшой беззаконник! Как ты смел Шишимора, посла бессмертного Далай-ламы, прибить своим пестом, и не спрося позволения от великого первосвященника всего Тибета и Индии, возложил на себя жрецеское облачение? Неужели думаешь, что державный Макук попустит долее свирепствовать твоим злодеяниям? Недостойный! Этого ли ожидали от тебя жрецы наши? Этого ли надеялся народ? Или забыл ты предсказание мудрого Маркуба, забыл, что Черный год твой настал уже! Трепещи, безрассудный!»

Долго пребывал я в странном положении. И не Кайтуку XXV, светлейшему князю и первосвященнику, такая речь от жреца показалась бы загадочною. Я смотрел на него, не говоря ни слова.

«Что, преступник! — вскричал жрец с большею дерзостью, — совесть оковала злочестивый язык твой! Могущественный Кукам давно острит на тебя длинные когти свои, и ты не замедлишь попасть в пламенные его объятия. Однако — продолжал он после недолгого молчания, — если ты хочешь от этого избавиться, так есть еще средство, и притом единственное. Назначь меня на место Маркуба со всеми правами и почестями, приличными первосвященнику; дай мне место в верховном твоём Совете и участие в твоих пиршествах, и тогда все грехи твои оставлены будут. Взамен того — я обещаю тебе лучшее место в области Макука; в противном же случае — проклят ты отныне и до века!»

Есть легче, думал я сам с собою; уж не свирепый ли Кукам принял на себя вид жреца Шемелы, чтобы испытать мою твердость и решительность! А вот сейчас увидим. «Стража!» — вскричал я с бешенством. Сардар Бектемир с моими телохранителями и визирь Шамагул с придворными господами явились грозны подобно двум громовым тучам. «Возьмите этого нечестивца, — воззвал я, — снимите с него ризы жрецеские и все одеяние, привяжите к кипарису, стоящему позади дворца моего, намажьте всего медом и оставьте в добычу комарам и мухам».

«Как! — вскричал Шемела, побагровев, — с жрецом Макуковым дерзаешь ты делать такие пакости! Или думаешь, что все так смиренны, как благочестивый Шишимор, которого ты оскорбил смертельно, и не подумал раскаяться. Да

поразит тебя гром правосудного Макука! Разве не знаешь, что такое жрец?» — «Очень знаю, — отвечал я с притворным равнодушием, — а потому, чтобы отличить тебя от простолюдина, повелеваю целые три дня держать в сказанном положении у кипариса, а в обеденное и утреннее время вlepлять в спину до полусотни ударов нагайками, что и начать теперь же».

Мое повеление в точности исполнено. Жрец произнес тысячи проклятий; однако ж, тем не менее, был выстеган нагайкою и предан в жертву насекомым.

Глава 14

ПЛОХО

Оставшись наедине с моими советниками, я призадумался, какая бы могла быть причина непомерной дерзости жреческой. «Посудите, мудрые мои советники, — спросил я, — что бы это значило? А причина должна быть немаловажная! Не может быть, чтобы полуседой Шемела сделал это по глупости? Это конечно был злобный ков* против моего здравия». — «Легко статься может, — сказал с важностью Бектемир, — так для избежания всякого в этом деле недоразумения, я мнением своим полагаю: сейчас негодного жреца пришибить дубьем, так и будет знать, каково поступают с тем, кто умышляет на здоровье князя. Шутка ли? Святой рог начинить табачною пылью! Дубьем его, дубьем!»

«Не станем горячиться, почтенный Бектемир, — сказал визирь, — если жрец умышлял зло на князеву особу, ибо очень легко могло статься, что он или бы ослеп, или задохся, то, конечно, достоин дубья; но как у него в таком отважном предприятии непременно должны быть сообщники, ибо великая наука, политика, неотменно того требует, а жрецы все без изъятия неплохие политики, то надобно, по моему мнению, вновь допросить его. Как в спину его влеплю несколько дюжин ударов нагайкою, так выскажет и то, чего и сам не знает!»

«Согласен с твоим мнением, — сказал я. — Телохранители! Приведите сюда жреца Шемелу, да смотрите, чтобы не ушел. Это отродье весьма лукаво!»

Телохранители поспешно удалились. Мы довольно вре-

* К о в — ход, замысел, действие.

мени продолжали заниматься политическою мудростью, и когда умы наши воспламенились, то услышали шум быстро идущих людей. Я поднял жезл, чтобы с первого раза благословить жреца Шемелу, а ревностный охранитель чести моей, Шамагул, возвыся нагайку, делал ею круги над головою, свистя в воздухе, дабы плотнее усовершенствовать бессовестного жреца. Двери отворяются, воины входят с пасмурным видом, и — без жреца. «Где же неверный Шемела?» — спросил я грозно, опуская жезл свой. — «Увы! — отвечал страженачальник Башир, — мы пришли уже слишком поздно. Коварный жрец отвязан от дерева, и мы видели только двух жрецов в великом от нас отдалении, пробирающихся в нагорный лес. Даже и надежды не было их догнать, а потому мы и не гнались».

«Плохо ты сделал, — возразил с важностью Бектемир, — что не погнался за бездельниками, даром что не было и надежды догнать их. Я гнался бы за ними на край света». — «Плохо, друг мой! И очень плохо!» — вскричал я, отвечивая удары своим пестом по бокам Башировым. «Ужасно как плохо!» — вопил Шамагул, стегая его плетью, дабы недаром свистел ею в воздухе. Страдалец вертелся во все стороны; но мы продолжали свои увещания, крича за каждым ударом: «Плохо, очень плохо!»

Когда мы унялись, потому что вывихнули руки и осипли от крика, страженачальник, утирая глаза, сказал Бектемиру: «Чтоб тебе, старый дуралей, сквозь землю провалиться! Ты выдумал нехоти проклятое *плохо*, которое мне дорого стоит!» — «Ба, ба! — сказал я, поднося вельможам полные кубки, — это походит на жреческую дерзость. Я наказал бы тебя, бездельника, да руки не поднимаются. Бектемир! Возьми у Шамагула нагайку и попотчуй своего обидчика». — «Это бы я непременно сделал, — отвечал грозный воевода, — если бы у меня было три руки; а то видишь, из двух — в правой держу кубок, а левою отираю со лба пот. Я, по крайней мере, разругал бы плута хорошенько, но как намерен пить, то и этого не удастся». — «Добро — я подожду другого случая!»

Страженачальник, стая и охая, удалился со своими подчиненными, а мы принялись за самые важные рассуждения. Бектемир храбро разбивал полчища князей горских, и с грозной победоносной силою двигался далее и далее; Шамагул издавал мудрые законы всему движущемуся под солнцем; а я — при столь блистательных успехах моего

оружия и политики, проходил Кавказские горы, пределы Моздокские, Кизлярские, Наурские, и, наконец, восходя на златые ступени престола астраханского и садясь на нем с прелестною княжною Сафиною, восклицал во все концы вселенной: «Кто равен в небе богу Макуку, в аде богу Кукаму, а на земле могучему князю Кайтуку XXV?»

Глава 15

ТАЙНЫЙ СОВЕТ

Ночь покрыла мрачными крыльями вершины кавказские. Несмотря на усталость, чувствуемую во всем теле от трудов, понесенных в прошедший день, я долго не мог уснуть, и большую часть ночи провел в изобретении средств к получению в свою собственность прелестной княжны Сафиры. Не находя никаких, ибо мне довольно известен был нрав Мирзабека, самого несговорчивого и самого твердого в своем слове осетинца, — я предался отчаянию, закрыл голову одеялом, зажмурил глаза, и — сверх чаяния, скоро заснул крепко-накрепко.

Проснувшись, принялся я опять за прежние мысли о княжне Сафире. Не выдумавши ничего, что хотя бы самому мне показалось основательным, положил я собрать полный Совет и спросить, не придумает ли он чего-нибудь полного.

По собрании членов сего мудрого собрания, я открыл заседание следующей речью: «Разумные политики, и в особенности вы, Шамагул и Бектемир, уверяю вас княжеской честью, что без прелестной Сафиры противны мне и жезл кедровый и колпак золотистый! Подумайте и погадайте, головы многоопытные, как бы мне добыть эту красавицу! Божусь, что вы меня воскресите!»

После обыкновенного предварительного молчания, начались голоса с младших членов Совета.

Первый советник: «Постараться украсть ее, когда будет купаться в тихом заливе Терека».

Второй советник: «Глупая выдумка! Во-первых, потому, что княжна всегда купается по ту сторону утеса, следственно, похитив, надобно будет волочь ее сквозь все владения Мирзабека. Она не нема, а отец ее шутить не любит. Во-вторых, для князя и первосвященника быть

вором, кажется, неприлично. Не гораздо ли благороднее, не гораздо ли величественнее будет — отнять ее силою? Это легко можно будет произвести в действие, когда они пожалуют слушать наше богослужение: мы приготовимся, встретим Мирзабека храбро, княжну честно проводим в храм, где князь, как великий первосвященник, и обвенчает; а отца ее, и если будут с ним князь Кунак и сын его, с отличным пищением проводим нагайками до границы их владений — вот мое мнение».

Третий советник: «Самое ослиное, за которое достоин ты когтей Кукамовых! Как можно такое насилие производить в действие, и притом на виду всего народа? Что подданные подумают о своем князе. Если для него немного чести быть вором, то — думаю — не больше оказать себя разбойником!»

Проговоря это, советник замолчал и повесил голову. «Что надобно делать, — вскричал ему Бектемир, — и что ты полагаешь своим мнением?»

«Что оба мои товарища судили глупо, — отвечал сей, — это я чувствую и доказал; но как в столь важном обстоятельстве поступить умнее, этого не доберусь». — «Изволь, твоя милость, сказать свои мысли».

«И очень скажу, — отвечал отважно Бектемир, — притом, самые разумные. Хотя я и военачальник, однако ж не люблю войны, как некоторая часть нашего тела не любит зрелой крапивы. Война тогда только позволительна, когда необходимо доставить или возвратить счастье своему отечеству, и нет к тому других средств, кроме кровопролития. В подлежащем же столь мелочном случае, подумал бы я поступить гораздо миролюбивее, а именно: правда, князь Кубаш очень жирен, но божусь, что недолговечен. Пусть он женится на Сафире, когда уже так угодно Макуку или Кукаму; пусть живет с нею, как знает, провал его возьми; уверяю моею воеводскою честью, что он не проживет более двадцати, а много тридцати лет, а потом, наверно, околеет. Тогда-то князь Кайтук, без всякого уже препятствия, женится на прелестной, обожаемой красавице, и все будут довольны! Ну, не лучше ли, не справедливее ли всех мое суждение?»

Я онемел, услыша такую новость от одного из первых моих советников. «Бектемир! — вскричал я, — разве не сообразил ты, что по прошествии тридцати лет я и Сафира

будем покрыты сединами и глядеть в царство Макуково? Неразумный! Как мог ты судить по своим чувствам и о моих? Снесу ли я, чтобы видеть юную, прекрасную теперь Сафиру, к назначенному тобою времени, матерью каких-нибудь двух дюжин детей? О Бектемир! Ты великий полководец, но видно никогда влюблен не был». — «С дозволения твоего, князь, — отвечал сардар, — я отроду не влюблялся, да и лучше! Человеку, определенному великим Макуком знать что-нибудь в мире, не годится бегать за пустяками. Разве не все равны? Одна выше, другая ниже, одна бледнее, другая румянее, одна кудрява — другая прямоволосая. Ну стоит ли это труда, чтобы князь и целый Совет ломали себе головы?»

Я глядел на всех молча. Тогда Шамагул, выступя на середину и возвыся голос, сказал: «Желание князя — есть уже закон; а потому должно удовлетворять оное, чего бы то ни стоило. Красть княжну, похищать ее силою, ожидать, пока околеет князь Кубаш, несовместно ни с достоинством, ни с политикой, ни с сердечным нетерпением нашего властелина. Надобно дело это устроить так, чтобы Мирзабек сам отдал нам Сафиру, и принятие ее считал бы особенною для себя честью. Князь Кубаш есть единственная причина, по которой нам в княжне отказывают, а потому надо предварительно уничтожить причину, а следствия сами собою истребятся. Но тут, чтоб не наделать шуму и не подвигнуть всех гор к негодованию и мщению, должно употребить не острие меча, а благоразумную хитрость; должно князя тихомолком достать в свои руки, содержать как можно скрытнее и пустить слух, что тот или другой видели его в волнах Терека или висящего на дереве, кто как хочет. Тогда Мирзабек не усомнится отдать за нашего владыку дочь свою, ибо клятва его будет уже разрешена смертью супостата Кубаша. Таким образом, все будет в спокойствии, а доставить прочное спокойствие целому народу за счет потери одного негодея, едва ли не есть первое дело мудрой политики!»

«Прекрасно, мой любезный визирь! — вскричал я, — ты судишь весьма здраво и дальновидно; но как же мы залучим негодного Кубаша в свои руки? Это, кажется, невозможно». — «Не будь я визирь Шамагул, — воззвал он, — если этого не сделаю. Для истинного политика нет ничего невозможного. Я все придумал уже прежде. Одна из любимых

служительниц княжны Сафиры мною подкуплена, и взяла в задаток преданности своей к стороне нашей два юзлука. На сей вечер стирсится она от своей повелительницы для свидания с сестрой, выданною замуж за горца Кунакова. Там найдет она случай повидаться с князем Кубашем, который за счастье почтет услышать, что прелестная невеста назначила ему в третий после сего день свидание в кедровой роще, что повыше нашего княжества на добрый перелет стрелы. Не может быть, чтоб он отказался от исполнения воли своей любезной, воли столь для него желанной. По назначению вестницы он должен быть один, для соблюдения благопристойности. Он явится, наши его встретят, легко обезоружат, свяжут веревками ноги, ибо руки пленного не опасны, засадят в укромную, нарочно приготовленную землянку, и предоставят там полную свободу есть, пить, спать и продолжать сии занятия, сколько и когда угодно. Но если вздумает кричать, что весьма опасно, ибо его голос мало чем уступает звуку огромной нашей храмовой трубы, тогда приставленные два бессменных телохранителя заткнут ему гортань. Дальнейшие происшествия сами собою последуют, и надеюсь, согласно с нашим желанием».

Глава 16

НОВЫЕ СТАТЬИ ОРДЕНА НАГАЙКИ

Это мудрое предложение единогласно было принято. И подлинно, в означенное время князь Кубаш пропал без вести. На утро третьего дня князь Кунак и все подданные его всполошились. Ко мне и к Мирзабеку отправлены чрезвычайные посольства с вопросом: «Не заметили ли где следов пропавшего?» Все с великим прискорбием отвечали: «Нет». Я хотел было, слушая своего нетерпения, в тот же день отправить свиту с предложением о браке; но осторожный Шамагул отсоветовал, представляя, что такой поступок возгордит того князя, а гораздо согласнее будет с правилами политики ожидать, пока он сам сделает это предложение, а между тем, как скоро поспеют орденские нагайки, то он берется с приличною свитой отнести кавалерские знаки к Мирзабеку, и при таком радостном случае напомнить ему о страстном желании моего сердца.

Я склонился на представление визирское, столько льстящее моему самолюбию.

Прошло три десятидневия, а посланный за нагайками не возвращался. При всяком священнодействии Макуку присутствовал Мирзабек с милою своею дочерью. Мне казалось, что она смотрела на меня с особенною нежностью, а я, чтобы на то достойно соответствовать, так усердно наддувал свой рожок, что чуть не задышался. Мирзабек, примечая то, усмехался дружески; однако, бывая каждый праздник во дворе моем на завтраке, не упоминал ни словом о сделанном мною предложении относительно его дочери; а я — следуя советам Шамагула и внушению собственной спеси, молчал о том равнодушно, хотя сердце мое день ото дня пылало сильнейшею страстью к прелестной Сафире.

Наконец, к общему удовольствию, посланный возвратился с пятьюдесятью нагайками, прекраснейшими в свете. Тотчас собрался Верховный совет, и по опорожнении положенного числа кубков, мудрый визирь Шамагул, вынув из кармана сверток бумаги, сказал мне торжественно: «Величественный князь Кайтук! Блаженной памяти родитель твой говаривал: хорошее дело нескоро делается. А он был князь премудрый, и я надеюсь, что ты, следуя похвальным его правилам, простишь, что я при первом разе сочинял грамоту о нашем ордене, не мог придумать всего должного, что однако ж, с течением времени, старательно исправил. Изволь терпеливо меня выслушать. Тебе известно, что лет десять назад я путешествовал с преученым жидом по всей Татарии, и был даже в самой Астрахани — столице всякой мудрости; там-то понабрался я здоровой политики — науки, необходимой для всякого придворного. Между бесчисленным множеством полезных знаний, мною там приобретенных, сделал я, что где учрежден был орден, по уставу коего всякий, поступающей в это сословие, пред старшим кавалером должен был стать на колени и выпрямить спину. Тот отвешивал ему несколько по ней ударов шпагою, после опоясывал его, и общество увеличивалось одним кавалером. На этом прекрасном установлении основал я некоторые статьи ордена Нагайки. Изволь выслушать: их немного».

В знак согласия кивнул я головою и визирь прочел следующее:

Ст а т ь я 10. Всякий новопринимаемый кавалер, для

оказания неограниченного почтения своего к великому орденскому начальнику и вместе к его ордену, пред старшим кавалером да преклонит колени и с должным благоговением да подставит спину свою для принятия дюжины полновесных ударов нагайкою; после чего она да воткнется ему за пояс, и он да назовется, наречется и наименуется действительным членом ордена.

Ст а т ь я 11. Всякий кавалер, получивший знаки ордена Нагайки, да внесет в княжескую казну десять юзлуков, дабы князь для чужой чести не терял напрасных убытков».

«Превосходно! — вскричал я с восторгом. — Статьи десятая и одиннадцатая достойны быть написаны золотыми буквами. Они возвеличивают славу нашу и утучняют государственную мошну. А чтобы дело это было еще полнее, то поставь двенадцатую статью, что князь властен жаловать одного и того же человека кавалером столько раз, сколько государственная польза того потребует. О, верные друзья мои! Вижу, как вы печетесь об истинном благе отечества. Заставь, Шамагул, всех жрецов писать грамоты, и под опасением телесного наказания принудь не спать целую ночь, дабы рано поутру они были готовы. Между тем оповести весь народ, что завтра будет общее собрание на косогоре пред дворцом моим. Я хочу слелать открытие ордена сколько можно торжественнее».

Г л а в а 17

КАВАЛЕРЫ

Настало утро вождеденное. Звуки труб и бубнов, взятых с позволения Макука из храма, возвестили начало торжества великого. Из чертогов моих, где все советники собрались еще на утренней заре, вышли мы с неизъяснимым великолепием. Впереди шел я, имея шапку набекрень; по правую руку бдительный Бектемир — на круглом буковом лотке, покрытом лоскутом красного сукна, обшитого серебряным галуном, нес двадцать нагаек; а по левую мудрый Шамагул, на таком же подносе — столько же грамот. Позади великий казнохранитель Бикташ выступал с большой кожаной мошною для вложения тех юзлуков, кои должны быть собраны с кавалеров ордена. Потом следовало духовенство по старшинству; а весь ход заключали служители,

несшие в одном чане множество свежей баранины, а в другом просяную водку. Когда приблизился я к назначенному месту, то приятно удивился, увидя свои кóзлы покрытые новым татарским ковром, что делало их весьма великоле-
пными.

Восседши с важностью, подобающе моему сану и обстоятельствам, я дал знак к молчанию, и визирь Шамагул прочел грамоту во услышание всех. Когда известные моему Совету статьи были таким образом обнародованы и я протянул руку для приема первой нагайки, визирь возгласил: «Помедли, князь, на одну минуту! Сею ночью, мучась бессонницею, я кое-что вновь выдумал. Не согласятся ли все в необходимости, чтобы почтенные кавалеры имели ощутительное преимущество пред некавалерами?» — «Конечно так! — отвечал я. — Для разумных людей и бессонница бывает бесполезна! Поведай, что ты выдумал?» Шамагул возгласил:

Статья 13. Всякий, удостоенный чести быть кавалером ордена Нагайки, пользуется следующими правами и преимуществами: 1-е. Если таковой встретится с некавалером, да уступит последний место ему с почтением; если же заупрямится и окажет грубость словами, глазами, губами, руками или ногами, да заплатит пени целый юзлук; в противном случае да получит в спину десять ударов нагайкою, и того ему в бесчестие не ставить, ибо та нагайка не простая, а кавалерская. — 2-е. Если кавалер пожелает иметь в услужении жену, или сестру, или дочь некавалерскую, да приведутся к нему, и пробудут там до тех пор, пока не прискучит их услугами. Буде же такая честь некавалеру почему-нибудь не понравится, то дается ему сроку два часа, в кои может он, внеся двойное против устава количество юзлуков, исходатайствовать и себе от князя орден, и тогда свободно ему пользоваться общими правами. — 3-е. Если кавалер — хотя без всякой очевидной причины — приколотит некавалера до полусмерти, нет суда и расправы, только бы удары наделяемы были не чем другим, как орденскою нагайкой.

Этим оканчивалась моя грамота. Трубы троекратно протрубили, и я, взяв в правую руку нагайку, а в левую лист бумаги, воззвал: «Приблизься, великий визирь мой, Шамагул, и прими достойную награду за труды твои, посвященные на пользу отечества». Шамагул смиренно

приблизился, преклонил колени пред моими козлами и дугою выгнул спину. Я отвесил ему дюжину ударов и велел встать. Визирь поднялся с веселым лицом, взял нагайку, заткнул за пояс, спрятал грамоту за пазуху, положил в государственную мошну десять юзлуков, и стал на прежнем месте. Точно также происходило с сардаром Бектемиром, с тою только разницей, что он выдерживал удары с некоторым неудовольствием, и что-то бормотал про себя, упоминая Кукама.

Уже девятнадцать горцев пожалованы были кавалерами, оставалась одна нагайка и я недоумевал, кого почтить ею. Вдруг увидел я страженачальника Башира, старавшегося скрыться за народом, и призвав его, сказал: «Поздравляю тебя кавалером!». Вместо того, чтобы по примеру других, в знак благодарности упасть пред мной на колени, он отвечал отрывисто: «Спасибо! Я отнюдь не желаю этой чести: во-первых — потому что спина моя и теперь еще докладывает мне об увесистом жезле твоём; а во-вторых, что счет и цену вещам давно знаю, и не больно охочусь платить десять юзлуков за безделицу, которая и самому тебе с доставкой обошла не более одного!»

«Как! — вскричал я с гневом, видя себя в качестве гротескнейшего презренного от моего подданного. — Стража! Половина из вас поставьте на колени этого дерзкого, а другая спешите к его дому, и как он не хочет добровольно иметь честь быть кавалером и дать в казну десять юзлуков, то я обязанностью считаю насильно почтить его этим отличием, а потому пригоните сюда из его сараев пять баранов самых жирных».

Выслушав это повеление, шесть человек стражи бросились за баранами, а другие шесть на своего начальника, сбили его с ног, растянули, и я с величайшею важностью, вместо положенных по уставу дюжины ударов, влепил ему около десяти дюжин. Кавалер кричал, что было в нем мочи; но я не ослабевал в своем усердии. Наконец, нагайка была воткнута ему за пояс, пять баранов пригнаны в мой дворец. Началось пиршество великое, и продолжалось целый день до глубокой ночи.

Прошло довольно времени после этого достопамятного приключения, неслыханного дотоле на горах Кавказских, и я по совету дальновидного Шамагула, снарядил посольство к Мирзабеку с предложением руки своей его дочери,

Сафире, ибо о смерти князя Кубаша разнеслось уже по всем окрестностям. Но чтоб не обидеть и других, то равная почесть уготована и Кунаку. К первому назначен великий политик, визирь Шамагул, а ко второму храбрый воевода Бектемир. Свита каждого соответствовала важности предмета и лица, послами представляемого.

Солнце уже было на закате, а я не видал еще возвращения послов своих. Нетерпение мое было чрезмерно. Я сидел на косогоре и беспрестанно ворочал головою то направо, то налево. Не помню, сказал ли я прежде, что по правую руку лежало княжество Мирзабеково, а по левую Кунаково. Взошла звезда вечерняя над Кавказом, а я не трогался с места; мне все хотелось дожидаться послов, а особливо Шамагула.

Около полуночи — вижу со стороны Ларса* идущих людей, и вскоре узнаю Шамагула со спутниками. Не успел я в сем совершенно увериться, как услышал голоса по левую руку; озираюсь, и к великому удовольствию распознаю осанистого Бектемира с храброю дружиною. Они приблизились и с тяжким воздыханием уселись у ног моих. «Светлейший князь! — воззвал визирь, — конечно, несчастная звезда светила на небе нашем, когда затеяли мы устроить орден Нагайки. Посмотри на меня: на кого я похож, куда гожусь?» Не успел я хорошенько рассмотреть его, как воевода сказал плачевным голосом, проливая слезы: «Кукам вразумил визиря Шамагула выдумать эту дьявольщину, которая вместо почести покрывает нас бесславием!» — «Что такое, — вскричал я с движением нетерпеливости и гнева, — я примечаю, что соседние князья приняли вас не совсем с подобающею честью!» — «Какая честь? — воскликнул Шамагул — посмотри на мою спину: ни одного живого места не сыщешь. Выслушай о следствиях моего посольства, и суди сам, как изволишь. Зная всю важность моего сана, когда подходили мы к чертогам Мирзабека, я приказал свите выступать как можно величавее, а сам поднял голову так высоко, что и до сих пор болит шея. Когда представились мы к светлейшему князю, я, в самых красивых выражениях поведал об учреждении тобою почетного ордена Нагайки, и о сопричислении его к сему знаменитому сословию».

Мирзабек выслушал меня с удивлением, а потом рас-

* Ларс — имя княжества Мирзабекова.

смеявшись, сказал: «Не знаю, что вздумалось твоему князю выкинуть у нас такую диковину; однако я с удовольствием принимаю подарок, присланный весьма кстати, ибо сего дня наказывал некоторых придворных, а плеть свою измочалил. Подавай же твой орден». — «О, Мирзабек! — возопил я, раздувши для большей важности ноздри, — орден наш должен быть так священ, что без некоторых обрядов нельзя получить его. Изволь стать на колени и выпрямить спину». — «А на что бы?» — «Я влеплю тебе дюжину добрых ударов и — заткну за пояс нагайку. Этого неотменно требует устав ордена».

Как описать поражение князя, изобразившееся на лице его? Несколько времени стоял он молча и осматривал меня с головы до ног. «Или ты — сказал он наконец, — или твой первосвященник, или оба вы сошли с ума. Как! Меня сечь плетью? О! Я проучу тебя, невежа! Что это? Князь Мирзабек будет получать удары? Ба, ба, ба!»

Он дал знак страже, меня схватили, растянули на полу, и один придерживая, а другие стегая в две нагайки, приговаривали: «На здоровье, великий визирь Шамагул!» Я думаю, что во всем Ларсе слышны были мои вопли! Тщетно представлял я непросвещенному, что ему сделали честь принятием в число собратий ордена; он ничего не хотел слышать, и не прежде дал страже повеление уняться, как увидел, что моя спина и обе нагайки сделались мягче пуху. Тогда сделав мне пространное, но дружеское увещание быть впредь благоразумнее, поднес кубок водки и велел проводить до границы.

От такого неожиданного следствия моего посольства я закипел бешенством. «Что ж вы делали, бездельники!, — вскричал я к своей страже, — видя, что так поносно оскорбляли моего вельможу?» — «Мы пристально глядели, — отвечал страженачальник Башир, — как вертелся, слушали, как вопиял болезненно, и трепетали всем телом, чтобы не вздумал Мирзабек поступить равным образом и с нами; а спина моя и до сих пор очень помнит побег проклятого жреца Шемелы и посвящение в кавалеры!»

Отложив исследование дела сего до удобного времени, и обратясь к Бектемиру, я спросил: «А ты почему недоволен своим посольством? Разве и Кунак?» — «Точно также дружески обошелся со мною, — отвечал печально воевода, — с тою только отменою, что при расставании не делал никакого поучения и не поднес ни капли водки!..»

«Правосудный Маук! – вскричал я, воздев к небу руки, – клянусь священным рожком твоим, что это не пройдет даром бездельникам. На досуге подумаю о способе отмщения, и вы завтра услышите в моем Совете, какую мудрость выкину; а между тем и вам не мешает подумать о том же. Дело это есть отчасти и ваше собственное».

Глава 18

РАЗНОМЫСЛИЕ В СОВЕТЕ

Я обещал моим советникам об упомянутом деле подумать в течение ночи; но никак не удалось. Сначала препятствовали тому печаль и досада, а потом сон. Солнце было в половине своего течения, как я показался в Совете. Там нашел уже полное собрание, и открыл заседание вопросом: «Что ж предпримем после случившегося приключения?»

«Кровопролитная война да воздвигнется между тобою и дерзким Мирзабеком, – вскричал разгневанный визирь, – да узнает он крепость мышцы твоей и ужаснется о своем беззаконии! Сего же дня собери рать, силу великую, и вторгнись в пределы Ларские!»

«Хорошо, – молвил Бектемир, – но будешь ли сам сражаться?» – «А зачем? – возразил Шамагул, – мое дело визирское, так я должен воевать политически, то есть: языком». – «Ага! – вскричал сардар, – так ты чужими руками жар загребашь?» – «Нет! Я не согласен; за что проливать кровь верноподданных? Не за то ли, что визиря и сардара попотчивали нагайками? Пустое! Нельзя ли посредством твоей политики так умудриться, чтоб Мирзабек и Кунак, за каждые десять ударов, нам данных, согласились заплатить за бесчестье и увечье по доброму юзлуку, или по жирному барану и по кувшину водки! Право, это было бы здоровее, да и ордена наши окупилась бы; ибо, если Мирзабек угостил тебя столько ж исправно, как меня Кунак, то мы наверное добудем десятка по два юзлуков или по столько же баранов и кувшинов водки. То-то пир и раздолье!»

Выслушав мнения двух первостатейных вельмож, спросил я прочих советников, что они мыслят по сему делу; и все смекнув, вероятно, что приятнее есть шешлык и запивать водкою, чем напрасно проливать кровь свою и чужую, единогласно подтвердили мнение Бектемирово.

Я не знал, на что решиться, как Шамагул, возвыся голос, вскричал: «О, князь! Берегись слушать советов трусости и лести. Обещание одного из вельмож твоих не есть ли собственное твое, будущих детей твоих и всего твоего дома? После столь неслыханной обиды, оставленной без всякого наказания, они покусятся думать, поверь моей опытности, что и самого тебя, светлейшего князя и великого первосвященника можно уже при случае постегать нагайками!»

«Что ж нам делать? — спросил я с унынием, — положим, мы уже объявили войну. Тут открываются два последствия: или победа, или поражение. Последнее с первого взгляда никуда не годится; в случае же победы — я навек должен потерять надежду владеть прелестною княжною Сафирою! Вы знаете, каков Мирзабек!» — «Так что ж? — сказал с грубостью Шамагул, — стоит ли девка, какая б она ни была, спины верховного визиря, какой бы он ни был?» — «Что касается до этого, — сказал я с безмерною важностью, — то следуя похвальному обычаю православных предков моих, скорее соглашусь, чтоб тебя нагайками вколотили по уши в землю, чем лишиться княжны Сафиры».

— «Вот знак истинного величия духа! — вскричал Бектемир с юношеским жаром. — Из сего узнаю, что ты рожден к величайшим подвигам, и не только можешь со славою восседать на своих козлах, подобно как восседает Кукам на своем оводе, но ты с большим приличием, чем властелины Иверии и Армении, мог бы потягиваться на низменных их диванах!» — «Послушайте же еще меня: хотя я не путешествовал, подобно Шамагулу, по пределам Татарии, однако прошел почти все свои горы и в молодые лета служил при войске князя Казбека, сильнейшего, — согласитесь сами, из всех князей горских. Тут-то узнал я, что если между просвещенными народами выйдет распря, то прежде объявления войны, половина, почитающая себя обиженною, сносится с другою и требует возможного удовлетворения. Если же тогда отказано будет, о! Великий Макук не оставит стороны правой».

«О, Бектемир! — вскричал я с восторгом, — ты гораздо мудрее, нежели мы чаяли; итак, какие условия мы предложим Мирзабеку; ибо поладя с сим князем, с Кунаком можем управляться как захотим. Главным предметом да будет опять требование Сафиры, и тем все вражды да

прекратятся, а я каждому из вас обоих за претерпенные побои, по благополучном совершении вторичного посольства, из казны моей обещаю по десяти юзлуков, по два барана и по кувшину водки. Шамагул! Охотно ли пойдешь ты посланником к Мирзабеку?» — «Нет, — отвечал визирь, — будь справедлив, князь, и размысли, не довольно ли будет с меня и одного раза? Что если Мирзабек не захочет быть твоим тестем, тогда визирю твоему придется не легче, как и оводу Кукамову!» Я не отвечал ни слова и вышел из хранины Совета.

Глава 19

ОДНО ВАЖНЕЕ ДРУГОГО

Прошло более десяти дней, в которые собирался мой Совет, но не утверждено ничего прочного. Горланили до устали, но не соглашались; наконец, по внушению благодетельного Макука, признали все единодушно за лучшее, чтобы, отправя посольство к Мирзабеку, настоятельно требовать удовлетворения в обиде, им приченной, знаком коего будет отдача в замужество мне княжны Сафиры; в противном случае да испытает он ужас войны кровопролитной.

Казалось, что дело это получило свое начало — но не тут-то было. Никто из премудрых советников не хотел принять на себя великое звание чрезвычайного полномочного посла. Шамагул и Бектемир отговаривались тем, что с них довольно будет чести, полученной при прежних посольствах; а младшие советники представляли, что как они — по долгу присяги и совести считают себя не в пример глупее Шамагула и трусливее Бектемира, то и не осмеливаются так дерзостно принять на себя исполнение столь отважного дела, не предугадывая, чем оное кончится.

«Что за пропасть, — сказал я сердито, вставая с козел и подняв на поларшина жезл свой, — на чем же оснуем положение Совета? Говорите проворнее, ибо я начинаю уже чувствовать голод и жажду».

Тут произошло странное явление. Один представлял мне товарища своего, яко величайшего витию, а сей наоборот описывал его неустрашимее льва и прозорливее рыси; каждый же, напротив того, смиренно называл себя боязливее зайца и глупее ишека.

Удивленный таким необычайным происшествием, я после сказал: «Вижу, мои советники, что вы тогда только превозносите мудрость свою и храбрость, когда опорожните мои кубки и пожирате моих баранов. Когда же придет надобность доказать и то, и другое на деле, тогда вы настоящие раки!»

Проговоря сии слова, я в первый раз вышел из своего Совета в негодовании, не пригласив к себе никого из членов онаго. Едва ступил я на порог, как голос Шамагула раздался в стенах храмины: «Помедли, светлейший князь, и выслушай слова твоего вернейшего подданного. Когда уже никто не хочет выполнить желание сердца твоего, то я беру это на себя; вторично предаю спину свою истязанию, и довольно почту себя утешенным, если Сафира усладит тебя своими лобзаниями! Видно, всеблагой Макук положил в завете своем осчастливить своего первосвященника посредством визиря его, ибо в сию минуту чувствую вдохновение и надеюсь, что ты, послушав моего совета, не будешь раскаиваться». — «Скорей! Любезный Шамагул, объяви его: нетерпение мое чрезмерно», — говорил я, возвращаясь в чертог Совета. «Вот мои мысли, — сказал Шамагул, — изволь их выслушать, я точно считаю теперь себя вдохновенным: как Мирзабек отказался от чести быть собратом нашего сословия, то надобно польстить ему другим образом, а именно: приличными твоей и его особе дарами. Они будут состоять в следующем: 1-е, красивый твой конь со всем кабардинским прибором; 2-е, на случай дождя и снега пара лучших бурок; 3-е, два молодых быка; 4-е, пары три-четыре жирных баранов; 5-е, дюжины две-три индейских петухов и кур, и 6-е, наконец — два бараньих тулука водки. Тебе, да и всем известно, что хотя княжество твое и Мирзабеково стоят в виду один другого, однако расстояние между княжескими дворцами будет добрых пять перелетов стрелы из лука. Взяв с собою свиту и телохранителей побольше, чем в первый раз, я отправлюсь в Ларс с подарками. Конь твой, на спине у которого будут лежать лук, колчан со стрелами и две бурки, откроет шествие. Его будут вести под уздцы двое служителей, чтобы показать, что он непомерно ретив. А чтоб он и впрямь не слишком был застенчив, то мы, приближаясь к Ларсу, привяжем в удобном месте комок кабаньей щетины и он при каждом движении хвоста поневоле начнет храпеть и

брыкаться. Ты понимаешь, что конь твой на сей раз будет представлять твою особу, и брыканьем, сопровождаемым фырканием и ржаньем, живо представит любовную твою нетепреливость». В сообразность с сим Шамагул хотел продолжать усердно; а я, будучи пленен его рассказами еще усерднее слушать, как вдруг вбегает к нам в Совет (у нас это не запрещалось) один из стражей князя Кубаша. Мы все единогласно ахнули, и на вопрос: «Что это значит?» Получили в ответ: «О, князь! О, вы мудрые советники! Выслушайте общую опасность». — «Говори», — сказал я; и едва воин разинул рот пошире, дабы вещать явственнее, как один из дворцовых служителей вбежал еще проворнее, и объявил, что если мы будем мешкать в своем Совете, то весь обед простынет, и — хоть брось!

Советники уважили такое представление, заметив, что слушать об опасностях, угрожающих отечеству, никогда не поздно; а если прозевать обед, так надо будет ждать ужина! Замечание сие мне понравилось; я пригласил важнейших особ к своему обеду, а воину велел ждать на дворцовом крыльце, пока позван не будет.

Глава 20

УМНОЖЕНИЕ ДОХОДОВ

Когда мы надлежащим образом удовлетворили двум важнейшим нуждам человеческим, то есть голоду и жажде, отчего естественно сделались в речах замысловатее, я велел представить к себе воина, хотевшего объявить нам о какой-то опасности. Он явился и поведал о разных слухах, по коим князь Кунак начал иметь подозрение на князя Кайтука в погублении сына его, князя Кубаша, а потому приготовился вооруженною рукою отметить за эту тяжкую обиду, и уже собрал до пятидесяти человек вооруженных ратников.

При таком известии, не знаю кто бы не задумался. Советники мои, по примеру азиатских, а может быть и европейских советников, потупили глаза долу и смиренно ожидали моего глагола, имеющего произойти с козел. Я, по довольном размышлении, надувал для важности щеки, и представя себя охриплым, сказал: «Для меня столь же опасен Кунак, как моя цепная собака. Подавай

его сюда, я готов с ним встретиться, хотя бы было у него и сто воинов!»

Но вот обстоятельство, заставившее меня позадуматься: воин объявил, что у Кунака все ратники вооружены исправно, а наши почти все, кроме орденских нагаек, ничего не имеют. Одни знатнейшие могут похвалиться вооружением, но они должны более повелевать, чем самим сражаться. А где возьмем оружие? У меня в казне крайнее оскудение, ибо я обновил храм богов, княжеский дворец и первосвященническое облачение. Посудите, чего все это стоило, не говоря уже о вседневном домашнем расходе.

«О, храбрейший из всех храбрых, — воззвал величественно Шамагул, — будь покоен; казна твоя умножится седмерицею, за то ревностно берется визирская политика. Но прежде нежели открою тайну, как достигнуть этого намерения, дозволь храброму сардару шествовать с приличною свитой к князю Кунаку, и требовать перемирия на два десятидневия. А между тем я постараюсь выполнить свой замысел». — «Превосходно! — воззвал я, — выдумать что-нибудь умнее — невозможно. Так! Готовься, Бектемир, доказать свету великие свои дарования и отправляйся в дорогу». — «О, князь! — отвечал уныло Бектемир, расправляя усы, — не пристойнее ли прозорливому визирю Шамагулу, как изобретателю этого дела, взять на себя выполнение онаго?» — «Никак, — возразил Шамагул, — мне некогда будет этого сделать, ибо должен и без того заняться двумя делами, то есть стараться усемерить доходы княжеские и готовиться составить посольство к князю Мирзабеку».

Все признали речь Шамагулову справедливою, и Бектемир отправился в путь в сопровождении шести человек из собственных моих телохранителей. После сего распустил я свой Совет и остался с одним визирем Шамагулом.

«Ну, визирь, — сказал я, — объяви мне теперь свою тайну касательно приумножения казны моей». — «Я всегда, — отвечал Шамагул, — совершенно согласен был с мнением просвещенных европейцев, что на свете все бывает к лучшему. Хотя Мирзабек изрядно подшутил над моею спиною, однако нагайка послужит теперь к нашему счастью. Изволь выслушать: с каждого кавалера получаешь ты по уставу десять юзлуков, а у тебя остается еще в запасе тридцать нагаек. Завтра произведем столько же новых рыцарей, а старых лишим ордена, дабы через два часа опять разда-

вать оные и получать подать. Причину к отнятию ордена покажу я сам на себе, и при новом посвящении внесу в казну твою установленную плату и великодушно вытерплю дюжину ударов. Так судит визирь Шамагул, так должна судить здравая политика, и так она всегда судила».

Глава 21

ВООРУЖЕНИЕ

К вечеру возвратился великий вождь мой, и к немалому удивлению поведал, что упрямый Кунак не соглашается дать перемирие более, как на три дня, в которые с обеих сторон должно быть приложено всевозможное старание отыскать верные сведения о сыне его, князе Кубаше.

Мы поглядели один на другого молча; но мудрый Шамагул успокоил нас следующими словами: «Великий Макук не попустит гордости возвышать рог свой, и надменный Кунак падет с высоты козел своих, как падает ишек, обрушась в пропасть с горного утеса! Вели немедленно отсчитать все юзлуки свои без остатка. Я отправлю верных и проворных воинов к князю Казбеку, для покупки оружия. У него не по-нашему, и всегда есть изрядный запас в оном. В случае же отказа, велю украсть, сколько можно больше. Здравая политика отнюдь этого не запрещает. Что же касается до того, что у тебя не останется ни апроса, то пожалуй, не печалься, а помни только мои советы о размножении кавалеров ордена Нагайки».

Как сказано, так и сделано.

Двадцать человек опытнейших из верноподданных, прославившихся удалством в краже и разбоях, с сотнею юзлуков отправлены к светлейшему князю Казбеку, причем не забыл послать орденскую нагайку с грамотой, только я за лучшее рассудил не требовать от него урочной подати и не давать дюжины ударов в спину. Едва эти посланцы скрылись из виду, как в княжестве моем произошло возмущение, и главою его был визирь Шамагул! Он плотно поколотил нескольких некавалеров за то, что они не отпускали к нему в услужение жен и дочерей своих. Кавалеры вступились за собрата, и дело кончилось тем, что все с разбитыми носами, подбитыми глазами, разодранными платьями пришли к козлам моим требовать право-

судия. Шамагул сделал мне знак, и я вмиг догадался, что делать должно.

Просидев несколько времени в молчании, как будто задумываясь, что лучше сделать, я с величайшею важностью произнес: «Правосудный Макук! Возможно ли, чтобы первостатейные мои подданные так себя позорили? Прилично ли кавалерам почтенного ордена Нагайки осквернить ее столь подлым употреблением? Разве у нас нет леса и мало дубин? Повелеваю каждому из кавалеров отдать обратно знаки этого отличия, и завтра поутру на этом же месте собравшись, ожидать дальнейших приказаний».

Первый Шамагул с глубочайшим благоговением повесил на козлах свою нагайку. Прочие ему последовали. Тогда я дал знак одному из телохранителей ко мне приблизиться, вручил ему нагайку для отнесу во дворец, и с самым сердитым лицом оставил собрание, мигнувши визирю, чтобы навестил меня тайно.

Всякий легко догадается, в чем состояли мои с ним совещания. На утро следующего дня народ собрался перед моими козлами. Тогда я воззвал: «Благородные осетинцы! Хотя вчера, в жару первого гнева и лишил я многих из вас нагайки, но по довольном рассуждении и внемля движению сердца моего, я возвращаю обратно знаки ордена лишенным, а сверх того заблагорассудил и новых нескольких пожаловать — на основании устава».

Не мог я и не заметить, что большая часть предстоящих вздрогнули и побледнели; так им не хотелось расставаться с юзлуками! Шамагул первый вторично удостоился кавалерских почестей, и с видом великой радости выдержав удары, отсчитал установленное число юзлуков; зато многие покушались убежать, и верно бы то сделали, если б мои телохранители от этого их не удержали. Некоторых насильно посвящали в рыцари и за неплатеж денег брали козлов и баранов. Опять всех упрямее оказался страженачальник Башир, и опять получил дюжин пять ударов в спину. В народе родился ропот; но я мало о том заботился, а особливо видя, что государственная казна гораздо растолстела.

Едва кончился сей торжественный обряд, и не все еще верноподданные отерли свои слезы, пролитые от потери юзлуков и выдержания ударов, как появились послы мои от князя Казбека, и увы! с пустыми руками. Вместо ожидаемого оружия посол вручил мне грамоту, в которой означе-

но, что для него, Казбека, мои юзлуки совсем не нужны, а в оружии предстоит всегдашняя надобность.

Шамагул, приняв грозный вид, спросил у посольства: «Чего вы смотрели, бездельники? Не ясно ли я приказывал, чтобы в случае отказа со стороны князя Казбека постараться». — «О, визирь! — подхватил посол, — приказание твое весьма нам памятно будет. Когда было вот этот удалой молодец залез в оружейную палату княжескую, то его поймали, и в присутствии всех нас так попотчивали нагайками, что до гроба того не забудем».

— «Что же станем делать? — вскричал я к собранию, — неужели с дубинами полезем сражаться?». — «А почему бы и не так?» — воззвал Шамагул с таинственным видом. — И дубиною хорошею можно ловко огреть супостата. Но как князь Кунак дал нам сроку до послезавтра, то мы должны ускорить временем, и сею же ночью доблестный Бектемир с избранным воинством вторгнется в пределы вражеские, поразить беспечных, и клянусь — что с ранним утром мы будем в храме Макука приносить торжественное благодарение об одержанной победе. Моя политика никогда меня не обманывала».

Склонясь на сей совет в первый раз по необходимости, я даю повеление немедленно из всего княжества собраться на дворе моем всем, кои могут носить оружие, и через полчаса предстал пред нами многочисленный строй. Каждый из воителей смотрел грознее Кукама.

Тогда мужественный Бектемир, расставя ратников на европейский образец, то есть по росту, пересчитал их, и всех, включая и меня с членами Совета и телохранителями, оказалось восемьдесят два человека. С таким воинством я пошел бы на самого князя Казбека. Подал знак; молчание разлилось глубокое, и я, подняв голову, произнес к воинству: «Храбрые осетинцы! Было бы вам известно, что негодный князь Кунак, по причинам самым ничтожным, объявил нам войну. Поверьте мне, яко князю и первосвященнику, что за такую дерзость будет он достойно наказан! Но, друзья товарищи, как не у всех нас есть надлежащее вооружение, то я с премудрым Советом нашли прекрасный способ заменить оное. Поспешим, не теряя времени, в ближнюю буковую рощу, и каждый из вас срубит себе по доброй дубине, которою с одного маха можно бы разmozжить голову. После в течение ночи вступим в пределы

Кунаковы. Чем кто из врагов будет спать крепче, тем тому будет хуже. Как скоро победим, я дозволю вам целые три часа грабить княжество, делать, кому заблагорассудится, насилия, и старых, и молодых брать в плен. После — всех живых отправим в Моздок и продадим, ибо там покупают всякую сволочь. Посудите, храбрые люди, сколь вдруг предстоит вам выгод!»

По окончании сей речи, которая красотой и великолепием удивила самого Шамагула, а особливо при мыслях о грабеже и насилии, до чего он был крайне лаком, воины, бросая в дома свои за топорами, через десять минут явились готовы, и все торжественно отправились в буковую рощу. Весьма скоро деятельные воины вооружились страшными дубинами, храбро ими помахивали, и приятный для них свист в воздухе раздавался. Я улыбался, взирая на их мужество.

Глава 22

СРАЖЕНИЕ

Едва вышли мы из-за рощи, как увидели одного из наших стариков, спешащего изо всех сил. В недоумении мы остановились. Приблизясь к нам, он воззвал унылым голосом: «Помедли, светлейший князь, и выслушай о несчастии, постигшем тебя в сие время! Когда отправился ты для вооружения ратников, то забрал всех, чего-нибудь стоящих, оставя нас дряхлых старцев, жен и детей. Коварные жрецы того только и ждали. Они бросились к крепости, выбили двери и освободили прежнего первосвященника Маркуба!»

«Правосудный Макук!» — вскричали вдруг я, Шамагул, Бектемир и весь Совет. — «Возможно ли, — возопил визирь, — что и я не хвостовски сказать, первый политик на горах Кавказских, не смекнул о том! О, злобные жрецы! Настоящие дети Кукамовы! Это не пройдет вам даром». — «Не печалься, Шамагул, — сказал я гневно, — клянусь первосвященническим колпаком моим и священным рожком Макука, я велю всех их орденскими нагайками колотить до полусмерти; а Маркубу жезлом своим переломая руки и ноги; тогда уходить забудет!»

«О, князь!, — продолжал старик, — ты не все еще вы-

слушал: как скоро жрецы увидели Маркуба на свободе, то откуда ни взялся также и неверный Шемела». — «Святые отцы! — вскричал он, — мы должны отмстить за себя свято-татцу Кайтуку. Мне известно место, где хищник заточил кроткого князя Кубаша. Пойдем, освободим его, он будет нашим защитником!» Тогда бросились все вверх на косогор, и весьма в короткое время воротились с сыном Кунака. Маркуб воззвал: «Я законный первосвященник Макука; а потому, где я, там и капище нашего бога! Святые отцы, ступайте за мною». Тут бросились они к священной пещере, сняли с подножий лики обоих богов, взяли все ризы жреческие и все орудия священнодейственные, не оставя и серебряного рожка, из которого извлекал ты столь звонкие визги; потом все отправились в княжество Кунака, и думать надобно — теперь уж там».

Старик умолк, и мы все в онемении глядели друг на друга неподвижными глазами. Бектемир, первый получив употребление языка, сказал со стоном: «Стало быть, проклятый Кунак знает уже о намерении нашем напасть на него врасплох? Погибли мы невозвратно! Вот, что наделало, князь, твое мягкосердие! Если б ты приколотил Маркуба до смерти, этого бы не было. Ну, мудрый Шамагул, что велит нам делать теперь твоя политика?»

Визирь пожал плечами и молчал. Вдруг из-за горы показалось ополчение Кунака. Оно состояло человек из ста; все одеты были исправно и вооружены саблями, луками и копьями. Увидя их, все мы ахнули, и дубины наши опустились. Супостаты остановились на перелет стрелы, и один из старейших их пошел к нам бодрыми шагами. При нем был знак польский, состоящий в длинном шесте, наверху коего развевался белый хвост конский. Приблизясь ко мне, он сказал: «Именем светлейшего повелителя моего князя Кунака, буду говорить с тобою, Кайтук! На кого ты вооружился? На нас, или на собак наших? Сам видишь, что вместо того, чтобы священнодействовать, влюбляться в чужих невест, и женихов их воровски сажать в подземельные ямы, тебе бы должно было обезопасить народ свой оружием и прокормлением! Теперь знай: если хочешь ты спасен быть, то согласишься платить князю Кунаку ежемесячно по десяти добрых юзлуков, или по столько же баранов; всегда называть его повелителем, держать сторону его в войне и мире и не сметь без воли его никого из подданных наказывать;

ибо, судя по поступкам с послом Далай-ламы, с первосвященником Маркубом и со многими другими, ты изрядный забияка! Теперь объяви, на что ты решишься: жить ли под опекой князя Кунака, или погибнуть на своей воле?»

И самый недогадливый весьма легко догадается, в каком горестном был я тогда положении. Я скрипел зубами, пот орошал лицо мое. Негодование, самое бешенство овладели мною. Я не знал, что отвечать послу. Наконец, видя язвительный взор его, ожидающий от меня согласия на столь унижительные условия, я получил употребление чувств; распрямился, схватил у ближнего ратника дубину в обе руки, и промолвил: «Вот ответ мой презренному Кунаку!» Хотел огреть посла, но он успел отскочить, и я три раза сам около себя оборотился. Посол бросился бежать, и скоро достиг своего полчища, которое, видя сделанный ему прием, начало к нам подвигаться, и скоро сделало выстрелы из луков. Некоторые из моих подданных, человек с десять, будучи снабжены таким же оружием, тем же отвечали. Но как вражья сила подавалась все вперед далее и далее, то вскоре рать моя — как не бывала, а храбрый сардар Бектемир и мудрый визирь Шамагул едва ли не первыми обратились в бегство. Тщетно пытался я воплем своим воротить их, — нет! И я остался один с моим отчаянием. Пользуясь густым облаком пыли, поднятой на поле битвы ретивыми моими воителями, обратившимися восвояси, я бросился обратно в буковый лес, служивший мне местом укрытия. Бодро бежал я все вдаль, и хотя не один раз, ударившись лбом о дерево, падал, но — не теряя присутствия духа, вскакивал и продолжал бежать. Наконец, дыхание мое сперлось, остановилось, глаза закрылись, я пал в бесчувствии на землю и пробыл в сем болезненном положении всю ночь и часть утра.

Солнце стояло уже довольно высоко, когда открылись глаза мои. Какое состояние могло быть моего горестнее? В столь короткое время потерять княжество и Сафиру! О, Макук! Что я теперь такое?

В бегстве своем был я столько еще счастлив что очень мало растерял из необходимых для меня вещей, при мне бывших. У меня остались: кинжал, сабля и лук с колчаном стрел; зато денежная казна, собранная с новых и поновленных кавалеров ордена Нагайки, княжеская шапка, и дорогая серебряная цепь, носимая мною на шее — все

исчезло. Куда я обращаюсь теперь? В свое княжество? Тут явная погибель! Идти далее, того и гляди, что попадешь в рот голодному медведю, или горному вепрю!

Размыслив об этом сам с собою без помощи прежних советников, и призвав на помощь Макука и Кукама, направил шествие свое вперед, надеясь пробраться в Великую Кабарду, где владевший князь был другом отцу моему, и коего склонить на свою сторону я не сомневался; он был могущественнее пяти князей горских, и потому с его помощью мог бы я добрым порядком отделать князей Кунака и Мирзабека; если же там почему-нибудь не удастся, то пойду в Моздок, первый областной город хана астраханского, а после проберусь в самую столицу, где представляю несчастие свое мудрому, кроткому, могущественному хану Самсутдину, испрошу у него помощь, возвращу достояние предков моих, и дела свои поведу совсем иначе, чем было доселе; и менее стану полагаться на мудрость своего визиря и на храбрость сардара.

Такая льстивая надежда подкрепила силы мои, и я бегство свое не иначе считал, как полезным путешествием, необходимым для всякого человека, которому рождение его давало права повелевать другими. Места, мною проходимые, были необитаемы ни людьми, ни полезными животными: кроме ползающих змей и скорпионов и летающих орлов и коршунов, я ничего не видал. К исходу другого дня, от усталости и голода я начал ослабевать в теле, но дух мой еще бодрствовал. «Что мешкаешь, — возразил я, — разве нужда не все позволяет!» Я застрелил огромного ястреба, ощипал его рачительно, выпотрошил кинжалом, развел огонь с помощью трения двух сухих кипарисных прутьев, и воткнув на вертел, жарил, жарил до пота лица, и, наконец, изжарил. Хотя мне не доставало хлеба и просяной водки, хотя жаркое мое было тверже сухой бараньей кожи, однако ж я съел его всего без остатка, и без подстилки овечьих кож заснул весьма крепко на зеленом дерне.

Так, по-моему счету, прошло около трех десятидневий, и наконец — благодарение Макуку! Я увидел цветные берега Терека, где оканчивались стремнины кавказские, и глазам моим представилась прелестная, необозримая равнина, а по берегам реки тенистые перелески. Я понаслышке знал, что следуя течению Терека, достигну до Кабарды; и потому запасшись дюжиной жареных ястребов, спустился

с последнего косогора, преклонил колени, принес благодарение небу, сохранившему меня здоровым и невредимым чрез столь долгое время среди ежеминутной опасности, и напившись воды из Терека, пустился по течению его в путь свой далее.

Глава 23

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Пока проходил я мрачные леса и пещеры, до тех пор не обращал на самого себя никакого внимания. Но как скоро ясное, полное солнце осветило меня со всех сторон, то я, посмотрев в едва колеблющиеся струи Терека, отскочил назад от ужаса. Представьте себе животное с двумя ногами, покрытыми грязью и запекшейся кровью, не имеющее на себе другого покрова, кроме лохмотьев, развевающихся вокруг него, с лицом, подобным цветом ногам его, с мутными, впалыми глазами, над коими висели концы волос, и при малейшем движении головы также двигались туда и сюда и производили точный вид пиявиц, в грязи клубящихся.

Вдобавок всего, представьте животное сие с луком в руках, с колчаном за плечами, с препоясанною по голому почти телу саблею, и вы увидите истинное тогда изображение светлейшего князя Кайтука, обладавшего незадолго пред тем целым народом и первосвященствовавшего пред богами! «О, Макук! О, Кукам! Что вы из меня сделали? Теперь узнаю, что Черный год мой настал действительно, и что Маркуб пророчил не совсем несправедливо! Ах! Мне не надо было сажать его в крепость на хлеб и на воду; а когда уже посадил, то заставил бы там не поститься, но околеть с голода».

Уверен будучи, что жалобами не только не облегчу своих горестей, но еще более растравлю раны сердечные, я постарался возобновить питавшие прежде мою душу мысли о кабардинском князе Гирее, о приязни, с какою он примет во мне сына прежнего друга своего князя Кайтука XXIV; о том ополчении, которое вверит он моему предводительству для возвращения княжества и Сафиры и грозного отмщения врагам моим.

Представляя себе князей Кунака и Мирзабека, а

особливо ненавистного Кубаша, ползающих во прахе ног моих, я приходил в несказанное восхищение, принимал свирепый вид, грозно кричал, укоряя их в вероломстве, угрожал виселицей, а после смягчив голос, соглашался на униженные просьбы Мирзабека — принять в объятия свои Сафиру и даровать ему мир; соглашался на жизнь Кунака, приняв его под свою защиту в качестве данника; но при мысли о князе Кубаше, гнев мой опять распалялся, и я никак не мог простить его за дерзкое желание обладать Сафирою, за желание — праведный Макук! Я приходил в неистовство, и грозно указывая на какой-нибудь ракитовый или ореховый куст, кричал: «Сейчас повесьте негодного Кубаша на одном из этих деревьев!»

Опять тревожила меня и приводила в смятение мысль: «Как я предстану в таком наряде пред почтенное лицо могущественного Гирея? Не почтет ли он меня безумным, недостойным другой помощи, кроме пустого сожаления, и признает ли еще за сына своего друга?» Словом — надежда, даже уверенность, сомнение и отчаяние попеременно колебали меня. Я или скакал с радостью по берегу Терека, или шел медленно, повеся голову и опустя руки, смотря по тому, какие ощущения занимали меня.

Под вечер осьмого дня по выходе моем на берег Терека, спускаясь с лесистой горы, довольно высокой для тех, кои не посещали Кавказ, вдруг увидел я у подошвы оной большое селение, расположенное совсем иначе, чем наши княжества, и я не мог сомневаться, что вижу владение будущего друга моего, князя Гирея. Я осмотрел себя снова в струях Терека сзади и спереди, и сказал мужественно: «Хотя, правда, наружность моя немного доброго обещает, но безумен тот, кто смотрит на одну наружность, и по ней заключает об истинных достоинствах человека. Надобно старого Гирея удивить разумом, в котором я, по уверению всех бывших моих советников, имею даже излишество».

Расположась по сему, я оставил путеводителя своего, реку Терек, направил шествие к селению, и дорогою начал со всем жаром затверживать речь, которою намеревался склонить в свою пользу князя Гирея. Я находился на высшей степени восторга, махал руками и стучал ногами, как вдруг из-за кустов выскочили несколько человек, одетых на образец горский, но почти все с бородами, кому лета позволяли иметь их. Они закричали с радостным воплем:

«Сантон! Сантон!* Какое неожиданное благополучие! Как же рад будет великолепный князь Гирей! Как рады будут мужья, у коих жены бесплодны! Сантон! Сантон!»

С этими словами бросились они к ногам моим, целовали пальцы оных и колени и прочее, и прочее.

Я не понимал, чего хотели от меня эти сумасшедшие, и довольно времени хладнокровно смотрел на их дурачества. Они вели меня под руки к жилищам, продолжая завывать «Сантон» и оказывать всевозможные знаки необычайной радости. В скором времени показалась еще большая толпа народа обоего пола и разного возраста, бежавшая к нам навстречу, и подобно первым с большим воплем кричащая «Сантон! Сантон!»

Когда новоприбежавшие нас достигли, то все совокупно бросились ко мне в ноги, один другого упреждая, вертели меня во все стороны и рвали с тела последние лоскутья. И эти по примеру первых целовали меня везде, где им вздумалось и где могли достать.

Видя такое их неистовство, приведшее меня в крайнее замешательство, я вздумал сопротивляться и самых жарких лобызателей оделять исправными оплеухами. Новое чудо! Вместо какого-либо неудовольствия и оказания гнева или мщения, они с радостью принимали удары и наперебой подставляли свои спины, затылки и щеки, ловя, так сказать, места, куда кулаки мои имели направление. Я счел такие поступки насмешкою и рассердился не на шутку, представя свой сан и величие и невежество подданных друга отцовского.

Увидев намерение мое взяться за оружие, они оторвали саблю и кинжал от опояски, схватили лук с колчаном, и, скрепя мои руки своими, продолжали вести далее, крича час от часу радостнее. Попытавшись один раз им попротивиться и узнав невозможность, я успокоился и позволил делать со мною все, что им заблагорассудится, тем более, что они не причиняли мне никакого оскорбления, до тела относящегося, а только наскучали своими приветствиями и лобызаниями. В продолжение пути, слыша их разговоры, я мог несколько понимать смысл, из чего и заключил

* Сантон — во всех магометанских областях сантонов почитают мужами святыми, входновенными свыше. Эти изуверы суть не что иное, как беснующиеся, производящие всякие мерзости без малейшего зазрения совести.

что этот народ должен происходить от одного с нами племени. Наконец, мы достигли селения, где встречая нас старики и старухи кланялись низко, протягивали ко мне руки и после целовали концы пальцев, давая телодвижениями знать, что меня самого целуют. Достигши здания, показавшегося мне по обширности своей дворцом княжеским, вступили туда, отдали последнее почтение и удалились, не забыв запереть двери.

Глава 24

ГОСТЕПРИИМСТВО

Оставшись наедине, хотя я имел довольно времени на размышление, однако ничего не мог размыслить, а понимал только, что текущий год для меня не так-то черен, и старый Маркуб конечно солгал. Почтение, какое мне оказывали, не имел я и при блистательном Дворе своем; а не может статься, чтоб кто-либо мог уже проведать о высоком моем достоинстве.

Когда я углублен был в такие размышления, маленькая дверь отворилась, вошли несколько человек и с несказанным почтением поставили передо мною корзину с хлебом, с сырой бараниной и такими же цыплятами, и кувшин с кобыльим молоком, как сами тут же объявили. Осанистый старик, одетый от прочих отличнее, распоряжавшийся сими жертвоприношениями, сказал: «Ешь и пей, боговдохновенный сантон! И подкрепи силы свои, постом и бдением истощенные. Когда же сон станет призывать тебя в свои объятия, се одр покоя твоего! Юные и прелестные из жен наших постараются усладить священные восторги твои своими лобызаниями. Великий пророк да благославит тебя!»

Сказав сие, он поклонился и хотел выйти. «Почтенный старец! — воззвал я, — благодарю тебя и князя за гостеприимство; но оно будет для меня гораздо приятнее, когда велишь унести отсюда эту миску и этот кувшин, а на место их принести другие с вареною бараниной и жареными цыплятами, да хорошего моздокского винца; а оно у вас по близости сего знаменитого города должно быть не в диковину».

Старик оказал знаки великого изумления; однако тот-

час велел исполнить мое желание, и, поручив себя снова моим молитвам, удалился.

Не заботясь, что не понимаю слов *сантон* и *великий пророк*, я готовился с возможным усердием исполнить желание старца, и когда требуемое мною принесено было, то я не сделал охулки на свой желудок. Никакая мысль меня не занимала. Так-то справедливо, что душа наша тогда только действует сама собою, когда умолкают чувства телесные.

Заря вечерняя, бледнея час от часу, наконец, потухла; ночные тени окружили меня; я опустилсЯ на свое ложе, и вскоре услышал легкий шорох, а минуту спустя удостоверился, что угоститель мой человек правдивый, и крепко держится своего слова.

Едва поутру оставил я постель, как вечерний старец со спутниками своими и жертвоприношениями явился. Он советовал мне есть, пить и укреплять силы свои, попросил благословить его и упомянуть в святых своих молитвах и удалился. Под вечер он пришел с новым запасом, и после одних и тех же слов ушел. Ночью также не остался я без посещения; и в том же блаженном состоянии, в таком довольстве и неге провел два десятидневия. Всякий раз у приносивших мне пищу и питье спрашивал я о князе Гирее, но не мог получить удовлетворительного ответа. Хозяева и хозяйки мои были весьма гостеприимны, но зато чрезвычайно скромны, и чем более приставаЛ я к ним с вопросами по сему предмету, тем более показывали они удивление и даже некоторое неудовольствие. Все, что только мог я проведать, состояло в том, что князь Гирей, хотя уже довольно стар и немощен телом, но еще здравствует душою, что у него много жен, много лошадей, много овец и баранов; что он смирен, добр, и потому любим своим народом. Сколько ни просил я, чтобы мне дозволено было его видеть, всегда отказывали, уверяя, что того, без нарушения закона, сделать нельзя; ибо во время поста, который продолжается ровно месяц, одним только сантонам прилична та свобода, которою пользовался я в пище, питье и прочем; прочему же народу, не исключая и самого князя, строго воспрещена. Они начали утешать меня, говоря, что еще осталось от поста только четыре дня, и что после сего князь несомненно будет ко мне с вельможами Двора своего для испрошения молитв и благословения. Когда я просил их объяснить мне,

что такое разумеют они под словом «Сантон», они вдруг принимали пасмурный вид, смотрели на меня печально, вздыхали тяжело и уходили, пожимая плечами.

Сначала такое загадочное их поведение изумляло, но после я бросил о том и думать, прогуливался по селению или по саду того дома, в котором имел пристанище, и где, кроме меня, никого не видно было, почему я и счел его странноприимным домом. При поселении моем в сем жилище, когда только я ни появлялся на улице, все встречали меня восклицаниями, приветствиями, лобызаниями; но со временем, мало-помалу, умилили свои восторги, а наконец, начали даже от меня прятаться, и за три дня до окончания поста — хотя пища и питье приносимы были по-прежнему, но пламенные ночные посетительницы более уже не являлись. Я приписывал то уставам их закона, и нимало не думал беспокоиться.

Чуть было не забыл упомянуть, что на другой день торжественного введения моего в сие жилище покоя князь Гирей прислал ко мне бумажную полосатую рубашку, длиною до колен, кожаную опояску, с привязанным к оной большим ножом и деревянную чашкою*, в сем-то уборе величался я, бродя по селению.

Накануне великого праздника, которым оканчивался пост, сидел я в самый полдень на пороге своего жилища и забавлял себя мыслями о возврате своего княжества, о получении прелестной княжны Сафиры и о наказании дерзкого князя Кубаша за его дерзость, как вдруг поражен был радостными восклицаниями «Сантон! Сантон!»

Глава 25

СОПЕРНИК

Выведен будучи из сладкой задумчивости, я подымаю голову и вижу: страшная толпа народа шла поспешно к моему жилищу. Посередине всех приметил я маленького, худенького мужика, со всклокоченными волосами на голове и бороде, одетого точно по-моему, с той разницей, что платье мое было цело и чисто, а его в лохмотьях и за-

* Обыкновенное одеяние сантонов.

пачкано. Он махал руками во все стороны, подпрыгивал, кувыркался и пел самым неистовым голосом. «Это, конечно, бешеный, — сказал я сам себе, — но зачем же и его принимают здесь так точно, как принимали меня при начале моего сюда прибытия?»

Когда все приблизились, то сантон, — они не иначе величали это страшилище — остановился, проржал три раза жеребцом, потом, исправя некоторую нужду при всем народе, собрал грязь, и, растерши в руках, начал комками швырять в предстоящих. Все как безумные хватали, что могли схватить, и натирали себе лоб и глаза. Кончив сего рода благословение, — какого, видно, и от меня ожидали, и сердились не получая желаемого, — сантон потребовал свежей баранины и кобыльего молока. Все немедленно было доставлено и блаженный муж, рассевшись на земле, начал терзать зубами мясо и запивать молоком. Кровь текла по мерзкому лицу его и бороде, которую, однако, отирал он лоскутьями своей рубашки. Когда кончил обед, то оборотясь к югу, проблеял по бараньему, сделал несколько прыжков, и, подскочив ко мне, сказал: «Здравствуй, брат, поцелуемся!»

Я не знал, что отвечать сему мерзавцу, как он подошел ко мне весьма близко, разинул рот и растопырил руки. Я пришел в бешенство. Светлейшему князю Кайтуку целоваться с таким скаредом! «Ах, нечестивец! — вскричал я, забыв все последствия, — как дерзнул ты приблизиться к человеку моего достоинства?» Проговоря сие, дал ему такую пощечину, что он стремглав полетел на землю и раза три перевернулся. Народ поднял ужасный вопль и завывания, а сантон вскочил, и уставя на меня сверкающие от злости глаза, возопил: «Джаур!»

«Джаур!» — вскричал народ, и бросился ко мне с неистовством. Меня схватили, связали веревками руки и поволокли вдоль по улице к концу селения. Вместо благословений и лобызаний, оказанных мне при встрече, теперь при выпроваживании они не скупились ни на проклятия, ни на побои. Они восклицали при каждом тычке: «Джаур! Джаур! Как осмелился ты осквернять землю кабардинскую?»

На самом конце селения, примыкая к лесу, с Черных гор простиравшемся, стояла плетеная изба, вымазанная снаружи черною глиной и служащая темницею для несчастных, долженствующих за тяжкие беззакония ожи-

дать казни жестокой. Внутри темницы той вырыта была яма, довольно уютная для одного человека. Она имела глубину в два роста человека средней меры, и дно, устланное соломой. В это убежище привели меня, опустили в яму, и, дав корзину сухих хлебных корок и кувшин с водою, ушли все, не забыв сделать мне увещание, чтобы я не печалился, и что как скоро пройдут три дня праздника, то и с моим делом не замедлят. Будь благонадежен, злой джаур, что дней через пять ты не будешь уже осквернять здешний воздух своим дыханием!

Оставшись один, в темноте, я имел довольно времени и причин к размышлению. Нельзя похвалиться днями, проведенными мною в странствовании по крутизнам кавказским; но как и сравнить их с провожаемыми мною в заключении! Там — перескакивая с камня на камень, перелезая через громады поверженных бурями и временем дубов, кедров и буков, я раздирал платье свое, терзал свое тело, терпел голод и жажду, и все это переносил с величайшею твердостью, ибо сопутницы мои, данные мне богами и природою — беспрестанно меня утешали. Они были — *свобода* и *надежда*; теперь уже, лишась присутствия обеих сих утешительниц небесных, я, подобно жабе или тарантулу, гнезвился на дне моей юдоли, и едва-едва доставало сил бороться с раскаянием.

Опытом теперь я дознал, сколько горестно, сколько несносно для человека лишиться свободы, сего бесценного дара Макукова; живо чувствовал я всю несправедливость проступка моего против Маркуба и многих других, во время княжения мною обиженных. «Положим, — говорил я, — власть законная должна обуздывать стремление буйства, как мы обуздываем дикого коня: но тут всегда должны быть присутственны кротость и строгая рассматрительная справедливость, а не одно слепое кичение и насилие. О, великий Макук! Чем-то кончатся дни моего Черного года?»

Судя по скуке, унынию, горести, мною совершенно овладевшими, я провел в заточении сем бесчисленные годы; а по словам приносившего мне пищу и питье, только два десятидневия, ибо дело мое, по словам его, было так запутано, что не вдруг могло приведено быть в ясность.

Однажды, в самую полночь, был я вытащен на поверхность и вздохнул свежим воздухом. Сколько сладок

он мне показался! При ярком свете фонаря я увидел того самого первого старика, который угощал меня в первом блаженном жилище. Он сидел посередине ковра, а по обе стороны его два осанистых мужа с седыми бородами, в полном вооружении, и как будто бы готовились на сражение. Пасмурно они оглядели меня всего, потом посмотрели друг на друга и знакомец мой, столь прежде услужливый, столь приветливый, сделался грозен непомерно. Взоры его были дики и блуждающи, движения рук беспорядочны, все черты лица его предвещали мне гибель неизбежную.

Глава 26

КРУГОМ ВИНОВАТ

Порасправля усы и погладя бороду, он протянул ко мне руку и сказал протяжно: «Радуйся, нечестивец, что заключение твое оканчивается! Ты видишь во мне верховного священнослужителя Аллы и великого пророка его, Магомета, тобою равно оскорбленных и равно требующих отмщения!»

При словах «священнослужитель» и «мщение» ясно представились моему воображению жрецы наши Маркуб и Шемела, и хотя я об Алле и Магомете столько же знал, сколько и о сантонах, однако не мог удержаться, чтобы не вздрогнуть.

Священнослужитель Аллы продолжал: «Если ты хочешь выйти отсюда на место казни, достойно тебе уготованной, здоровыми ногами, то выслушай меня терпеливо и не осмеливайся прервать ни в одном слове; в противном случае за нескромность языка пяты твои отвечать будут! Не ты ли, окаянный, появившись к нам в священном виде боговдохновенного сантона, обольстил умы мужей и сердца жен? Возможно ли! Сам владетельный премудрый князь Гирей чуть не обезумел от радости, что видит в области своей такую драгоценность, ниспосланную великим пророком в награду за его благочестие, кротость, щедроту к муллам и за все прочие добродетели, приличные князю боголюбивому! Сам я, верховный мулла во всей Черкесии, не мог не обмануться святою наружностью твоею, богохульник! Одевание твое было так пленительно, движения так поразительны, что и я, клянусь Магометом, от всего

сердца лобызал скверные твои руки и ноги. Чтобы достойно почтить столь вожделенного гостя, благочестивый князь Гирей немедленно собирает Верховный совет, дабы спросить, как приличнее принять сантона и содержать, чтобы заохотить прожить у нас подолее и тем низвести горнюю благодать на всю землю, и у щедрого Неба испросить чрез милого ему угодника лугам нашим добрую паству, женам, овцам и кобылам плодородие, а лесам изобилие в вепрях, сернах и оленях! По моему совету назначено тебе жилище. О, Алла! Прости мне это согрешение в святой мечети, и сверх довольства в питии и пище. О, Магомет! Чем мы не пожертвовали? Богохульник! Ты без всякого зазрения совести недостойно принял и продолжал принимать безрассудно предлагаемое. Так, вместо освящения избранных жен, ты осквернил их, и вместе с тем княжеский и всех их двора его гаремы, однако меня не мог ты долго обманывать. С первого моего посещения начал я иметь подозрение в твоей святости, как скоро услышал, что ты отвергаешь пищу и питье сантонам столько обычные, а требуешь вина, жареных цыплят и вареной баранины. День ото дня сомнение мое умножалось, ибо довольно было пищи для поддержания онаго. О семь сообщил я благочестивому князю и вельможам и советовал до времени остановить благоговение к сантону, пока не дознаем заподлинно его боговдохновенности. Нарочные были посланы в Моздок, чтоб умолить тамошнего главу сантонов осчастливить Кабарду своим присутствием и искусить нашего угодника. При всем народе сделано было это искушение, все видели скачки истинного сантона и слышали восторженное ржание и блеяние, меж тем, как ты, изверг, пораженный в уме пророком и мыслью о своем ужасном самозванстве, начавшем открываться, стоял подобно истукану, и был столько исполнен злого духа, что когда божественный сантон предложил тебе братское целование, ты дерзнул со всею силою действовавшего в тебе дьявола дать мужу праведному пощечину, от коей он полетел на землю и ровно три раза перевернулся. Тут-то совершенно открылся обман, достойный ужасной, беспримерной казни. О, джаур проклятый! Хотя и не следовало бы, — продолжал мулла после некоторого молчания, — распространяться с тобою далее, но премудрому князю нашему Гирею сродно было повелеть нам исследовать до прями, что побудило тебя — гнев ли и мще-

ние, или презренное корыстолюбие наречь себя, выдать в народе, назвать и наименовать сантоном и тем поколебать спокойствие счастливого народа кабардинского? Теперь, не подвергая гят своих истязанию, можешь отвечать ты, и отвечай не обинуюсь».

Признаюсь откровенно, что сначала объяснения муллы о близкой моей казни потрясли во внутренности моей *то*, чего не потрясали рыкающие громы и ослепляющие молнии, самовластно правящие вершинами Кавказа с его пропастями, льдами и снежными долинами. Этому *то* — я до сих пор не знаю настоящего имени, но что *оно* есть во мне, это я чувствую. Из сего постигаю, что можно чувствовать не понимая; но не знаю, можно ли понимать не чувствуя. Как бы то ни было, только вдруг за объясненным чувством разлилось во мне — в душе или теле также не утверждаю, стремительное, непокорное, незнакомое чувство, которое говорило, вопияло во мне: «Забудь на время, что ты урожденный князь и названный первосвященник; помни только, что ты один из существ, называемых человеками! Кто тебя спрашивает? Кто грозит тебе смертью? По-видимому, такой же человек — и не более! Отвечай же ему достойным образом».

Внимая голосу невидимого духа-хранителя, голосу благодетельного Макука я пребывал несколько минут в молчании, что, конечно, причтено было самопризнанию в преступлении и трусости, ибо взоры и движения муллы и его товарищей то доказывали. Но бодрость моя скоро возвратилась, сердце забило в грудь подобно молоту, кровь закипела, и я отвечал: «Безумный мулла! Знаю род ваш, испытал коварства ваши и если не удалось мне отмстить за себя злобным поклонникам Макука и Кукама, то исполню это над изувером, упоминавшим мне про какого-то Магомета!»

Когда я произносил со зверством слова сии, то меч одного из вельмож, сидевших по сторонам от муллы, уже был мной исторгнут из ножен и с быстротой молнии поражал несчастных. Несколько ударов, — и они все трое были уже разрубленные трупы. Видя их без движения, я остановился, дабы размыслить, что мне после такого подвига предпринять должно было.

НЕЧАЯННАЯ ПОМОЩЬ

В тогдашнем положении моем нелегко было вдруг на что-либо решиться, а малейшее промедление грозило мне очевидною, ужасною гибелью. Шутка ли только? Осужденный на казнь предает смерти троих судей своих, в числе коих был и верховный священнослужитель Аллы! Но как мне предпринять что-либо? Почти наг, с одною саблею в руках, тощ и слаб, без денег и знания мест, — куда обращусь я? Кто даст мне убежище? Не вернее ли, что всякий со мною встретившийся или умертвит, или возьмет в плен, и тогда самая ужасная, поносная смерть истребит с лица земли последнюю отрасль дома великого!

Но как и умирать на свободе под открытым небом, в виду, так сказать, всей природы, с оружием в руке, гораздо сноснее, чем в мрачной яме, без всяких свидетелей, или на площади, в окружении одними клянущими врагами, то я, приметя сквозь щель плетеной моей темницы, что утренняя заря готовится озлатить кабардинское небо, решился бежать куда поведут глаза и понесут ноги, и призвав в помощь Макука и Кукама, подошел к дверям; но едва хотел отворить их, как услышал тихие голоса и с трепетом остановился.

«Спеши, верная, любезная Файга! Вот веревка, с помощью которой можно вытащить из ямы милого сантона. Скажи ему, чтобы за тобою последовал, иначе первые лучи восходящего солнца осветят труп его растерзанный! Ах, как буду я счастлива, когда великий пророк спасет его для страстной Халиды! Спеши, верная, любезная Файга!»

Мне показалось, что этот плачевный, но вместе сладостный голос не в первый раз уже слышу. Исполняясь надежды и спутника ея — сладкого уверения, что я не совсем еще погибшее творение, и что есть еще под солнцем душа, дорожащая моею жизнью, стремительно отпер двери, и видя у самого входа двух женщин, по-видимому, оторопевших от неожиданного моего появления, сказал: «Не тревожься, благодетельная Халида! Послушный сантон со всем доверием предается руководству твоей Файги. Ведите меня куда знаете! Время дорого; заря занимается, и солнце не замедлит показаться».

Халида, не отвечая ни слова, взяла меня за руку и повела; Файга следовала за нами. Обходя мимо селения, мы скоро оставили его позади себя и очутились в лесу, покрывающем отростки Черной горы. Заря осветила небосклон, солнце готовилось разлить свет и жизнь на всю природу, как очутились мы на одной небольшой лужайке, на коей стояло несколько низеньких хижин, по обыкновению из плетня сделанных. Мы вошли в одну из них и нашли хотя пустую, однако снабженную всем необходимым. Посередине лежала новая циновка, в углу разостлано было несколько оленьих кож и тому подобное.

Тут спасительница моя в первый раз промолвила: «Ты покуда в совершенной безопасности, любезный сантон. Хижины эти суть зимнее жилище стад наших, а этот домик для тогдашнего времени пристанище моего мужа, одного из первых вельмож при дворе князя Гирея. Летом никто сюда не заходит и ты совершенно волен здесь делать что хочешь, только остерегайся заходить далеко, ибо можешь встретиться с кабардинскими пастухами и вторично подпасть такой же беде из какой я, по счастью, тебя теперь избавила. Признай во мне одну из тех незнакомок, коих жребий посылал к тебе в храм и которую ты троекратно осчастливил принятием в свои объятия. Хотя безбожный мулла и уверял почти всех мужей наших, что ты ложный сантон и достоин тяжкой смерти, однако, я первая держусь старых мыслей и охотно верю, что ты муж святой, и намерена, сколько возможно долее, набираться от тебя спасительной силы, не разделяя с подругами своими этого счастья!»

Сказав слова сии, Халида скинула покрывало, и я хотя не ослеплен был ее прелестями, однако, могу сказать, что она стояла имени прекрасной женщины. Она была в половине женского века; розы на щеках ее были в полном, ярком цвете; глаза блистали, как две звезды на чистом небе; словом, я, движимый благодарностью и тронутый прелестями, не удержался, чтобы не упасть к ногам ее и не осыпать рук жаркими поцелуями. За такой образ изъяснения моей чувствительности она отвечала нежными ласками и тихонько шептала: «Милый сантон! Как я надеюсь быть счастлива, что спасла тебя!»

Когда солнце явилось уже выше твердынь Кавказских, они поспешно удалились. Халида обещала как можно ско-

рее прислать ко мне верную Файгу с нужными съестными припасами, и к ночи — если злочестивый муж ее, впавший в одинакую ересь с муллою на счет моего сантонства, пробудет в отлучке — навестить меня лично и попросить о благословении.

По их выходе разлежся я на оленьих кожах и после стольких ночей, в яме проведенных без малейшего покоя, уснул сном глубоким.

Глава 28

РАЗБОРЧИВАЯ ЖЕНА

Я пробужден был лошадиным топотом, что меня удивило и испугало. Мне представилось, что следы мои открыты, что целое воинство раздраженного князя приискало за мною, и что нет уже никакого спасения. Когда я находился в некотором окаменении, дверь отворилась, и в храмину мою вошла смущенная, встревоженная Халида со своею Файгою.

«Минуты дороги, — сказала она, запыхавшись, — ты и здесь не можешь быть совершенно безопасным. Выслушай! Когда я спасла тебя от предстоящей ужасной казни, имевшей состоять в растерзании четырьмя дикими конями, то мне и на мысль не приходило, что ты убийца моего мужа. Как скоро с Файгою прибыла я в дом свой, то почти в ту же минуту воины, отправленные князем привести тебя из темницы на место казни, внесли окровавленный труп моего мужа и объявили, что это было твое дело. Хотя покойник был старик слабый и несносный, но великий пророк не оставит без жестокого отмщения, если в объятия свои прииму его убийцу. Из сего поступка твоего не должна ли я увериться, что ты и подлинно принял на себя притворно святое лицо сантона; а потому всякая склонность к тебе была бы уже неизвинительна. Вся Кабарда в ужасном смятении и кипит отмщением. Думаю, что князевы телохранители разосланы будут по всем углам владения, дабы поймать тебя. Но как я клялась подать тебе все способы к спасению, то и должна сдержать клятву. Мы с верною Файгою привезли тебе, сколько могли, съестного, чтобы ты не умер с голоду. Сверх того найдешь ты в наших व्यюках полное охотничье платье моего мужа, лук с колчаном стрел, саблю

и кинжал, к чему прибавила я мешок с юзлуками. Как скоро ты не сантон, то оружие и деньги всегда и везде для тебя необходимы. Ты можешь располагать собою как заблагорассудишь. Уйдешь — так хорошо; а попадешься — я не отвечаю пророку за смерть твою. В первой мечети советую тебе смиренно покаяться в тяжком грехе, что назвавшись сантоном, ты причинил мне и всем женам, бывшим у тебя в известном месте, великие хлопоты. Посуди сам: чтобы после тебя сделаться нам опять чистыми и к чему-нибудь годными, каждая из нас должна трижды три раза удостоиться благословений от истинного сантона. Теперь у нас пребывающий стар и дряхл, так скоро ли в силах будет очистить всех, тобою запятнанных? Молодые же скоро ли без особого вдохновения зайдут в сторону, почитаемую ими пустынею? У них и без нас довольно грешниц! Но, благодарение пророку! Я богата: стоит съездить в Моздок, а можно и в Астрахань: там в сантонах недостатка не бывает и надеюсь, что за сходную плату получу девятью девять раз очищение от греха, ко мне от тебя прилипшего. Прощай, милосердый Алла да соблюдет тебя здрава и невредима!»

Проговоря эту диковинную речь, она вышла с Файгою, обе сложили на траву вьюки с лошадей, вскочили на них и скоро скрылись из виду. Зная, что медление будет для меня гибелью, тотчас я оделся в платье черкеса, вооружился, запрятал мешок с юзлуками за пазуху, взял под мышку кису со съестными запасами и пустился со всех ног куда глаза глядели.

Глава 29

ПРОХЛАДНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

В странствии сем хотя подвержен был я беспрестанным опасениям, прерывавшим ежедневно сон мой, ибо я странствовал только по ночам, а брал необходимое отдохновение днями; а также черкесская одежда моя и обувь начали отказываться, однако, теперь был я несравненно в лучшем положении, чем прежде, блуждая по родимым горам своим. Там за утесами и лесами редко видел я солнце небесное, и должен был или умирать с голоду, или услаждать вкус свой сушеными ястребами. Здесь, напротив, шел я хотя довольно густым лесом, всегда дающим мне нужную

тень в часы дневного покоя, но никогда не закрывавшим предо мною светлого солнца, прекраснейшего и великопнейшего произведения рук благодетельного Макука. Сверх того, вместо кавказских ястребов я весьма часто встречал здесь фазанов, которые в наших княжествах почитаются за некоторую редкость. Словом, я путешествовал довольно прохладно.

Имея очень много свободного времени на размышления, я думал так: «Если злобному Кукаму в самом деле рассудилось сей год жизни моей сделать черным, то вижу, что благий Макук с ним спорит, и всякий раз, когда тот настроит мне пакостей, сей, напротив, всегда подоспевает с помощью и спасением. Однако я весьма обманулся в ожидании вспоможения от князя Гирея; виноват ли я, что сумасбродные его подданные почли меня за праведника, и потчивали яствами из своих гаремов? Кто бы на моем месте отказался от предлагаемых гостинцев? Все шло, как нельзя лучше; но неугомонный Кукам вселился в муллу, и довел было меня до мучительной казни. Тут добрый Макук подвигнул сердце жены одного из вельмож к состраданию и пристыдил своего соперника. Сама Халида не вздумала бы спасти меня, если бы я не угодил ей во время моего сантонства. Из сего едва ли не выйдет, что чернота и белизна моего года из одного источника проистекают; но где и какой сей источник? Кто управляет его течением? Право — не знаю; а вернее всего — это Макук. Обещаюсь и клянусь, что когда удастся мне склонить к пользам своим державного хана Самсутдина и с его войсками возвратить достояние своих предков, то в знак вечной моей благодарности и на память позднему потомству воздвигнуть истукан Макука из персидского серебра, мерою в целые полтора аршина!»

На пятый день сего путешествия начал я встречать на полях целые стада домашних животных и людей, оберегавших оныя. Не заметя со стороны их никакого намерения к обиде или притеснению, я счел, что они, равно как и сии прекрасные тучные пастбища с быками, овцами, козлами, конями, лошаками и верблюдами принадлежат не кому иному, как великому хану Самсутдину. Хорошо сделал блаженной памяти родитель мой, заставив меня с малолетства учиться языку татарскому. Я подошел к сим людям, объявил себя горцем, путешествующим из любопытства и желания обогатить себя просвещением и попросил у них чего-нибудь съестного, обещая щедрую плату.

«Плата твоя за посильное угощение состоять будет в добром твоём о нас мнении», — сказал один старик с седою бородой, и велел подать хлеба, сыру и молока. Когда он увидел, что я сыт, то сказал: «Теперь ещё очень знойно, и ты можешь отдохнуть под тенью шатра моего. До Моздока недалеко, и с обновлёнными силами ещё до заката солнечного вступишь в стены сего города».

Глава 30

УРОК

Я охотно последовал совету старика, сел в прохладной тени и неприметно задумался. «Вижу, что тебя нечто тревожит, — сказал хозяин ласково, — чтоб прогнать эту набравшую на тебя тучу, то на досуге расскажи нам что-нибудь о делах горских. С некоторого времени там произошло немало любопытного. Из чьего ты владения?» — «Светлейшего князя Кайтука!» — «Ба, ба! Видно, ты путешествуешь очень прохладно и не знаешь, что имя Кайтуково исчезло так, как исчезает дым, выходящий из этой трубки. Незадолго пред сим посещали нас некоторые благородные горцы из одного с тобою княжества и рассказывали, что князь их пропал без вести, а доброхотные соседи Мирзабек и Кунак миролюбиво разделили имение его между собой».

Услышав эти слова, я против воли изменился в лице и тяжкий вздох вылетел из груди моей. Старик это приметил и сказал с соучастием: «Видно, несчастный князь Кайтук был любим тобою?» — «Как нельзя более! Он был друг мой с самого младенчества». — «Жаль, а пособить нечем». — «Не оскорбись, пожалуй, — продолжал старик, — если я, простой пастух, о друге твоём сделаю простое же замечание и скажу, что он сам был главною виною своего несчастья!» — «А почему?» — «Потому, что вместо сохранения порядка и строгой справедливости, чистоты нравов, уважения к правилам отцов своих, благоговения к закону, веры и наблюдения умеренности, он, не сердись, приятель, князь Кайтук начинает княжение своё обидою посланнику от великого первосвященника богов своих, безрассудно принимает на себя звание главного жреца и тем поселяет в народе недоверенность к власти богов и озлобление к своей особе, так что, чем кто из подданных

его был честнее, благонравнее, набожнее, тем необходимо становился злейшим врагом его. У него просят правосудия и наказания вероломству, а он думает только об умножении казны своей. Он выкидывает новость, на горах неслыханную, забыв, или совсем не зная, что всякие новизны, вводимые владетелем в своем народе, могут вводимы быть только исподволь, неприметно, и таким владетелем, который приобрел к себе доверенность, любовь и почтение своею мудростью, силою оружия, опытностью в правлении. Князь Кайтук, глупо подражая в устроении придворного штата хану астраханскому и даже шаху персидскому, посуди хорошенько и забудь на время свою дружбу, князь Кайтук, имея непосредственную власть над горстью народа, и ближним соседям едва по имени известный, называет себя повелителем, старосту своего — великим визирем, стремленного — сардаром, а дворецкого — назиром! Вдобавок к сему безумию устраивает какой-то орден Нагайки и раздавая знаки онаго подданным против их воли, оскорбляет их, грабит, и таким поведением расстроив всю целостность маленького своего владения, обессилил оное, сделался ненавистен, и погубя всех, — мудрено ли, что дурачества свои запечатлел своею собственной гибелью? Впрочем — все утверждают, что он лично — храбр от природы, не зол и не без ума. Жаль, что остался молод на своей воле и видно, что великий пророк назначил ему так в книге Предопределения».

Старик умолк. Не умею выразить тех ощущений, кои тогда меня обуревали. Стыд, горесть, гнев, мщенье, уныние — все совокупно меня терзали. Я не мог далее вести с ним беседу, не обнаружив, что слушатель его — есть тот самый сумасброд, о коем он так откровенно рассказывал. Итак, поблагодаря его за приязнь и угощение, я пустился в путь, держась запада, и в самом деле перед закатом солнца увидел стены моздокские и высокие башни оных. Новость вида мало-помалу рассеяла мрачное мое уныние. Я перебирал в мыслях слова старика и силился найти пристойные возражения, которые оканчивались почти его же словами: «Что на моем месте и другой то же бы сделал; что не я виною гибели отечества, а судьба, Кукам или какой-то великий пророк татарский — так определили, и что всякий согласится — смертному невозможно пересилить определение бессмертных».

Утешась сею мыслью, которою, вероятно, большая

часть влекомых в тюрьму и даже на виселицу утешаются, вошел я в город, и найдя гостиницу, остановился в ней для отдыха.

Глава 31

ГОСТИНИЦА

Чувствуя изрядный позыв на еду и зная, что не убог озлуками, я никак не решился лечь опочивать, не удовлетворяя голод и жажду; а потому тотчас спросил у сидевшего подле меня татарина: «Кто здесь хозяин, и где он?» Мне отвечали: «Хозяин здешней гостиницы богатый жид, и поутру позван к моздокскому мурзе по некоему делу, которого виновники — двое земляков твоих кабардинцев, кои недели две назад здесь же останавливались. Надобно думать, что он скоро возвратится, ибо Елиас человек разумный и ни с чем к мурзе никогда не является».

Ответ сей был для меня не совсем удовлетворителен, и я, привыкши уже видеть людей, говорящих со мною просто, без должного подобострастия к высокому сану светлейшего князя, спросил соседа своего также просто, без того величественного вида и грозного голоса, который оказывал в своем Совете: «Любезный друг! Я здесь человек новый и совсем не понимаю, что значит слово «мурза», у которого с утра до вечера гостит богатый жид Елиас!» — «Как так? — спросил удивленный татарин, — судя по твоей одежде, так ты кабардинец, а кабардинцы ежедневно здесь бывают; как же не знать тебе, что значит мурза в ханстве Самсутдиновом?» — «Одежду сию купил я случайно, и по ней ничего заключать недолжно». — «О, когда так, то я удовольствую твое любопытство: мурза есть начальник какого-нибудь улуса, и за верную службу астраханскому хану получает в непосредственное управление какой-нибудь город с принадлежащею к нему округою. Доходы, правда, должны принадлежать хану, но мурзы обыкновенно так благоразумны, что умеют с ним делиться, и уверив его в беспримерном своем бескорыстии, получают в награду, время от времени, дорогие сабли, вооружения, золотые и серебряные цепи. Власть каждого такого мурзы почти неограничена, а особливо моздокского, ибо они отдаленнее кизлярского и наурского от Астрахани».

В сию минуту вошел к нам человек маленький, худенький, в засаленном платье и с дырами, покрытый пребольшою шапкою, опущенную росомахшим мехом.

«Чтоб сам Адрамелех побрал сих двух проклятых горцев! — вскричал он с бешенством, кинув шапку на пол, — которые стоят мне двадцати юзлуков за то, что два дня продержал их в своем доме! Но пусть так. Достанется и им! Мурза хотел было оделить палочными ударами по подошвам: Шамагула, яко виновнейшего, сотнею, а Бектемира — пятьюдесятью, но я настоял на своем, и первому влепят полтора, а другому сотню. Поделом проклятым язычникам!»

Представь, кто хочет, мое положение! Увы! До чего довело угрюмое счастье моего мудрого визиря и храброго сардара! Бледен и трепещущ стоял я на одном месте. Это не укрылось от взоров еврея, и он спросил о причине моего смятения.

«Честный человек! — сказал я поправляясь, — нельзя мне не принимать участия в суде двух горцев, о коих говорил ты. Я большой охотник путешествовать; прошел все горы Кавказские и не могу без благодарности вспомнить, что в одно посещение княжества Кайтукова великолепно угощен был его вельможами Шамагулом и Бектемиром. Какой изящный шешлык! Какая превосходная просыная водка!»

«Перестань, пожалуй, — сказал жид с насмешкой, — величаться угощением горских друзей твоих; у нас так лакомятся имеретинские поденщики, цыгане и русские невольники. А как моя гостиница есть первая в славном городе Моздоке, и ни один из объявленных господ не смеет и подойти к ней близко, то ты кушанья горского у меня и не увидишь».

Когда он с надменным видом вычислял всю пышность угощения, коим нас потчевать обещался, прислужники его разостлали на полу лоскут бумажной ткани багряного цвета, положили хлеб и поставили несколько блюд с пилавом, приготовленным с жареною бараниной или с цыплятами. Я потребовал вина и оживлял им заморенную свою внутренность. Некоторые из собеседников соблазнились моим поступком и начали подражать оному с такою ревностью, что менее нежели в час затянули какие-то песни и поплелись по домам, благодаря хозяина за угощение, и оделяя

щедро медными и серебряными деньгами. Меня проводили в маленький чулан, указали на полу тюфяк, набитый овечьей шерстью, и пожелав доброй ночи, оставили в покое. Два противоречащие побуждения души и тела жестоко сражались во мне между собою. Душа страстно желала подумать поприлежнее о способах, как спасти пяты верных друзей моих от напасти, им угрожающей, а тело, представляя понесенные труды, усталость, ужин, — желало спать; я не знал, на что решиться, и в такой борьбе проведя довольно времени, решился прежде удовлетворить требованию тела, которого голос очень часто вопиет громче душевного, а потом подумать уже и о шепоте нежной совести.

Глава 32

ГРЕШНИК

Скрип проезжающих телег, мычание быков и оглушительный рев ишаков разбудили меня и дали знать, что желанный мною день уже настал, и время действовать в пользу друзей — приблизилось. Я поднялся с ложа, вооружился как следовало, и сказав Елиасу: «Прощай, жид! Ты еще обо мне вспомнишь», хотел выйти за порог. Елиас, став быстро передо мною, вскричал: «Куда? Слыханное ли дело, не расплатясь честно с хозяином, оставлять гостиницу?» — «У тебя худая память, — отвечал я, — вчера еще ты удовлетворен мною сполна, и я не остался должен ни за одну крошку хлеба, ни за одну каплю вина!» — «Так! — возразил он, — но то был платеж за пищу и за питье; а разве успокоение в гостинице ничего уже не стоит? Клянусь памятью Авраама, ты сейчас отсчитаешь мне два юзлука, а иначе — я познакомлю тебя с мурзой Габидулом!»

Наслышась еще на горах, что такое значит жид, и имея надобность видаться с мурзою, я не хотел показаться ему на первый раз в виде обвиняемого, а потому, кинув на пол требуемую сумму, вышел за ворота. Едва я осмотрелся вокруг себя, как тогда же должен был сам себе признаться, что Моздок стоит княжества Кайтукова. Какие пышные дома! Как богато убраны люди! Я заметил, между прочим, что медные колокольчики и гремушки, висевшие на козлах и баранах, были сделаны красивее и светились ярче,

нежели у нас на горах те, кои подыгрывая моему святому рожку, пленяли слух народа, самих богов, небо и адожителей. Женщины, проходящие мимо, были с головы до колен покрыты большими полотнищами; однако, когда встречались с мужчинами, а особливо молодыми, то будто для поправления покрывал своих, останавливались, распахивали полы, и хотя на один миг открывали свои лица. Одни из них были довольно дурны и не в пример хуже наших голубооких осетинок; зато другие имели прекрасные лица, блестящие как полный месяц и румяные, как восточная заря на светлом небе. После узнал я, что первые из них были татарки, в сей земле природные, а другие черкешенки и армянки, коих предки, по побуждению приобретения, оставляя свою отчизну, селились по берегам Терека, и мало-помалу обзаведшись, столь привыкли к обычаям коренных жителей, что прежние отечественные знали только по преданиям, а о божествах своих столь же много думали, как я о Магомете или тибетском Далай-ламе.

Общая деятельность в народе пробудила и меня от рассеянности. Первая и сильнейшая мысль моя была — спасти своих друзей и советников; и божусь рожком Макуковым, не для того, что они могли быть мне полезны в настоящих смутных обстоятельствах, не для того, что были мне любезны за свою верность, и теперь, некоторым образом, участвовали в противной судьбе моей. Отсчитав довольное, по-моему мнению, количество юзлуков, дабы показанием всей мощны моей не соблазнить лакомого мурзы, начал я осведомляться о жилище сего наместника Самсутдинова. У десятерых спрашивал я, чтоб показали мне к нему дорогу и к великому удивлению от десятерых получил в ответ «Не знаю!» Проходя из улицы в улицу, я останавливал старых и малых и ото всех слышал одно и тоже: «Не знаю». А от некоторых с прибавлением бранных поговорок. «Что за пропасть! — говорил я сам себе, — или эти люди полумны, или отправляют сего дня какой-нибудь праздник своему богу, принося в жертву безмолвие». Когда я стоял в задумчивости, то подошел ко мне седой, дряхлый старик, полуодетый в рубища. Костыли поддерживали его на дрожащих ногах, голова была открыта и вместо покрова торчало на ней несколько седых волос. Это пугало стало против меня, потупило в землю один глаз свой, ибо другого не было, и, казалось, хотел что-то сказать мне.

«Кто ты, старый получеловек? — спросил я, — и чего от меня хочешь?» — «Я нищий!» — «А что это за звание?» — «Малым чем разнящееся от звания грешника в аду!» — «Несчастное звание! Но чем ты прогневал твоего бога?» — «Грехи моих предков и мои собственные повлекли на меня это бедствие». — «В чем же состояли грехи сии?» — «Предки мои, даже самые родители, одержимы были тяжким грехом — бедностью. В сем грехе я зачат был в чреве матери моей, в сем грехе рожден и воспитан, и на двадцатом году жизни моей остался по смерти родителей, получа в наследство грех прародительский. Думая сам с собою, чем удобнее можно от греха сего очиститься, я почел за лучшее к тому средство — пойти под знамена хана Касамутдина, отца теперешнего нашего повелителя. Он занимался беспрестанными набегами на *русские княжества*, и время от времени обогащаясь разного рода корыстями, сделался я сильнейшим владельцем на берегах моря Каспийского. Я думал, что когда полководец от войны обогащается, то и воин без того не останется. Однако я думал грешно, а попросту — глупо. При всяких стычках и сражениях, будучи всегда впереди, я в числе первых получал раны и увечья, а потому, когда хан, по одержании победы, великодушно разделял между сотрудниками своими целую сотую долю корыстей, я всегда, покрытый своею кровью, валялся в пыли для осушения ран своих, и то считал за особенную милость, если какой-либо жалостливый земляк подаст пригоршню воды для освежения томящейся гортани. По окончании каждого похода заклинал я костями своих родителей не искать более счастья в войне; но как скоро раны мои заживали, как скоро слышал я звук бранной трубы и товарищей своих, большими толпами собирающихся под знамена ханские, я, невольным образом, сам стремился в сети греха, то есть глупости и опять пускался в поход в чаянии удачи, и опять возвращался, по-прежнему, нищ, устал, изранен. Так провел я сорок лет в поле, и ты теперь видишь на всем теле моем достойное воздаяние Неба за произвольные грехи мои!»

Когда он таким образом проговорил, я невольно опустил руку в карман, вынул несколько апросов и подал сему кающемуся грешнику. Слезы показались на мутном глазе несчастного; он взял подавание с преклонным видом и тихими шагами удалился. Я не мог не вздохнуть.

«Правда! — сказал я, — город Моздок прекраснее, обширнее, многолюднее, чем все три княжества, Кайтуково, Мирзабеково и Кунаково; но у нас — благодарение богам! и не слышали о таких грешниках, какого я видел, и каких, может быть, увижу еще немало!»

Вдруг к воротам дома, у которого стоял я, начал стекаться народ обоего пола. Все были очень веселы и делали странные телодвижения. «Что это значит?» — спросил я у проходящих. «Этот народ, — отвечал некто, — стекается к дому мурзы Габидула, дабы по обыкновению проводить его на площадь, где сего дня за какое-то преступление двух горцев добрым порядком будут оделять палками по подошвам». «О, Мамук? — вскричал я с судорожным движением, — так это дом мурзы Габидула?» — «Его!» Не говоря более ни слова, я, подобно иступленному, бросился к воротам. Изумленный народ раздался на обе стороны; я вбежал на обширный двор, там далее и далее, и очутился на высоком крыльце.

Глава 33

СУДЬЯ

Тут я образумился. Смотрю вперед и вижу: в просторном покое, примыкавшем к крыльцу, сидит посередине на узорчатом ковре пожилой мужчина важного вида, в долгополой одежде красного цвета. Он углублен был в чтение некоторых бумаг. По обе стороны его стояло по одному человеку, которых неподвижные взоры устремлены были на судью, а потому никто из троих не заметил моего присутствия.

Тогда стоящий по правую сторону мурзы сказал: «Уверю тебя, мурза Габидул, святостью моего сана, неверные горцы достойны сего наказания: такова мысль моя, главного муллы моздокского». — «Уверю тебя, мурза Габидул, — сказал стоящий по левую руку, — величию моего сана, что праведный мулла сказал истину. Такова мысль моя, главного мдиванбека моздокского!» — «А когда так, — сказал с важностью мурза, — то и я согласен».

После слов этих он хотел привстать, дабы приложить перстень, натертый чернилами, к лежавшей перед ним бумаге, как первый предмет, на глаза ему попавшийся, был

князь Кайтук. «Ты кто, нечестивец! — воззвал судья, — что дерзнул быть при моем сокровенном совете? Это беззаконие недешево тебе обойдется!»

Видя, что пришла и моя очередь витийствовать, мысленно призвал я на помощь Макука и Кукама, сделал несколько шагов вперед, преклонился пред мурзою почтительно и начал так: «Великодушный судья! По высокому повелению твоему содержатся здесь в тюрьме два осетинца, крайние мои приятели; а сверх того один из них мудрейший политик, а другой храбрейший воевода на свете. Известно мне, что твое великолепие осудило их кое за что, ибо настоящая вина мне неизвестна, на палочные удары по подошвам и усугубило число ударов за двадцать юзлуков жидовских! Внемли, судья беспристрастный; даруй свободу друзьям моим, и я предлагаю тебе столько ж. Но чтобы и жид Елиас помнил сие происшествие, то я удвою число юзлуков, прося тебя повелеть отсчитать по пятам его добрую сотню ударов».

Сказав сию разительную речь, я вынул из-за пазухи сорок юзлуков и со смирением смотрел в землю. Мурза, принявший в начале слов моих грозный вид, при конце оных ослабил, и подобно матери, с нежностью смотрящей на провинившееся дитя свое, обещающее исправление ласками, взглянул на отверстую руку мою, и обратясь к мулле, спросил: «Ты как думаешь, угодник пророка?» — «Надобно признаться, — отвечал сей с таинственной важностью, — что чужестранец говорит неглупо. Сею ночью в сновидении представился мне ангел Господень в пленительном одеянии, блестящем серебром и золотом. Он взял край своей одежды, свернул в комок и заткнул им дыру в священном занавесе нашей мечети, проеденную мышами лет двадцать назад. Теперь постигаю смысл сего небесного явления. Из сорока сих юзлуков половину ты возьмешь себе, а другую отдашь на богоугодное дело, на заштопание дырявого занавеса». — «Так, — сказал мурза, протянул ко мне руку, в которую я с почтительным поклоном положил юзлуки свои. — Так! Завеса требует починки; но думаю, что для заштопанья дыры, какова б ни была она, довольно в наше дешевое время и пяти юзлуков».

При сих словах он отсчитал мулле означенную сумму, и подавая своему мдиванбеку еще два юзлука, сказал: «Сейчас приготовь повеления, — одно об освобождении

двух осетинцев из темницы, а другое – о предании истязанию жида Елиаса; он и подлинно великий богохульник!»

Скоро повеления были готовы; мурза приложил к ним перстнем своим печати, и подав одно мне, сказал: «Покажи эту бумагу тюремному приставу – и друзья твои на воле. Алла да управит стопы твои!»

Подобно коршуну, который, вырвавшись из сетей, быстро парит в равнинах воздуха, и испытывая сам себя, уже ли опять на свободе, делает бесчисленные круги и повороты, так и я – услыша дозволение идти, рванулся, стремглав слетел с лестницы, но не чувствуя ни малейшей боли от падения, бросился бежать по двору, а там и по улице. Меня верно сочли бы беглецом и задержали, если бы не видели в руке моей лоскута бумаги, означенного печатью мурзы Габидула. Пробежав несколько сот шагов, я остановился и впервые спросил сам себя: «Где же тюрьма? Куда бегу для спасения соучастников в гонениях судьбы во время моего Черного года?»

Осматриваясь направо и налево, я видел множество людей обоего пола, но не смел подступить к ним, предполагая, что и их ответы о месте тюрьмы будут те же, какие незадолго пред тем получал я о жилище мурзы Габидула. Когда я от ворот одного дома подходил к другому по порядку, и внимательно прислушивался под окнами, не услышу ли где стоны и вопли, жалоб и сетований, из чего бы достоверно мог узнать городскую тюрьму, особенного рода крик и шум, выходивший из маленького домика, выстроенного из диких камней на образец горский, меня остановили. Это была согласная смесь воплей, крика, пения, игры на бубнах, хохота и явственных ругательств. Увидя сидящего у дверей пожилого худо одетого татарина, полусонными глазами глядевшего в землю, я подошел к нему и ласково сказал: «Почтенный человек! Объяви мне, пожалуйста, каких чудовищ содержишь ты в этом доме?» Он отворотился, зевнул и зажмурил глаза. Видя, что приступы мои не помогают, я решился прибегнуть к удачному средству достигать цели своих желаний, вынул несколько абазов*, и начал звенеть ими. Татарин открыл глаза, взглянул на меня умильно и сказал вполголоса: «Так тебе хочется знать, кто обитает в сем жилище?» – «Да», – отвечал я, кладя абазы к нему на колени. – «Изволь, я удовольствую

* А б а з – серебряная монета, равняющаяся нашему гривеннику.

твое любопытство и ты, конечно, согласишься, что законы татарские лучше всех законов в свете. Здесь содержатся государственные преступники!» — «Как? — вскричал я с восторгом, — так это городская тюрьма?» — «Постой, — отвечал татарин, — не мешай мне окончить начатое. Все эти заключенные осуждены правосудным Габидулом на претерпение разных казней, смотря по мере их преступления. Не сама ли справедливость требует, чтобы таким людям дать более свободы, нежели сколько позволяет обыкновение? Здание это, по одному имени и обманчивой наружности, кажется жилищем непривлекательным. Всяк, вышним промыслом сюда посылаемый, имел бы только деньги, и он будет иметь с избытком все утехи рая Магометова. Целые тулуки лучшего вина будут лежать у ног его; прекрасные армянки и черкешенки позабавят его игрой, пением и плясками; а к довершению свободы, он ненаказанно может произносить ужасные ругательства и проклятия не только на правосудного мурзу Габидула, но и на самого державного хана, а если совесть не зазирает, то, пожалуй, и на великого пророка Магомета».

Хотя мне такая свобода показалась не более завидною, как ожидающая нас в подземном владении Кукамовом, однако ж я похвалил сей закон татарский и с нетерпением спросил: «Не в сем ли прелестном месте блаженствуют теперь два знаменитые осетинца из владений славного князя Кайтука». — «Один, гм! Один, несносный пустомеля, — подхватил татарин, — а другой молчаливый ишек. Оба они самые негодные собеседники, которые ничем не занимаются, как только призывают какого-то Макука и вероятно такого ж скота, как и сами! Да полно, не ты ли тот Макук, коего умоляют они об освобождении?»

«Добрый человек! — сказал я значительно, — ты отчасти догадался. Хотя я не столь дерзок, чтоб смел уподоблять себя державному Макуку, однако точно с тем и пришел сюда, чтобы освободить двух упомянутых узников. На, прочти рукописание это».

Глава 34

ТЮРЕМНЫЙ ПРИСТАВ

С видом уверительным о несомненном и скором исполнении моего требования подал я повеление приставу.

Он повертел его в руке, осмотрел со всех сторон и весьма хладнокровно положил за пазуху. — «Что ж далее, почтенный друг?» — «А чего тебе хочется?» — «Выпусти моих знакомцев!» — «Надобно прежде прочесть повеление». — «Да ведь ты читал его?» — «Ох! Всю ночь не спавши от крику и возни проклятых узников, я глаз продрать не могу — так и слипаются!»

Сказв это, он, по-прежнему, зажмурился и захрапел. «Вот настоящий Кукам в образе сего татарина, — говорил я со вздохом. — О, если бы ты попался мне на горах наших, узнал бы гибкость моей нагайки и крепость жезла кедрового!» Вторично вытаща горсть абазов, начал я по одному с расстановкой и счетом класть в открытую руку тюремщика. Когда я с последним словом: «Двадцать!» — остановился, рука его начала сжиматься, сжалась, полезла в карман, а оттуда за пазуху и вынырнула с повелением мурзы. Страж очнулся, поморщился и тяжело вздохнув, сказал: «Правду сказать, должность моя весьма видна и прилична знатым людям, но зато уж и хлопотлива. Ох! Хлопотлива!»

Проговоря эти слова, он начал опять осматривать рукопись; осмотрел внимательно и произнес твердым голосом: «Кажется, рука мдиванбека и печать мурзы Габидула». — «Чего кажется! — вскричал я довольно горячо, — я сам был очевидным свидетелем, как один писал, а другой прикладывал печать». — «Это весьма хорошо, дорогой приятель, — отвечал татарин, — но иметь осторожность — никогда не лишнее. Ты не поверишь, сколько теперь завелось у нас бездельников. Не более ста лет прошло, как мы начали знакомиться с москвичами, а уже довольно набрались разных мудростей: того и гляди, что попадешься впросак, а особливо на таком скользком месте, какое мое!» — «Что ж мы будем делать?» — «Не тревожься! Великодушный мурза Габидул ежемесячно сам свидетельствует городскую тюрьму. Вчера он был здесь, итак, ровно через двадцать девять дней опять будет. Тогда я покажу ему сию бумагу, и если он не отопрется от своей печати, то в то же время приятели твои будут на свободе!» — «Разве он отпирается иногда от собственных повелений?» — «Бывает; да и можно ли все припомнить?»

Меня бросило в пот, и я чувствовал всю тягость, меня угнетающую. Проклятый человек! Если бы ты хранил

тюрьму свою вне города, то я в одну минуту удавил бы тебя!

Размыслив обстоятельно, я подозревал, что если не по-скуплюсь еще несколькими юзлуками, то и все, прежде данные, легко могут пропасть, не избавя друзей моих от палочных ударов; а сверх того добрые сии люди найдут способ и самого меня запрятать в сей рай Магометов; почему — вспомня выражение одного горского мудреца: «Даром получил, даром и отдай!», я равнодушно полез опять за абазами.

«Друг сердечный! — сказал я приняв на себя вид смеющийся, — ты не думай, что я не знаю чести! Скупость для меня несносна, и я считаю ее тяжким пороком. Рассуди сам: если мне ждать целый месяц, пока мурза Габидул сюда пожалует, то я много потерять могу, ибо мне во столько времени надобно уже быть в Астрахани; а потому — вот тебе пятьдесят абазов, что составит десять добрых юзлуков!» — «Так и быть! — вскричал татарин, схватя проворно мои деньги, — клянусь прахом предков моих, что моя чувствительность когда-нибудь дорого мне стоит будет; я никак не могу удержаться, чтобы не услужить доброму приятелю по его просьбе. Это неизлечимая болезнь моя! Так и быть: беру на свой страх освобождение друзей твоих; поздравь их, они сию минуту свободны!»

С сими словами он обнял меня самым дружеским образом, и я при всем негодовании, которое, конечно, от него не скрылось, должен был отвечать его ласкам. Учтивости лились рекою, замысловатым речам конца не было, и он прочел похвальную речь дружеству, которое за спасение любимых предметов несколько юзлуков не жалеет. «Ты великодушнейший из людей! — вскричал он с большим восторгом, схватив мои руки и сжав их крепко своими, — я готов поклясться гробом самого великого пророка, его бороною, глазами, носом, ушами, ну — чем хочешь, что ты еще десяти юзлуков не пожалеешь!»

Приметя, что я задрожал, оледенел, он остановился, оглядел меня, и скоро после продолжал с дружескою доверенностью. «Разумеется, если я окажу тебе великую, существенную услугу, какую бы нескоро оказал другой на моем месте! Выслушай: не знаю, по какому случаю, только горные друзья твои представлены ко мне более

нежели в нищенском виде. Рубища, их покрывающие, ничего в самой вещи не закрывают. Теперь день, и как на беду – самый ясный. Видишь, сколько народу обоего пола бродят взад и вперед! Что скажут смиренные имамы, что скажут целомудренные девы наши, увидя диковину, никогда ими невиданную? Самое меньшее зло будет, что весь народ примет вас в каменья, а если и живы останетесь, то прямо опять ко мне попадетесь, и тогда – поминай как вас звали!»

Теперь и сам я понял, что представление пристава довольно человеколюбиво; почему с легким вздохом, захватив еще горсть юзлуков, я спросил: «Как же эту новую беду отвести можно?» – «А вот как, – отвечал он с улыбкою, – здесь у меня в особенной кладовой хранятся между прочим одежды одного жида, повешенного за предательство, и одного москвича, попавшегося в плен. Как сей последний назначен стеречь табуны овец по ту сторону Терека, где нет ни имамов, ни татарок, у нас же тепло, не по-московскому, то он и ходит нагой, никого не соблазняя. Оба эти платья я уступлю друзьям твоим за означенную сумму; что скажешь, друг сердечный?» В знак согласия я кивнул головою, положил юзлуки в руку сему доброхоту, а он отпер двери темницы и скрылся.

«Благодарение Макуку, – сказал я, – кажется, испытание мое кончилось! О, Макук! Клянусь голосистым рожком твоим, что я, во время владычества в достояние предков моих, если не всегда и не во всем соблюдал строгие правила справедливости, то никогда не походил на хищных злодеев, каковы моздокский мурза Габидул и этот тюремный пристав! Хотя за это одно прости меня и будь милостив на будущее время».

Глава 35

СТАРЫЕ ЗНАКОМЦЫ

Чтобы нечаянным открытием не встревожить добрых друзей и не сделать их посмешищем глупого народа, всегда жаждущего видеть что-нибудь, хотя несколько, необыкновенное, я стал боком к дверям темницы, надвинул на глаза кабардинскую шапку, и когда в сопровождении доброхотного тюремщика показались бледные, тощие, чудовищные

тени Шамагула и Бектемира, я сколько можно надувши щеки, сказал полусердитым голосом: «Следуйте за мною!»

Зная, что в стенах города пристать нам некуда, я со спутниками своими направил шествие к полю. Народ провожал нас криком и свистом, а неверные ребятишки комьями засохшей грязи. И в самом деле — мы составляли едва ли когда-либо виданную ими забаву.

Представь, кто хочет, следующую картину, и суди, достаточна ли была она к возбуждению буйства в любопытной черни. Впереди идет молодой, порядочно одетый кабардинец, который, приняв, никто не знает для чего, надменный вид, выступает важнее мурзы Габидула, заломавши за спину руки, и с боку на бок покачиваясь. За сим плетется тощее страшилище, которое и в добрую пору было выше обыкновенного роста, а теперь казавшееся исполином, с загрязненным лицом, руками и ногами, спеленанное в крашеный жидовский саван, бывший когда-то синего цвета. Одежда эта не совсем отвечала обещанию тюремщика, чтобы обеспечить взоры стыдливых татарок от соблазна; но путешественник недостаток своей одежды заменял руками. За сим следует другое подобие человеческое, которое походило на куклу, запрятанную в куче грязного белья. Видно, москвич, во время попадания в плен имел непосредственно откормленное чрево и немалый рост, ибо у путника, одетого в его одежду, видна была одна торчащая голова, а прочие части все сокрыты в сером суконном мешке. Все это значило в коротких словах, что впереди шел светлейший князь Кайтук, за ним шагал верховный визирь Шамагул, а ход замыкал храбрый сардар Бектемир. После узнал я, что жребий располагал выбором одежды, ибо ни одному не хотелось добровольно показать народу в облачении висельника.

Вышед из стен города, к немалому удовольствию увидел я вдали на два выстрела из лука, на берегу извивающегося Терека, нечто похожее на небольшой каменный город. Продвигаясь прежним порядком вперед, мы незамедля к нему приблизились, и я, ступив за ограду, сначала изумился, увидя множество домиков без дверей, без окон и без жителей. Однако скоро спохватился, и без дальних догадок заключил, что мы на татарском кладбище. Я несказанно обрадовался, найдя место, столь пригодное нам в настоя-

щем положении; да и в самом деле — всеобщая тишина, навевание кроткого ветерка со стороны реки, крепительная тень буков, кедров и чинар, растущих во множестве над вместилищами татарских прахов, делали место это пленительным, хотя бы и не для нас, высоких изгнанников. Настало время открытия. В эту минуту почувствовал я в существе души моей какое-то смятение, разлившее ощутительную перемену и в моем сердце. Я предчувствовал, что мои бывшие подданные, видя меня в сем состоянии, столь для них новым, неожиданным, конечно, не сохранят ко мне прежнего благоговения. Я на опыте узнал, что для человека, с высоты могущества ниспавшего в бездну унижения, всего спасительнее — неизвестность прежнего состояния. Едва ли неправду сказал один мудрец: «Лучше не существовать, чем существовать позорно». Как горестно иметь свидетелями облачения нашего в рубища тех, кои привыкли видеть нас во всем блеске великолепия! В извинение такой ложной чувствительности скажу, что она была мгновенная. Я принял геройский вид, призвал Макука в помощь вознестись превыше бедствий, меня постигших, и обратясь к спутникам, воззвал: «Верные друзья мои! Узнаете ли во мне прежнего властелина вашего, князя Кайтука?»

Глава 36

ПРЕДИСЛОВИЕ К СЛЕДУЮЩЕЙ

У чувствительного воеводы Бектемира глаза зажмурились, и он, как чурбан, повалился в крапиву; зато визирь Шамагул оказался мужественнее. Осмотрев меня внимательно, он преклонил колено, облобызал край моей одежды и сказал: «Правосудные боги услышали наши моления, и ты, светлейший князь, возвращен нам, нелицемерным друзьям твоим и подданным!» — «И подданным?» — спросил я тотчас. «Увы! — отвечал он, — подданные твои заключаются в нас двоих, ибо у тебя никого и ничего нет более!» — «Как скоро, — сказал я равнодушно, — благодетельный Макук возвратил мне мудрого визиря и храброго сардара, то верно не отречется возвратить и все княжество, наследие высоких предков моих!»

Помогши оправиться Бектемиру и осуша его слезы,

уселись мы на пространной гробнице, окруженной со всех сторон кипарисами, и принялись утешать один другого, воспламеняя себя воображением о будущем благополучии. Среди обильных наших разговоров, в которых поведал я своим слушателям все происшествия, случившиеся со мною со дня рокового сражения на горах Кавказских даже до настоящей минуты, в которую избавил их от палочных ударов и темницы, причем снова оказывали они мне знаки особенной благодарности и благоговения, солнце совершило две трети ежедневного своего путешествия.

Когда я, таким образом, удовольствовал их любопытство, а, может быть, более свое желание похвалиться удачами, то предложил друзьям своим, чтоб и они в свою очередь оставили излишнюю скромность и вверили тайну горских происшествий, сколько бы ни были они горестны для моего сердца. «Кого гонит судьба и кто умеет противопоставить ей терпение, — говорил я с видом надежным, — того ничто не опечалит. Я лишился княжества — и не уныл; лишился княжны Сафиры — и не умер. Говорите все, любезные друзья мои, и будьте уверены, что не увидите ни одной слезы, не услышите ни одного вздоха, хотя бы объявили, что княжество мое предано без остатка мечу и пламени, и что божественная Сафира сама кинулась в руки гнусного князя Кубаша, и на собственном моем ложе разделяет его страстные желания».

«О, мужественнейший из всех князей, когда-либо обладавших на горах наших! — сказал Шамагул, — из твоих светлых взоров, из румяного лица, из непомерной живости языка твоего, и не будучи большим политиком, мог бы заключить я, что ты прошедшую ночь провел не на голой сырой земле, что опочил ты не с пустым желудком и запекшеюся гортанью. Но как сии бедствия постигли нас совокупно, то поверь моей честности, воображение мое так тупо, что ничего в порядке представить не может; язык до того одеревенел, что с трудом ворочается».

С чувством сострадания принял я представление Шамагулово, а потому, поговоря еще о средствах снабдить себя потребностями жизни, условились, чтобы визирь, облачась в одеяние москвича, пустился в Моздок, и сохраняя всевозможную осторожность, дабы жители не открыли нашего убежища, которое почитают святынею, воротился к нам при свете месяца. Посему он, одевшись как следует

и запасшись юзлуками, отправился; а я и Бектемир, оставшись одни, не нашли лучшего предмета к разговору, как заняться беседою о тех благах, какие ожидали нас при появлении во дворце могучего хана Самсутдина. Этими прелестными видами будущего мы сокращали свое время.

Глава 37

ПОБЕДИТЕЛЬ

В урочное время визирь возвратился благополучно. Он был навьючен изрядным тулуком вина и кисою со всякими съестными припасами. Встретив его с распростертыми руками, мы принялись за зубную работу с большим усердием и ни о чем более не толковали, кроме что благодарили богов за их дары земные, и по времени так расхрабрились, что одни втроем надеялись возвратить назад княжество и наказать хищных соседей. «Поверьте, друзья мои, — вскричал я, — что благодетельный Макук, видя твердость нашу, укоротит мой Черный год, и мы не заметим, как очутимся на горах, где я воссяду с величием на испещренных козлах своих, и перед лицом всего народа воздам должную награду за вашу ко мне дружбу и преданность».

Беседуя таким образом, мы заснули, и когда открыли глаза, то увидели солнце, блестящее на чистом небосклоне. Расположась пробыть в сем убежище ровно три дня, для укрепления сил своих к дальнему походу в Астрахань, мы как люди благоразумные, свидетельствовали первоначально мощну денежную, и хотя нашли ее не очень уже дородною, однако она, по-нашему расчету, достаточна была прокормить нас до самой Астрахани, где без всякого сомнения ожидали от Самсутдина скорой и важной помощи.

Позавтракав надлежащим образом, я возобновил свое требование, чтобы спутники мои поведали о дальнейших горских происшествиях, после разлуки с нами случившейся. Тогда красноречивый Шамагул, расправя усы, начал так свое повествование: «Когда ты, светлейший князь, не совсем обезумлен был в тот роковой день, в который злобный Кукам взглянул на воинство наше свирепым оком, то легко припомнить тот ужас, который оковал всех нас от младшего до старшего, то чего, вероятно, и высокой особы твоей исключать не надобно. Я прилагал все старание

прихрабриться, но не тут-то было. Против богов ратовать смертные не властны». Разум мой вопиял: «Стой твердо, Шамагул! Мужайся, визирь! Поражай супостатов!» Но изменнические глаза закрылись; отнявшиеся руки опустились долу; а ноги, откуда что взялось, со всего размаху бросились бежать. Я думал, что Макук, избавляя меня от погибели, превратил в дикого козла или в оленя. Бегство мое продолжалось до тех пор, пока, споткнувшись о камень, брошенный конечно Кукамом под ноги, не повалился я на землю. Радостный вопль раздался вокруг меня. «Это он, — кричал знакомый голос, — это славный политик, визирь Шамагул! Ведите его за мною!» Чувствуя исполнение такого приказа, я решился оказать примерное мужество, собрал все силы души и тела, и с неподражаемым присутствием духа открыл оба глаза.

Я увидел грозную толпу мятущихся горцев, предводимых князем Кубашем. Все мы направляли быстрые шаги к прежним нашим жилищам. Сколь восхитительно возвращаться на свою родину победителем, столько горестно, убийственно являться на ней — побежденным пленником! Признаюсь, что если бы не страшны были мне острые когти Кукамовы, то я, в тогдашнем положении приложил бы все свои силы, чтоб исторгнуться из рук победителей и кинуться в пропасть с вершины первого утеса.

Вечерняя заря, как на смех нам, разлила ручьем алые лучи свои на голубом небе и золотила камышовые кровли твоих чертогов и наших храмин. Все бесперое, движущееся на двух ногах, встретило нас под предшеством мерзкого изменника Маркуба, который, представ лицу Кубаша, сказал: «Приветствую тебя с храброю дружиною в пределах наших! Стая безумных послушников богохульника Кайтука рассыпана, как стадо зловещих ворон рассыпается от одного взмаха крылом орла поднебесного! Чертоги Кайтуковы пусты и готовы принять тебя на непростылое ложе его; воинов твоих учредим мы по достоинству. Войди к нам опочить после незабвенных своих подвигов!» — «Благодарю за приглашение, — отвечал надувшись Кубаш, — но благоразумная политика велит мне поступить иначе». (Сердце обливается кровью, когда только вспомню, что и безмозглый увалень дерзнул нечто сказать о политике.) «Знаю я, что ложе Кайтуково мягко, что бараны его жирны и водка его весьма крепительна, однако ж, при всем том

я останусь с храбрым воинством ночевать на сырой земле; ибо мудрая политика того требует, и я не прежде взможусь на козлы Кайтуковы, пока совершенно не уверюсь, что все подданные его хотят того единодушно».

«Да будет так, — возгласил Маркуб, — при раннем утре приведу к тебе оставшийся народ наш, дабы удостоверился ты о непрременном желании его — иметь тебя своим властелином».

Он хотел удалиться, как победоносный Кубаш сказал: «Однако, благочестивый Маркуб, я отрекся посетить теперь жилища ваши по внушению мудрой политики; но политика желудка имеет также свои требования, которым нередко надобно удовлетворять с большею исправностью, чем правам первой. Итак, вели пригнать сюда дюжины две княжеских баранов и все нужное для ужина, а там покойно ожидай завтрашнего дня, в который достаточное получишь воздаяние за твою ко мне преданность, ибо я не Кайтук, боюсь богов и чту их священнослужителей».

Так и сделано. Ночь прошла в веселом пиршестве, в котором я имел самое худое счастье. Грубиян Кубаш не прежде обо мне вспомнил, как под конец онаго, и подавая каждый кусок шешлыка, с насмешкой говорил: «За здоровье князя-первосвященника, и визиря его — изобретателя ордена Нагаек!»

Прискорбны были мне дерзкие слова сего невежи; но пособить было нечем. Глядя на других, и я предался покою после такого суматошного дня и не менее его горестной ночи.

Глава 38

ВАЖНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Настало утро безоблачное; но — ах! Оно не ободрило унылой души моей. Раздались громкие звуки рогов и бубнов: но увы! Они были не те, кои сопровождали тебя с вельможами или во храме Макука, где священнодействовал ты так пленительно, или в чертог Совета, где изрекал мудрые и полезные учреждения, как то: об изысцестве шешлыка и водки, о легчайших способах получить княжну Сафиру и о пользе установления ордена Нагайки.

Изменник Маркуб появился с народом и произнес речь

пред Кубашем, в коей предлагал ему по-вчерашнему твое княжество. «Ты победитель, бесподобный князь Кубаш, — вопиял сей бездельник во услышание всех, — а потому ты боголюбив, щедр к жрецам и милостив к народу. Могущество Макука только что с твоим сравниться может, а Кукам не дерзнет и поднять на тебя тусклых очей своих. Будь нашим князем, властелином, или кем желаешь! Иди во храм Макука, где я от имени всего народа принесу тебе присягу в вечной верности, а после проводим в чертоги Кайтуковы, где найдешь ты, чем утолить алчбу и жажду, и удовлетворить прочим желаниям». Князь Кубаш, заломив набекрень шапку, отвечивал: «Исполню желание жрецов и народа! Возьму в длань мою пест и воссяду на козлах Кайтуковых. Мера сия, мною давно обдуманная, согласна с изволением Макука, и достаточна возвеличить славу мою во всех концах вселенной. Она докажет племенам позднейшим, сколь счастливы были народы, подвластные кедровому жезлу князя Кубаша!»

После сего глупого, хвастливого ответа все ринулись в храм Макука, где по совершении священнодействия князь Кубаш принял от нас присягу на верность, в присутствии отца своего, князя Кунака, князя Мирзабека и княжны Сафиры.

«Как! — вскричал я, прервавши повествование Шамагула, — прелестная княжна Сафира не усомнилась быть свидетельницей торжества Кубашева, основанного на моем посрамлении? О, горесть! Мог ли я ожидать сего? Я всегда утешал себя в напастьях Черного года воображением, что божественная княжна, вспоминая обо мне, соболезнует, горюет, а может быть, чего нельзя ожидать от чувствительной девицы? а может быть, хотя тихонько, хотя украдкой уронит иногда перловую слезу умиления душевного в дар памяти ее любившего! А теперь что слышу! О, злобная княжна! О, безжалостная Сафира!»

«Не крушись, светлейший князь, — сказал Шамагул, продолжая свое повествование, — я вскоре докажу, что княжна Сафира любит тебя, или, по крайней мере, ненавидит твоего соперника».

По окончании сего торжества мы все собрались на княжеском дворе твоём и принялись за пиршество, которое продолжалось до тех пор, что Мирзабек и Кунак предались ночному покою на тех самых местах, на коих сидели, а

Сафира, в сопровождении вельмож, отправилась в чертоги родительские. Нечего сказывать, что почти таким же образом прошло довольно времени, и, вероятно, так же прошло бы и более, если бы дозволила то любовная нетерпеливость князя.

В один день рано поутру он сказал мне: «Шамагул! Теперь я, благодаря богов, нарочитый владетель целого княжества, и если отец мой не переселится в область Кукама в течение ста лет, то могу прожить не кланяясь ему за кусок хлеба. Ты знаешь о любви моей к прекрасной княжне Сафире, и об ее ко мне склонности, одобренной обоюдным согласием высоких наших родителей. Случая опускать не надо! Хотя я не большой охотник до излишних затей, однако порода наша требует некоторого отличия. Ты, правда, выкинул изрядную глупость, присоветовав своему князю учредить орден Нагайки; но, при всем том, я считаю тебя поумнее всех земляков твоих и достойнее других того великого сана, в который намереваюсь облечь тебя, а именно: назначу чрезвычайным послом моим к Мирзабеку, для испрошения мне в замужество дочери его, княжны Сафиры. Наперед знаю, что ты будешь принят отлично и одарен как отцом, так и дочерью. На сей конец призови в помощь всю свою политику, которой набрался ты в путешествиях, и которою хвастал временно и безвременно. Лучшие из телохранителей будут сопровождать тебя, для большего великолепия».

Умный человек всегда найдет случай отличиться и прославиться. А потому, чтобы не пропадало даром лучшее произведение моей политики, я решился отправиться в сем случае посланником к Мирзабеку точно с тою свитою, с тем великолепием, с какими намеревался посетить его за несколько месяцев назад, задумывая сватать за тебя, светлейший князь, прекрасную княжну Сафиру. Вследствие сего...

Глава 39

НЕУДАЧНОЕ ПОСОЛЬСТВО

Ровно через шесть дней после сего поручения, рано поутру явился я перед княжескими чертогами во всем облачении чрезвычайного посла, со всею свитою и подарками.

Известный тебе кабардинской породы конь был первою драгоценностью в числе подарков. Он особливо славился в отчизне нашей проворством, с каким блаженной памяти родителя твоего унес с поля сражения и тем спас его от предстоявшей опасности попасть в плен, что случилось не более как за двадцать лет перед этим. Он убран был на кабардинский вкус, весьма красиво. Пара наилучших лезгинских бурок лежала на спине его, а по сторонам лук и колчан со стрелами. Позади него стояли два молодые быка, связанные вместе за рога красными шерстяными веревками. За ними следовали три пары баранов, равным образом спутанные. Дюжина индейских петухов и столько ж кур, с подрезанными для предосторожности крыльями, непосредственно плелись за ними. Двое телохранителей держали под уздцы коня, два приставлены были к быкам, два к баранам, два к пернатым индейцам, и два заключали шествие, имея каждый на плечах по телячьему тулуку с водкою; для себя ж я не назначил места, яко коноводец, предоставляя себе быть там, где надобность потребует моего присутствия.

Князь Кубаш немало удивился такому щегольскому изобретению и устройству. Он обнял меня, пожелал удачного пути, и мы отправились с лестными мыслями о ласковом приеме, о роскошном угощении и о богатых подарках, с чем же заранее наперерыв друг друга поздравляли.

Когда приблизились мы к Ларсу на такое расстояние, что уже мелькало в глазах владение Мирзабека, то в воображении моем возобновилось замысловатое намерение, которое бродило еще в голове моей и в то время, когда от имени твоего по сему ж предмету собирался к Мирзабеку, и попусцием злого Кукама был остановлен в сем намерении. Я отрезал кинжалом достаточное количество волос от конского хвоста и гривы, изрубил довольно мелко, и завернув в мокрую ветошку, велел привязать в таком месте, которое было для того самое приличное. Довольно долго терпеливый кабардинец шел спокойно, по-прежнему, не чувствуя шуток, над ним состроенной. Когда ж мы стали уже подходить к чертогу Мирзабекову и были перед окнами онаго как на ладони, я оскорбился, видя своего иноходца, шагающего с ослиным смиреннием; почему, для вразумления его, к кому он приближается и от чьего имени, я со всей руки огрел его нагайкою. Конь вздрогнул,

махнул хвостом, укололся, еще махнул сильнее и еще сильнее укололся. Это привело его в сердце, он всхрипнул, а я прельстясь успехом своей выдумки, стегнул его еще несколько раз, и видя, что он горячится более и более, начал уже беспрестанно оделять по чему ни попало. Конь ржал, хрипел, скакал вперед, назад, направо и налево, лягал по лбам быков, которые так же осердясь, начали метаться и топтать баранов; а эти, чувствуя неравный бой, хотели предаться бегству, но будучи связаны веревками, бегали и скакали как одурелые, топтали бедных пернатых индейцев и нещадно их увечили. Ржание и бешенство коня, мычание быков, суета и блеяние баранов, клохтанье израненных петухов и кур, а вдобавок крик моих спутников, из коих многие испытали крепость рогов бычьих и лбов бараньих, была такая картина, которую легко представить, а описать по достоинству весьма трудно; если ж к сей общей сумятице прибавить еще с дюжину злых псов, прибежавших к нам из княжества, представить, как они ужасно лаiali, выли, кидались на людей, на коня, на быков и баранов, то думаю, что такой картины и Кукам редко видит в своем владении. Все кончилось по старинному обыкновению: конь сорвался с аркана, бросился, и в таком порыве поверг нескольких проводников на спины баранов, кои также раздражась в бараньих сердцах своих, стрясли их на петухов и кур, которые, быв слабее своих гонителей, лишенные всякой, казалось, охоты к отмщению, решились страдать или погибнуть с похвальным терпением. Один из баранов, оглушенный быстрым повержением на шею его проводника, бросился в сторону, сбил меня с ног, и я, божусь, последний полетел на землю.

С этим роковым падением на первый случай все успокоилось, если спокойствием можно назвать безмолвное страдание. Опомнясь, приподнялся я, сел и начал внимательно осматривать жалкое состояние посольской свиты. Увы! Из воинов, кто ощупывал бока с болезненным видом, кто держался за брюхо, кто за ноги; иной потирал руки и ахал, другой стонал, плакал, а все единодушно и единогласно проклинали жениха, невесту и затейливого посланника. У каждого из баранов была между рогами шишка, белая шерсть запачкана грязью, из пыли, водки и крови состоящие. О петухах и курах говорить нечего: они все никуда не годились; ибо который из них и уцелел от бараньих

толчков, тех даже собаки обижали; да и куда годится с подрезанными крыльями даже орел, не говоря уже о петухах, как бы они от природы удалы не были.

Глава 40

ПРИЕМ НЕ ПО ВКУСУ

«Ну, что будем делать теперь, почтенный Шамагул?» — спросил один из телохранителей и подошел ко мне, хромая. — «Как что! — отвечал я с видом неробким, — знай, друг мой, что уныние в политике есть большое преступление. Некоторые из вас, отошедши с быками и баранами в этот лесок, что на правой стороне, отдохните, а я, взяв двоих их вас, пойду к Мирзабеку, объясню все дело надлежащим порядком, и все воротимся к нашему князю с приятными вестями. Кто ж виноват, что проклятый наш кабардинец из самого смиренного сделался вдруг столько неугомонен! А мудрая политика никак не позволяла, чтобы представить его пред глаза невесты в прежнем его постном виде; это было бы для нее самое дурное предзнаменование, могущее поохладить желание ее к супружеству».

Уговоря всех следовать моему совету, я выбрал двух из спутников побойчее прочих и менее изувеченных и направил путь к чертогам Мирзабека. Как скоро вступил в княжество, то и заметил нечто весьма необыкновенное. Все встречавшиеся со мною мужчины и женщины имели вид самый пасмурный, печальный, и — даже отчаянный. Первый предмет, поразивший взоры наши при шествии в приемную палату княжескую, был сам властелин, сидевший небрежно на загрязненном войлоке. Волосы на голове его были всклочены, усы небрежно висели по губам к подбородку; глаза были унылы и кровавы. Он вздрагивал поминутно, пот струился по черно-желтому лбу его. Я оцепенел при этом явлении и стоял долго с разинутым ртом, не говоря ни слова. Вельможи, окружающие князя, были в подобном моему положении.

Наглядевшись на него довольно и ужасаясь многозначительных взоров, на меня устремленных, я почел, что он, конечно, видел несчастья происшествия, во время посольства со мною случившиеся, и тем оскорбляется; почему согнулся в дугу, приложив левую руку к персям, а

правую простерши полукругом вперед, вещал: «Светлейший владыка Ларса! Хотя голова твоя подобна вершине нагорной ели, огнем молнии опаленной; хотя одежда твоя не разнится от шкуры дикого вепря, растерзанного острыми зубами сердитых псов; хотя глаза твои блистают как глаза адодержителя Кукама, однако я, человек правдивый, не боюсь ничего, и скажу тебе слово непротивное! Ты видел, какое удалство оказал наш кабардинский иноходец почти в виду всего твоего княжества! Видел, как ржал он неистово, скакал, брыкался, и не прежде успокоился, как сорвавшись с аркана и опрокинув все, его задерживавшее. Когда ты все это видел, то представь, что видел лицом к лицу моего светлейшего князя Кубаша, сгорающего любовным пламенем! Изволь видеть, что я стою теперь перед тусклыми твоими взорами в его образе и предлагаю его именем руку, отягченную полупудовым пестом, твоей дочери, прелестной княжне Сафуре. Нетерпение его так велико, что он рвет и мечет! Что велит сказать ему сильный владыка Ларса?»

— «А то, — отвечал он, привстав и уставя на меня страшные глаза свои, — а то скажу тебе, приятель, что теперь намерен я отпотчивать тебя получше, нежели как угощал некогда за присланный в подарок орден нагайки! Как дерзнул ты, беззаконный скаред, так неистово насмеяться надо мной в день лютой моей печали? Да полно, не твоими ли злокозненными ухищрениям обязан я потере любезной моей дочери? Она была так целомудренна, так кротка и послушна! А ныне? Верно тебе, или кому другому из земляков твоих обязан я сим поруганием! Знайте, беззаконники, что мщение Мирзабеково неукротимо, да и способы к тому бесчисленны. Возможно ли снести такую обиду? Разве забыл беспутный князь Кубаш, что я из доброй воли отдавал ему дочь свою Сафиру? Разве не мог он подождать несколько времени, пока я с подобающим торжеством соединил бы их в храме Макука? Так нет! Надо ее похитить! Кубаш дерзнул нанести мне такое оскорбление! Сказывай, злодей, всю правду добровольно, а не то, так скажешь и по неволе! У меня нагайки хотя не орденские, однако довольно действительны развязать язык и у немого! Говори скорей, как удалось вам в прошедшую ночь похитить Сафиру? Куда ее девали? Что с нею сделали? Все сказывай, не дожидая поуждения; ты меня хорошо знаешь!»

Я оцепенел от такого ответа на мое предложение. Гла-

зами недоуменными осматривал я князя, вельмож его и своих спутников. Во взорах первых изображалась гроза и буря, во всем составе последних — горесть, боязнь, содрогание. Мирзабек, соскучась видеть нас в этом безгласии, нимало неудовлетворяющем желании его узнать нечто о своей дочери, мигнул; один из вельмож вылетел из храмины и скоро возвратился с дюжиной ларситов, из коих каждый вооружен был предлинною нагайкой. Они окружили нас трепещущих, и князь сказал: «Видишь, мудрейший визирь, как я устойчив в своем слове и как скоро исполняю свои обеты! Послушай еще несколько слов и отвечай на них истину».

Глава 41

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЗВОРОТ

Мирзабек продолжал с видом опытного политика: «Во всех ущельях гор Кавказских, начиная от вершины Терека, вниз по его течению до необозримых равнин кабардинских, лежат четыре обширные княжества: Казбек, Ларс, Кайтук и Кунак. В настоящее время во всех их только и было молодых на возрасте князей, что князь Кубаш и князь Кайтук. Этот последний, как сам ты более всех нас знаешь, потерял владение, и, вероятно, с тем вместе бесполезную жизнь свою. Остался один Кубаш! Слушай внимательнее, ибо говорить буду важные речи, и во-первых: остались во всем околотке князь Кубаш и княжна Сафира. Он влюблен, следовательно нетерпелив, безрассуден, дерзок — это незадолго сам ты нам сказывал. Сафира целомудренна, кротка, послушна: это я сейчас говорил тебе. Но эта кроткая Сафира в прошедшую ночь пропала без вести, не следует ли из этого очевидно, что она похищена твоим князем? Что может быть этого яснее?» — спросил он, обратясь к своим вельможам. «Ни само солнце», — отвечали они единогласно. «Теперь говори ты, правдивый Шамагул, — продолжал князь, — и говори самую истину, иначе я не перестану посредством этих убедительных доводов (указывая на нагайки) доискиваться правды, пока совершенно не удостоверюсь, что ты не в силах уже разжать губы и шевельнуть языком. Так говорит тебе князь Мирзабек, и слова его не мимо идут, как и слова велико-

го Макука!» — «Вот беда, да и неминуемая, — говорил я сам себе. — Как мог я ожидать сей напасти?» Я не меньше его поражен был пропажею княжны Сафиры и представлял себе бешенство князя Кубаша, когда о том узнает; ибо я точно был уверен, что он и не слыхал еще о своем несчастье. Я пришел о ней осведомиться, а меня принуждают дать о ней сведение! О, Макук! Выведи меня из сей погибели, и я, в случае безденежья, что не могу купить твоего медного изваяния, своими руками слеблю, как сумею, из глины и распишу самыми яркими красками».

Мольбы мои были не тщетны и обеты приняты милостиво. Мгновенно ощутил я водворение во внутренности мои силы божественной, разум мой озарился светом, и сердце наполнилось надеждой избавления. Я принял веселый вид, осклабился, разгладил усы и сказал: «Прости, светлейший Мирзабек, что я по точному повелению моего князя оставил тебя на несколько времени в недоумении, дабы после, открыв самое существо дела, привести в большую, неожиданную радость! Вели унести эти нагайки, яко неложные знаки желания твоего — узнать истину; а как я с чистым, открытым сердцем хочу и обязан объявить ее, то прикажи принести сюда кубки с божественным напитком, да поздравим друг друга со счастливым окончанием сегодняшней тревоги!» — «Ты нехудо рассуждаешь, — отвечал князь, — что заглядывать в кубки приятнее, чем делать исправный счет ударам на спинах ваших; и потому я не премину сделать эту перемену, как скоро удостоверюсь в том, что ты поведать хочешь». — «Как милосердны боги, — говорил я с радостным видом, — переменяющие так нечаянно горечь нашу на радость! Выслушай и суди: Вчера вечером, князь Кубаш, сделавшись необыкновенно задумчив, вознамерился искать рассеяния в кедровой роще, осеняющей с высокого утеса твое княжество. Он пригласил меня с собой и оба во все время прогулки не говорили ни о чем, как о прелестях Сафиры и о счастье обладать ею. Ночь застигла нас в той дубраве. Едва вознамерились мы направиться в обратный путь, как нечаянный вопль, потрясший души наши, остановил нас, мы бросились в ту сторону, и — представьте наше удивление, когда при ярком свете месяца, во всей полноте блиставшего на лазурном небе, увидели мы княжну Сафиру, во всем стремлении бегущую, подобно горной серне, прыгая с кам-

ня на камень, со пня на пень. Волосы ее были растрепаны, одежда в большом беспорядке, а просто сказать, она была почти без одежды, вероятно, оставляя на каждом сучке древесном до изрядному лоскуту. Не успели мы от удивления опомниться, как увидели рыщущего по пятам за нею ужасного волка с разинутой пастью. Князь Кубаш, как всей подсолнечной известно, человек чрезмерно храбрый, без всякого замешательства хватает камень весом пудов в семь или восемь, прицеливается, пускает, потрафливает зверю прямо в лоб, и тот падает бездыханен. Тут начались между любовниками объяснения. Княжна поведала, что она при закате солнца пошла в ближнюю рощу разгулять грусть сердечную, что отец ее так мешкает без причины в составлении ее благополучия соединить с возлюбленным князем Кубашем. Едва она вошла в роковую рощу, откуда ни возмись чудовищный волк; он погнался за нею, а она, что было силы, бежала от него. В этом занятии провела она половину ночи, и уже решилась, быв обессилена усталостью, остановиться, как счастливая судьба направила бег ее прямо на нас, и она спасена истинно чудесным образом. Что тут было всем нам делать? Череп мой трещал от напряжения мозга: я старался выдумать политическое средство, как бы провести княжну в ее покои так, чтобы никто того не приметил, ибо мне давно известно, да и тебе не без того, как люди злоречивы. Когда мы были в самом глубоком о сем размышлении и молча глядели вверх, к немалому удивлению, увидели восходящее солнце. Тут уже и невозможно было Сафире подумать о возвращении домой, не быв непримеченною. Судьба для любимцев своих устраивает все во благо. Мгновенно является посреди нас князь Кунак. Узнав наше положение, он рассмеялся, и подумав несколько минут (ибо он человек также неглупый), сейчас догадался, что делать должно». — «Сын! — сказал он. — Сафира давно, по обещанию отца ее, принадлежит тебе, а только причудливый Мирзабек для пустых отговорок до сих пор медлил взаимным вашим благополучием. Отведи Сафиру в свои чертоги и поручи под соблюдение твоей матери, а между тем снаряди достойное посольство к почтенному другу моему и свату, с требованием для тебя руки его дочери. Однако не мешает несколько его и помучить: за что прежде он вас мучил!»

«Теперь, светлейший князь, — продолжал я, — видишь ты истину без всякой излишней прикрасы, а во мне чрез-

вычайного посла от моего властелина. Прости – или лучше, причти велению судьбы несчастье, что проклятый наш иноходец прежде времени и сверх меры взбеленился; а то бы ты получил теперь подарки, тебя и нас достойные».

Я замолчал. Князь пробыл несколько времени в недоумении; потом, обратясь ко мне с видом величавым, спросил: «Итак, дочь моя своею жизнью обязана храбрости твоего князя?» – «Скажи лучше – самого Макука, пославшего нас к ней на помощь!» – «Хорошо; поспешим же к ней, и обрадуем благовременным согласием нашим на ее счастье. Я право и не думал, что она такого нетерпеливого сложения».

Глава 42

ВЫВЕРНУЛСЯ

Мирзабек повелел – и предметы тотчас изменились. Нагайки исчезли, а на их место принесены: большая жаровня, свежие полбарана, вертелы и кувшины. По миновании бури, ясность небесная более пленительна, чем казалась до наступления оной. Благодаря во глубине сердца Макука, вразумившего меня так кстати, я принялся со спутниками своими пользоваться предложенными дарами, и когда невидимый голосок внутри нас раздающийся, громко произнес: «Будет!», мы встали, и начали собираться в обратный путь.

Мирзабек сказал мне: «Иди и объяви своему князю, что родительское благословение мое на нем почиет и что сего же дня наречем его – я сыном моим, а Сафира – супругом. Приданое у меня давно готово, равно как и подарки для свата и вельмож двора его. Скажи, чтоб в храме богов возжены были яркие светильники и жрецы в торжественном облачении ожидали моего прибытия; а я со своей стороны не замедлю: стоит только одежды горести переменить на одежды веселия. Ступай с миром и исполни мое веление».

Подобно дикому вепрю, который, прорвав охотничьи сети, спешит далее в лес не озираясь, наконец, чувствуя себя в совершенной безопасности, останавливается с яростью скрежещет зубами и из гортани точит пену клубом, я, визирь Шамагул, вышед из чертога Мирзабекова, где спине его угрожали гибельными ударами, быстро бежал по

камням и по комьям спекшейся глины, и не прежде оглянулся, как став ногою в пределах своего княжества. Тут остановился я, перевел дыхание, принес мольбу Макуку, и задумался, не зная, что должен вперед делать. «Что ни скажу князю Кубашу, — говорил я сам себе, — а чрез несколько часов все выйдет наружу и я неотменно должен буду ожидать совокупного истязания, а, может быть, и самой гибели от раздраженных повелителей Ларса, Кайтука и Кунака. Могу ли извиниться пред ними, что мудрая политика в случае важном не только не запрещает выдумывать несбыточную ложь, но напротив того называет ее острым замыслом, и явно смеется над простаками, кои по глупости тому поверили».

Обдумав настоящее свое положение с должным уважением и как следует рассудив о возможном и удобном, я уразумел, что появляться к князю Кубашу значило лезть самовольно в когти ужасного Кукама. Посему, подозревая к себе обоих спутников, велел им искать товарищей своих в известном перелеске, дозволил опорожнить оставшееся в тулуке количество крепительной влаги и ожидать от меня повестки, когда должны явиться к своему князю.

Оставшись на свободе, я осмотрел себя с ног до головы. Представляя великое лицо посла княжеского, я был убран в лучшее платье и вооружен так, что и в день кровопролитного сражения не мог быть исправнее. Хотя при мне не было ни одного юзлука, но я мало о том заботился, полагая, что разумный человек везде, в каких бы диких странах ни появился, найдет гостеприимство; да и какое сердце, бьющееся в груди человека, не смягчится, не растает при ощущении страданий мудрого этого человека? «О, драгоценный дар благодетельного Макука, — воскликнул я с восторгом, — о, мудрость и единокровная дочь твоя, политика! На вас надеюсь, не отчаиваюсь быть когда-либо счастливым!»

Проговоря слова эти, я обратился к стороне, где лежала аспидная пещера Макукова, преклонил колени, воздел вверх руки, пролил несколько слез в дань памяти предков своих, встал и пошел по хребтам гор, направляя путь к западу.

Во время странствия до самого Моздока со мною не случилось ничего чрезвычайного, что стоило бы быть упомянуто после чудных происшествий с тобою, светлейший

князь, случившихся. Хотя и я в путешествии своем нередко терпел голод, но мне, конечно, потому, что рожден подданным, а не повелителем, и в голову не входила высокопарная мысль, истинно достойная величайшего политики в свете, стрелять ястребов, жарить и ими питать свою утробу. Нет! Я копал горный хрен, рвал кедровые и чинаровые орехи, дикий горох и тому подобное. Хотя и моя одежда сделалась по времени рубищем, но, конечно, тобою искусившиеся кабардинцы не вздумали признать меня за боговдохновенного сантона, а тем менее потчивать цыплятами, вином и красавицами; притом же я, идучи дорогой, не делал ни размашек руками, ни необыкновенных скачков, а потому, как и следовало, признан был за простого нищего, накормлен хлебом и напоен водою. Но зато не подвергался опасности быть растерзанным четырьмя дикими конями, что с тобою, храбрый витязь, непременно бы последовало, если бы жалостливая, благодарная Халида не спасла драгоценной для нас твоей особы. Прибывши в Моздок, я остановился в гостинице жида Елиаса, где к несказанной радости увиделся с мужественным сардаром Бектемиром.

Глава 43

УМНЫЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ

Мы обнялись, как истинные друзья, и усы наши оросились слезами умиления. Когда первые восторги прошли, то мы обратились к делам существенным и узнали, что были беднее и голоднее горного волка в зимнюю пору. Видя, как собеседники наши управлялись с пилавом и вареною бараниной, взялись и мы уплачивать долги голоду и жажде. Нам отведен уютный чулан, где разлегшись на мягких войлоках, начали вести самые политические речи о своей участи; а как мы имели причину догадываться, что ты, оставя свои горы, по-нашему осужден искать на чужой стороне счастья, то и надеялись встретиться с тобою в Моздоке, или в другом городе по дороге к столице Самсутдиновой.

В следствие этого, с восходом солнца начали мы осматривать улицы и базары моздокские; посетили главную

мечеть, другую татарскую гостиницу; но нигде не находя тебя, заключили, что ты пробрался уже далее.

Жид Елиас угощал нас два дня весьма доброхотно. В третий день был праздник и расчетливый хозяин созвал на потеху гостям несколько плясунов из турок и армян. Когда все, смотря на их коверканья и слушая песни, сделались весьма веселы, то Елиас начал обходить собеседников, из коих каждый кидал в шапку его по несколько денег. Сердце сначала сильно забилося в груди моей, когда он подошел ко мне, подставил шапку и низко поклонился.

Мгновенно ум мой наполнился света разумения; я взвел на него глаза, протянул правую руку и сказал: «О, православный жид Елиас! По-видимому, ты и от нас хочешь денег, а того не догадаешься, что я и мой товарищ совсем необыкновенные люди. Я, было бы тебе ведомо – величайший из всех богатырей на свете. Слыханное ли дело, чтоб такие люди имели нужду в деньгах, подобно глупцам и трусам. Но как ты в течение двух прошедших дней был к нам ласков и гостеприимен, то справедливость требует, чтоб и мы поделились с тобою своими избытками. Итак, будь готов. Я сообщу тебе несколько важнейших правил из божественной науки политики, а друг мой покажет несколько отличнейших приемов в борьбе и кулачных боях, и уверяю, что ты в самое короткое время сделаешься преполитичным и прехрабрым жидом во всей обширной области астраханской! Слушай же внимательнее. Политика есть наука».

До сих пор жид Елиас, подобно кумиру Кукама, был неподвижен; теперь начал он вдруг изменяться в лице, глазки его засверкали, пейсы задвигались, брови и уши как кармазин покраснели. «Как, богохульник! – вскричал он, оправляя свой еломок, – ты вздором хочешь обаять меня? Сейчас платите мне оба по пяти юзлуков за мое угощение, иначе...» – «Кажется, – отвечал я равнодушно, – ты не с должным вниманием меня выслушал. Не ясно ли тебе сказано, что политики и герои денег при себе не носят: так чего ж тебе хочется? Слушай лучше мое наставление! Политика есть наука».

– Провались ты с нею на дно преисподней – закричал жид; – подавайте сейчас деньги! Иначе...

— Опять таки иначе, — сказал я, качая головою, — говорят же тебе, что политика есть наука...

«О, пребеззаконник, о, злодей! — вопил жид, схватив себя обеими руками за пейсы: — вижу, что ты или злоумышленный шут, или сумасшедший!» Такие невежливые речи, каких я и от тебя, светлейший князь, никогда не слыхал, привели меня в гнев и привели к мщению. Тщетно мужественный Бектемир шептал мне, прося успокоиться. Мы принялись с жидом ратовать, и я, выхватя из-за пояса орденскую нагайку, начал хлестать по ушам еврея, приговаривая: «Политика есть наука, подающая верные правила благоразумия и вежливости!» Жид вырвался и с воплем побежал из комнаты, а я с улыбкою сел на лавку и начал скручивать усы в кольца. Храбрый Бектемир, вознамерясь наострить лыжи, взял меня за рукав и тянул вон; но злобные татары не пустили, уговаривая нас — смирно ожидать возвращения хозяина, который и не замедлил прибыть вместе с есаулом мурзы Габидула, и несмотря на все наши доводы, твой великий визирь и доблестный сардар заключены в городскую темницу и верно бы не вышли оттуда с целыми подошвами, если бы провидящий Макук не направил туда стопы свои.

Визирь Шамагул хотел было витийствовать о своей благодарности; но я, восхищенный известием о Сафире, вскричал с радостным восторгом: «Остановись, верный друг мой! Что бы ты ни сказал теперь для меня радостного, ничто столько не тронет моего страстного сердца, как сведение, что обожаемая княжна не досталась гнусному князю Кубашу. Пусть она утопилась в Тереке, пусть обрушилась в бездонную пропасть, пусть в самом деле съедена волками или медведями, всякую смерть ее, самую ужаснейшую, снесу я с чувством похожим на блаженство, против того, какое терзало бы меня при убийственных мыслях: Сафира жива, Сафира цветет здоровьем юности, блистает красою неизъяснимою, и — она разделяет восторги другого, хотя бы то был Макук державный! Довольно, верный мой визирь! Не мешай мне все мысли души, все ощущения сердца занять воспоминанием о незабвенной княжне моей! Так, я не просто, но по некоему вдохновению назвал ее моею! Клянусь всем, Макуком, совокупно и каждым членом его порознь, что рано или поздно я буду иметь право назвать ее сперва княжною, а потом моею!»

Среди дружеских совещаний, которые обыкновенно бывают успешнее, когда житейские нужды нас не озабочивают и не навязывают тяжелых гирь на крылья нашего разума, провели мы целый день почти столь же приятно, как бывало проводили дни в чертоге моего Совета. Хотя немного времени, проведенного мною в искушениях разного рода, гораздо поубавило во мне высокомерия и самонадеянности, однако при всем том, слыша от друзей своих обращаемые ко мне слова: «Светлейший князь! Высокий властитель!», не мог я удерживать невольных вздохов, из груди моей вылетавших. Мне сейчас бросалось на мысль прежнее мое могущество и настоящее ничтожество. «Верные друзья мои! — сказал я им с видом решительности, — если и вы также чувствительны при воспоминании протекших неприятностей в нашей жизни, то с сего самого часа да исчезнут между нами слова: князь, визирь, сардар. Они кажутся мне хотя прелестными, но только не ко времени, и более способны раздражать сердца наши, чем оныя успокаивать. Да не услышим их между собою более, пока не сяду я на возвышенных козлах своих и не увижу одного из вас по правую, а другого по левую сторону. Отныне мы странствующие друзья — Кайтук, Шамагул, Бектемир, как между собою, так и для всякого постороннего. Да и что значит ком посеребренной грязи? Что значит титул без власти и могущества? Один пустой звук, из под гробовой доски выходящий; кто уважит его, кроме безумного?»

Расположась на такой дружеской ноге, мы провели мирно в гробнице своей несколько дней, в которые заняты были снабжением себя пристойным убранством и вооружением; от таковых расходов кошелек мой приметно обессилел и наше братство поглядывало на нее с чувством родительского прискорбия при болезни любимого дитяти. «Друзья! — сказал я задумавшимся спутникам, — вижу рождающееся уныние на ваших лицах, и постигаю тому причину. Как разумные люди, мы должны предварительно помыслить о способах, как содержать себя честно и согласно с нашими званиями до тех пор, пока кладовая палата Самсутдинова для нас не откроется. Возьмите меня в пример! Кто может из вас сказать: я потерял больше Кайтука! Кто теперь скажет, в перенесении страданий: я великодушнее Кайтука? Не унижая вас, друзья мои, скажу, что я достоин быть для вас примером. Будьте терпеливы и не забывайте слов

одного мудреца, который сказал: «Все бедствия мира сего ничего не значат. Если они чрезвычайно ощутительны, то проходят весьма скоро, ибо состав тела человеческого не перенесет продолжительности сильных страданий; а если они слабы, то их, весьма нетрудно переносить можно. Положим, например, — и это, впрочем, весьма легко случится может, что казна наша совершенно опустела; о чем тужить еще? Что человек один раз мог сделать, то, вероятно, может сделать и в другой, и мы опять будем с юзлуками. Не ты ли, просвещенный Шамагул, рассказывал мне об одном индийском факире, который, живя на берегу моря ровно тридцать лет, ел песок морской и пил морскую соленую воду? Видите, что можно сделать с непоколебимым терпением? Итак, принеся благодарное моление державному Макуку, доселе удостаивавшему нас своего покровительства, с началом будущего дня пустимся по дороге к Кизляру. Составим из себя, вместо прежнего ордена кавалеров Нагайки, другой орден, под именем Братьев терпения! Природных и искусственных дарований у нас бездна. В случае открывшейся возможности, мы будем просвещать необразованных татар в таких науках, о коих они имеют самое ограниченное понятие, а особенно в божественной науке, называемой политикой. Поверьте, что одно уже это средство удобно прославит нас во всей подсолнечной, а особливо между татарами. Ведь не все же такие упрямые невежи, каков оказался жид Елиас».

Вследствие такого разумного положения, на другой день рано поутру оставили мы обиталище мертвых, столько времени служившее нам надежным пристанищем, и пошли в Моздок, чтобы запастись там необходимо нужным на дорогу.

Глава 44

СПОСОБЫ ЖИЗНИ

В Моздоке не заметил я ничего необыкновенного; а что идет своим порядком, о том не стоит труда и говорить, а особливо для политика. До самого Кизляра дела наши шли весьма сносно, и мы опять начали уже пошучивать насчет Черного года. Идучи вдоль берегов Терека, мы вре-

мя от времени находили небольшие улусы* татарские, где встречаемы были гостеприимно и провожаемы с соучастием. Хотя татары показались мне невеликими охотниками до высокой политики, однако суждения наши о сей науке слушали с видом доверенности, улыбались, находя в речах наших непонятницу, и приписывали то своему невежеству, по примеру всех добродушных народов; зато попадавшиеся кое-где торгующие жида и армяне были столь дерзки, что с явным презрением говорили нам в глаза: «Может ли в ущельях кавказских что доброго быть?» Однако такое злоречие не только не приводило нас в уныние, но еще более поощряло к выказанию своих способностей. Мы задирали всякого встречавшегося, осмеивали его с ног до головы, делали предсказания и безмерно утешались успехами своими в политике.

Когда издали увидели мы стены кизлярские, я остановил своих спутников и сказал: «Друзья! Рассуждая о многих достопамятных предметах, мы не заметили, что чувство удивления чему бы то ни было недостойно истинного политика. Не скрою от вас, что при вступлении в Моздок я объят был некоторым поражением при виде огромности зданий, драгоценности одежд и редкости изделий; а особенно взоры мои остановились на непостижимом искусстве в выделке бурок и медных гремушек. Истинно божественное искусство! Там же, когда отведал я фруктовой водки — праведный Макук! Какой вкус, какой запах! Между нами сказано, если Макук утешается в горном селении нашею просяною водкой, то и последний татарин не позавидует ему в этом блаженстве. Из этого заключил я, что удивляться — значит показывать себя невеждою. Итак, поставим за неперменное правило оказывать возможное равнодушие во всех случаях, как бы ни казались они чрезвычайными; из этого всякий заключит, что мы не какие-нибудь обыкновенные путешественники-зеваки, но люди мудрые, истинные политики. Таким образом, справедливая слава прежде нас достигнет до стен астраханских и предуготовит в пользу нашу мысли Самсутдиновы».

Оградясь таким благоразумным намерением, вступили мы в ворота кизлярские. Прошед улицы три, мы очутились на круглой площадке, в углу которой нашли уличную

* У л у с ы — селения.

печь*; а потому рассевшись подле нее на земле, приказали изжарить часть баранины, а между тем принялись развешивать воображение напитком, незадолго пред тем мною выхваленным. Мы были в занятии сем довольно трудолюбивы, и нескоро заметили, что у стоявшей против нас мечети начал стекаться народ обоего пола в великом множестве, глаза всех обращены были наверх мечетной башни. Хотя мы и твердо решились ничему не удивляться, однако есть в людях какое-то странное побуждение, заставляющее их хотя взглянуть на то, на что глядят уже двое других, хотя бы предмет был самый ничтожный; а потому и мы, забывшись, также подняли головы, и не сводя глаз, глядели на верх башни. Наконец, по прошествии довольно времени, из середины той башни показался на верхней площадке дородный мужчина средних лет. Он выпрямился, прокашлялся, поднял обе руки выше головы, и надувшись, сколько было в нем силы, заревел унывым напевом: «Алла, Илла, Илла Алла!»

И подлинно, трудно было бы найти подобного горлана. Он прокричал со всех четырех концов башни объявленные слова, и спустился по внутренней лестнице вниз. Народ, хранивший дотоле глубокое молчание, поднял радостный вопль и поздравления кричавшему. Шамагул не утерпел, а особливо движимый вдохновением от силы кизлярского напитка, подойти к мятущейся толпе народной. «Чему вы так обрадовались?» — спросил он у татарина, богаче прочих одетого. «Как? — отвечал тот, — поэтому ты глух, что не слышал громopodobного рева сего будущего придворного провозгласника! Жаль; а иначе и ты вместе с нами принес бы в честь ему должную дань удивления». — «Удивления? — воскликнул Шамагул, избоченясь и с улыбкою лукавства, — а чему бы, например, должен был удивляться политик? Так громко может реветь и буйвол, хотя он, как всем известно, довольно глупое животное». — «Не хули тех поступков, — сказал с видом увещания горлан, — коих ты не перещеголяешь». — «А если я прореву громче?» — спросил политик. — «Нельзя стать! — отвечал человек в богатом платье, — можно ли только это сделать? Полезай на башню и реви, а мы готовы слушать; и если окажется, что

* Во многих городах азиатских ставятся по улицам или подвижные или постоянные печи, в коих пекут хлеб, жарят разное мясо и т. п.

ты говоришь правду, то счастье твое безмерно, и, вероятно, великий пророк сам направил сюда стопы твои для своей и твоей славы!»

Глава 45

ПОПЫТКА

Я покушался было представить Шамагулу отчасти непристойность, а отчасти и опасность такого поступка, который сам по себе невеликую доставит честь такому человеку, который решился умом своим приобретать дары счастья; но он двумя доводами уничтожил мое сомнение. «Напрасно так изволишь думать, — сказал он мне тихо, — звучность моего голоса во всей силе узнал я впервые, вопия под нагайками Мирзабека, когда предлагал ему орден; а что касается до непристойности, то здравая политика ни в чем ее не находит, где только может быть польза, а особенно людям в нашем состоянии, стнящим под ударами судьбы жестокой. Слушай — и суди».

С сими словами взошел он в башню бодрыми стопами; а мужественный Бектемир подошел ко мне ближе и сказал на ухо: «Не лучше ли нам, не ожидая удачи или неудачи Шамагуловой, наострить подальше лыжи? Я не думаю, чтобы политика выгородила его из хлопот в случае, если он при первом открытии рта осипнет». Я хотел было что-то сказать в ободрение воеводы, но Шамагул стоял уже на вершине башни. По примеру предшественника своего, он глаза и руки обратил к небу, надулся и так заревел: «Алла. О, Алла!», что народ ахнул, а мы с сардаром присели от испуга. Прежний крикун удовольствовался прореветь возглас свой только четыре раза и умолк, а наш вития проревел раз десять, да и тем еще доволен не был. Он, кажется, по окончании каждого завывания, вместо ослабления, получал двойную силу к начатию нового, и не прежде удовольствовался, как услыша шум в народе и совместный вопль: «Будет, будет!» Тогда Шамагул сошел на землю, едва переводя дыхание, и начал принимать дань удивления от предстоящих. Кизлярский мурза, он-то и был человек, богаче всех одетый, подошел к Шамагулу с почтением, произнес: «Великий муж! Охотно признаюсь, что громогласнее тебя не прокричит и сам слон, хотя он, судя по толщине,

должен иметь весьма неузкое горло. Отныне до окончания твоего искуса будешь ты иметь в Кизляре особый дом и все содержание придворное. Но как и ты, вероятно, также смертен, следовательно можешь утратить звучность своего голоса, то прозорливость требует дать тебе помощника, и в эту должность назначаю я тебе Антяма, кричавшего прежде тебя на башне; а этих двух сотоварищей твоих можешь ты пригласить к себе для разогнания скуки, которая по непривычке к новому состоянию будет конечно ощутительна. Следуйте за мною».

Не отвечая ни слова сему доброхотному господину, мы все вместе отправились, и в скором времени он ввел нас в чистенький камышовый домик, обмазанный изнутри и снаружи красною глиною; земляной пол устлан был войлоками. Когда мы уселись, то сопровождавшие нас доброхоты поставили на полу несколько корзин с хлебом, вареным мясом и зеленью, к чему присовокупили несколько кувшинов, и сказав: «Пособите доброму Антяму насытиться хорошенько, чтобы он чем-нибудь утешился в первенстве провозгласительства», — удалились.

Как мы и без того поели с добрым успехом и чувствовали более жажду, чем аппетит, то и бросились прежде всего к кувшинам, однако все трое отняли оные от губ, как будто почувствовав нечто ядовитое. — «Что это такое?» — «Простая вода!» — «И у меня так же!» — «И у меня!» — «Дельно, — вскричал Шамагул, — так ли надобно издеваться над моею гортанью, которая от ревенья довольно потерпела! Но что же наш товарищ сидит, повеся голову, и ни до чего не дотрагивается?» — «Потому, что я ничего не вижу, отвечал он уныло, — и жду, пока жалостливые люди чего-нибудь подадут мне. Несколько лет, как я ослеп и никуда не гоюсь, как только в провозгласники; счастье и повезло было: меня уже похвалили, избрали в эту доходную должность, как вдруг сатана приносит сюда другого, который перебивает у меня дорогу!» — «Утешся, — сказал весело Шамагул, — считай меня добрым твоим начальником, и чтоб это яснее доказать тебе, то изволь кушать. Вот тебе целый хлеб, вот часть жирной баранины и вот кувшин с самою вкусною на свете водою».

Когда Шамагул так роскошно угощал будущего своего помощника, то вдохновение свыше меня проникло. Я вздрогнул, обдумал весь ход происшествий, и отозвав

в угол своих товарищей, сказал: «Друзья-товарищи! Клянусь всем чем хотите, что сегодняшнее происшествие есть новая кознь злого Кукама, позавидовавшего нашему спокойствию и мы не вне опасности. Ах, Шамагул! Едва ли ты не наревел нам новое горе, и едва ли здесь не почли уже тебя боговдохновенным сантоном за твои неистовые завывания, как некогда почли меня в Кабарде за неистовые крики и размашки. Припомни, каким опасностям тогда я предавался и какого труда стоило мне ускользнуть от бед, угрожавших мне ужасною гибелью? Здесь нас также принимают, дают есть и пить, а может быть дадут и дальнейшие гостинцы. Всякий город имеет свой норов. О, Шамагул! Кукам соблазнил тебя лезть на башню и реветь так не по-людски!»

Глава 46

ПРОВОЗГЛАСНИК

«Ведь над нами нет никакой стражи, — сказал Бектемир с отвагою, — так для чего медлим в этой хижине и сами вдаемся в опасность? Я хотел заметить тебе, Шамагул, что если политика твоя запрещает чему-либо удивляться, то, думаю, не принуждает и других удивлять, и это-то составляет мою политику. Какой мог ты ожидать пользы, удивляя глупый народ тем, что перекричал другого, произнося слова, коих и сам не разумеешь? Хотя я не предвижу еще неизбежного зла, однако и добра также. Не всего ли лучше, оставя в неизвестности вред и пользу, пуститься нам дальше, нимало здесь не мешкая?»

«Никак! — отвечал Шамагул, — во-первых, мы ни одного слова не слыхали о сантоне и меня не целовали даже в щеки, в губы, или руки, не только куда ни попало, как некогда князя Кайтука; во-вторых, бегать от опасностей, где их нет, значит самому за ними гоняться, а это очень глупо. Неужели ты не заметил, когда будешь идти мимо собаки самой сердитой тихо, она тебя пропустит; попробуй побежать от самой смирной, непременно она за тобою погонится. Так-то поступай и с напастями, и это будет самое политичное дело. Как изволит рассуждать о сем храбрый князь Кайтук?»

«И я тех мыслей, — был мой ответ, — что надо прежде

сколько-нибудь осведомиться о деле, пока его назовешь опасным или нет. А потому думаю: не спросить ли нам, Шамагул, у твоего помощника, что значит сегодняшнее народное действие, и в чем состоит предназначаемая при дворе должность, ибо искавший ее Антям должен обо всем знать обстоятельно. Когда и за сим дознаем, что должность придворного горлана заключает в себе излишнюю опасность, то плюнем на нее равнодушно; если же соединена с нею некоторая польза и приятность, чего я и ожидаю, то замещение оной было бы нам весьма кстати. Не все ли надежды наши основаны на великодушии и помощи могущественного и щедрого Самсутдина?»

Спутники мои охотно одобрили это замечание и при некотором условии, а именно: чтобы только мне и Бектемиру рассуждать с Антямом, дабы любопытство Шамагулово не родило в нем некоторого подозрения, мы оставили визиря поодаль, а сами подошли к татарину, просили его поведать нам искренне: «В чем состоит обязанность придворного провозгласника и какие сопряжены с нею выгоды?»

«Выгоды превеликие, — отвечал он со вздохом, — а особенно для такого человека, каков я, от коего не потребовали бы никакой потери! Всякий провозгласник у поклонников великого пророка обязан созывать народ в мечети на молитвы, что он и делает по три раза в день. А как у нас правоверных нет колоколов, то сзывание молеельщиков производится посредством голоса; посему, чем кто громогласнее, тем он в большем почтении. Должность придворного провозгласника состоит в том, чтобы поутру возбуждать хана к молитве; после обеда исторгать его из объятий красавиц; а ввечеру не допускать ко сну, и все для одного и того же предмета. Посему от придворного требуется голос, по крайней мере, вдесятеро звучнее обыкновенного, чтобы добиться до слуха ханского. О выгодах и говорить нечего; они бесчисленны: ибо все содержание, и притом самое великолепное, производится за счет богомольцев».

«Итак, — сказал я, — чтобы с честью отправлять эту выгодную должность, ничего более не требуется, кроме обширной гортани и крепкой груди?» — «Почти ничего, — отвечал он, — как только, чтобы провозгласник был слеп; а как я, будучи в плену у русских, от безмерных работ давно лишился зрения, то за мною никакой бы остановки и не было!» — «Но если, — спросил я тотчас, — на месте этом за-

хочет быть зрячий?» — «Невозможно! — отвечал он, — придворная мечеть стоит посередине серальских зданий, и верх башни почти вдвое превышает оныя. Если пустить на нее зрячего, то он весьма удобно может видеть все, происходящее в самых внутренних покоях хана и в ложницах его красавиц; а это было бы дело неслыханное, да и примера тому не было, и если кто из зрячих объявит желание быть придворным провозгласником, то это значит, что он объявил желание есть сытно, пить со вкусом, ходить богато и спать покойно, но все это в уплату за громкий голос и за потерю глаз. А как такой угодник незадолго пред сим — около четвертой молитвы, в противность закону Магометову, с излишком развеселился, то мщение Неба вскоре его и постигло. Он сорвался с вершины башни и горестно погиб. Во всей области Самсутдиновой начали искать способного занять эту прекрасную должность; на меня взглянул было пророк милостивым оком, я понравился могучему Сабеку, посланному от Двора для выбора достойного провозгласника, как вдруг злой дух насылает соперника, и он лишает меня сего благополучия!»

Глава 47

РЕШИТЕЛЬНОСТЬ

Я взглянул на будущего придворного провозгласника и увидел, что он побледнел смертельно. Мы поспешно подошли к нему и Бектемир сказал с досадою: «Ну, не моя ли выходит правда, прозорливый политик! Изволь-ка расстаться теперь со светлыми своими очами! Были ль с нами новые хлопоты, если бы не угораздил тебя Кукам щеголять своим горлом? Не я ли говорил, что гораздо вреднее, следовательно и глупее удивлять, нежели удивляться? Выбирай скорее: на что ты решаешься? Сделаться ли придворным провозгласником на известном условии, или последовать моим правилам, и что есть силы броситься бежать куда глаза глядеть будут».

«Пропадай все счастье, — отвечал Шамагул, — какого можем ожидать от хана, когда надо покупать его так дорого! За такую цену не хочу быть и на престоле, а не только на мечетной башне! Теперь следует вопрос: в которую сторону нам обратиться? Легко станется, что Сабек, приметя наш побег, сделает погоню и нам одним трудно будет управ-

ляться с целым городом! Не лучше ли нам дожидаться ночи и тогда уже...»

Едва он произнес эти слова, как услышали мы у дверей шум и увидели Сабека, вошедшего с полдюжиною служителей, из коих один нес жаровню с горящими углями, другой большой медный таз, а третий шило; прочие ж были простыми спутниками. Сабек подошел к Шамагулу и с вежливым видом сказал: «Я хочу, почтенный муж, чтобы ты вечно благодарил меня. Избирай теперь, которого искусству из сих двух господ желаешь ты ввериться? Этот, раскаливая таз на углях, так искусно умеет приближать его к глазам и отводить, что если ты только прилежно будешь смотреть, то менее, нежели в три дня, ничего не увидишь. Если ты изберешь сего, то он своим шилом так проворно проколет тебе зенки, что в два мига ты будешь наилучший слепец в свете! Скажи ж, кого избираешь?» Наш политик стоял молча и не мог выговорить ни слова. С виду и положения походил он на приготовленного к казни; да состояние его и в самом деле на то походило. Он поглядывал на Сабека и на меня, на Бектемира, и, казалось, содрогался при убийственной мысли: всех и все — в последний раз вижу!

Я пришел в жалость, и это чувство как будто десять кубков Макукова напитка родили во мне несказанную бодрость, и я одною рукою закручивая усы, а другою играя эфесом моего кинжала, подошел к Сабеку, сказал: «Неужели ты не замечаешь, что Шамагул, друг наш, столько ж изумлен твоим странным предложением, как если бы ты советовал ему вечно не есть шешлыка и не пить водки, буде желаешь иметь место в царстве Макука. Знай, что он великий политик и был некогда верховным визирем при одном владетельном князе! Ему только хотелось удивить вас своим ревом, отнюдь не думая сподобиться чести быть провозгласником. Итак, иди спокойно, откуда пришел, и мы пойдем своею дорогою. За угощение ж, что мы поглядели на ваше яство и питье, вот тебе юзлук».

Сабек со своей стороны немалое оказал удивление. «Как? — спросил он протяжно, — вы вздумали шутить надмною и святынею? Разве забыли, что никто не дерзает взойти на верх мечетной башни, кроме посвященных или желающих посвятиться на служение пророку? Это хула, достойная примерной казни! А притом, не оказал ли сей

кощун желания быть в сказанной должности, приняв от нас кров, хлеб, вареную баранину и воду? Не я ли, обольщенный его согласием, послал уже гонца к Самсутдину с донесением, что в благополучном городе Кизляре нашел чудо из всех провозгласников в Свете? Что буду я отвечать своему повелителю, когда он увидит себя обманутым? Не назовет ли он меня оскорбителем своего величия? Что вы на это скажете?»

Тогда я задумался, чтобы отвечать ему основательно на доводы, которые и в самом деле были небездельные, как то обвинения в богохульстве и в оскорблении ханского величия, когда мудрый Шамагул, призвав на помощь Макука, Кукама и политику, сказал: «Красноречивый Сабек! Не верь другу моему, Кайтуку. Он потому не хотел видеть меня провозгласником, что по самую смерть не хотел со мною разлучиться. Мы родились, воспитаны и воинствовали вместе: он, я, и этот третий, храбрейший из смертных, Бектемир». — «Да кто же требует, чтобы вы разлучались? — сказал ласково Сабек, — разве не обширны подвалы Серальской мечети? Не избыточны ли кухни и кладовые Самсутдиновы? Вы будете все вместе жить, есть, пить и прохлаждаться!» — «Так! — отвечал Шамагул, — но в этом есть немалое затруднение. Один я из них в молодости своей путешествовал, научился познавать людей и их законы; один я воспламенен желанием приобщиться к лику правоверных, хотя и я, равно как и они, доселе поклонялись и продолжаем поклоняться кавказским богам Макуку и Кукаму, а в особенности могущей богине — Политике! Знай: мы идолопоклонники».

Глава 48

ВИТИЯ ПО НУЖДЕ

Кто опишет тогдашнее наше изумление! Сабек и его спутники поражены были признанием Шамагуловым и недоумевали, как могли не догадаться о том прежде, что пустили его на свою башню! Мы со своей стороны и не знали, что о нем и подумать и не иначе считали, как помешавшимся в уме при мысли о потере зрения, драгоценнейшего из всех даров Макуковых! На место того Шамагул смотрел на всех нас с улыбкою, и обратясь к Сабеку, сказал: «Вы-

сокоименный муж! Из сего добровольного признания видишь ты, что милостивый пророк посеял в сердце моем семя истинной веры и твоему старанию поручаю произрастить оное в дерево ветвистое. Найди многоученого имама, который бы мог меня наставить в тайнах святой веры и я полагаю, что достаточно будет нескольких недель, чтобы сделать меня совершенным мусульманином. Я и теперь в существе души своей могу уже назваться правоверным; но, прости мое чистосердечие, воспитание, привычка, примеры оставили еще во мне некие сомнения, которые должны быть рассеяны, истреблены до остатка. Мы не простые горцы, но все происходим от высоких поколений, из чего следует, чтобы мы были необыкновенные мусульмане, кои считают уже себя правоверными и совершенными в своем законе, когда несомненно верят, что великий пророк их имел два глаза, два уха и один рот в голове, с челюстями, обросшими пребольшею бородою. Я считаю, что этого очень мало, а потому прошу во-первых: почтенный Сабек, приставить ко мне просвещенного имама, знающего о Магомете всю подноготную, и о чудесах, им произведенных, умеющего рассказать языком самым понятным для всякого неверного; во-вторых: во время моего просвещения в вере дозволь мне находиться вместе с сими двумя друзьями, дабы я с помощью вдохновения и политики мог и их соблазнить также мне последовать. Неужели для пророка не будет приятнее иметь вдруг трех новых притом знаменитых поклонников, нежели одного; а я со своей стороны смело уверяю, что и они люди не без рассудка. В-третьих: как я довольно долго нося в уме и в сердце Магомета, жил под уставом Макуковым, да позволено будет мне и остальное время до совершенного посвящения в правоверные прожить по-прежнему, дабы отказав Макуку вдруг во всем, не подпасть его гневу прежде, нежели Магомет примет меня в свою защиту. Я разумею под сим, что покуда не совершится надо мной святое обрезание, пусть достаточно снабжаемы будем здешним вином и водкою. Таким образом, слушая уроки о Магомете и его учении, я мало-помалу буду с ним знакомиться и приобретать его покровительство; а запивая здешнюю баранину соком здешнего винограда, я невдур дам заметить Макуку, что скоро совсем его покину. Видишь, мудрый Сабек, что этой предосторожности непременно требует от меня здравая политика».

Тут наш Шамагул окончил свое красноречие, и признаюсь, подобного никогда и ни от кого я не слыхивал. Сабек был прельщен, равно как я, и обняв витию самым дружеским образом, сказал: «Радуюсь, что, вместо простого провозгласника нашел в тебе мудреца, достойного быть муфтием при высоком дворе Самсутдиновом. С сего самого часа, отправя в Астрахань Антяма, оставляю вас здесь одних на прохладе. Места довольно, а надо только поукрасить оное и сделать покойнее. Как у нас теперь осень и скоро настанет зима, то вы видите здесь камин, а за дровами дело не станет. Из дома здешнего мурзы Пуздала, мужа исполненного благочестия, сего дня же принесены будут три дивана самые теплые и для услуг ваших приставится московский пленник. Все, чего только ни пожелаете из житейских потребностей, велите приносить к себе из здешних лавок; ибо всякий продавец за приятную обязанность сочтет снабдить всем мужа, готовящегося вступить в православие. Что ж касается до присылки имама, какого ты, Шамагул, требуешь, то хотя здесь неподалеку и есть светильник в мусульманстве, но он, по обыкновению ему подобных, немного своеобычлив, и нескоро на зовы склоняется. Однако ж я поеду к нему сам, объявлю о причине своего прибытия, и несомненно надеюсь, что дня через два вы удостоитесь увидеть пресловутого Ханжака. Теперь спешу в дом мурзы Нуздала, возвещу о всем бывшем, и его порадую. Он весьма ревностный мусульманин».

Сабек ушел со своими провожатыми. Долго мы смотрели один на другого молча. Наконец, Шамагул с торжественным видом спросил: «Что скажете, друзья?» — «То же, — был ответ мой, — что всегда говорил и прежде, что Шамагул есть величайший из всех бывших, настоящих и будущих политиков».

Глава 49

БОГОХУЛЬНИК

«Однако, мудрый Шамагул, — продолжал я, — дело твое пошло в завязку. Сколько я понимаю, то ничего нет легче, как объявить желание сделаться мусульманином; но ничего труднее, как от того отделаться с головой на плечах. Ты не льстись свободой, тебе даруемой; она не что иное, как

прикраса самого строгого плена, как позолота на цепях железных. Желал бы я знать, какие мудрость твоя изберет средства ускользнуть из сей западни заманчивой?» — «Друг мой Кайтук! — отвечал Шамагул, — признаюсь, что когда вспало мне на ум это средство сохранить свое зрение, то я совсем не думал поклониться Магомету, а только лишь образумился, то от всего сердца решился самым делом то исполнить. Мне велят обрезать! А почему и не так! Зачем отречься от вероятного счастья, если дорога к храму на сажень камениста? Сверх того, вы согласитесь, что в чьем доме живете, того и правила исполнять должны. На горах Кавказских служил я тебе, Кайтук, как своему князю и поклонялся Макуку, яко страны той богу. Обстоятельства переменились. Мы теперь в таких местах, где имя Кайтуково ничего не значит, а о Макуке и не слыхали; однако ж мы везде видели людей, кои рождаются, живут, плодятся и умирают точно таким же порядком, как и на горах наших. А притом надо думать, что Магомет хотя что-нибудь да был на свете; а наш Макук едва ли не одна мечта в воображении наших предков, когда они чрез меру отягчены были шеплыком и просяною водкою!»

Я и Бектемир ахнули, услыша такое богохульство; осыпали его упреками, отреклись от его дружбы; но он, увещевая нас остаться при нем хотя на некоторое время для укоротания Черного года, склонил нас на свои убеждения. Мы с Бектемиром решились разделять с ним его изобилие, нимало не участвуя в его грехопадении. К сему способствовала крайняя неудобность путешествовать осенью и зимой, а особливо с пустыми карманами.

Все, что обещал доброхотный Сабек, скоро и в точности было исполнено. Три тюфяка, набитые самою мягкою шерстью, принесены были вместе с тремя большими кылымами* самой узорчатой работы, разостланы по нашему желанию недалеко один от другого, и составляли наши седалища и ложа, по обычаю страны той. Усатый москвич явился к услугам нашим и нанес на ужин столько, что если б на то время собрался к нам и весь прежний мой Совет, то можно бы вдоволь употчивать. Сей усердный слуга, для опочивания своего в дальнем углу от роскошных лож наших, принес кучу сухого моху; вместо кылыма служила

* К ы л ы м — ковер у татар.

циновка; и мы все, ибо и москвич остатками был чрезмерно доволен, опочили сном весьма покойным.

Глава 50

ВИДЕНИЕ

Рано поутру, не желая тревожить спящих глубоким сном моих товарищей, погрузился я в размышление. Неужели и в самом деле правда, говорил я сам с собой, как нередко доказывал мне Шамагул, во время моего господства, что иногда самый ничтожный случай бывает поводом к величайшим происшествиям? Теперь узнаю истину его положений. Надобно было ему с мечетной башни прореветь несколько слов, чтоб сделаться мусульманином! Лучший из друзей моих, мудрейший наставник мой в политике, хочет покинуть благодетельного Макука, доселе нам столь чудесно помогавшего в напастьях Черного года! Когда он не усомнился сделать того с божеством, то какого постоянства может ожидать от него бывший земной властелин его?

Посему с остатком некоего уныния, в которое погружен был я соображением прошедшего с настоящим, встал я с постели и сел у окна своей храмины. С началом месяца Стрельца появились мрачные, тяжелые тучи на благословенном небосклоне, объемлющем пределы от моря Каспийского до моря Черного, и природа покрылась трауром. Ветер, летящий от ущелий кавказских, нес на крыльях своих бури и метели. Чувство давно забытое, чувство некогда радостное, ныне близкое к самой глубокой горести, объяло душу мою и мысли. Я припомнил, как бывало проводил подобное время в чертогах прародительских. Светлый огонь, поедая кедры и кипарисы, пылал посреди моей ложницы. Питье и яства расставлены были в изобилии; сонм друзей и великих Двора моего окружал меня, как своего друга и властелина. Время прошедшее! Куда утекло ты со своими радостями?

В этих мыслях я и не заметил, как друзья мои стали передо мною. Едва я поздоровался с ними, то вдруг вошли к нам придворный Сабек и мурза Нуздал с знатнейшими гражданами кизлярскими. По окончании обыкновенных приветствий Шамагул сказал: «Я примечаю, что друзья мои Кайтук и Бектемир не столь покойно провели ночь эту, как я. Точно не ошибусь, если скажу, что в числе при-

чин, погружающих души их в задумчивость, есть неизвестность о будущей моей участи, когда совершенно посвящу себя служению великого Магомета. Итак, в утешение их, я скажу добрые вести! В сию ночь, около восхода зари утренней, явилось мне видение: синеокий, козлобородый Макук на длинных петушьих лапах шагал к одру моему. Он хотел что-то сказать, но заикнулся; однако после оправясь, проворчал: «Отступник! Что намереваешься ты сделать? Меня оставить? Меня, который дал горскому народу самые мудрые законы и сделал его славнейшим, благополучнейшим народом в Свете? Чего нет на горах наших? Камней ли огромнейших? Их тьма несчетная! Дерев ли? Там леса непроходимые! Воды ли? Целые реки имеют оттуда свои истоки! Я дозволил вам есть с изобилием горячий шешлык и пить просяную водку; а по смерти обещал вам, буде того сподобитесь, усугубить блага, коими на земле наслаждались».

Я не знал, что и отвечать раздраженному Макуку, как вдруг поражает взоры мои новое явление: Магомет спустился ко мне на светлом облаке, и взяв дружески за руку, сказал: «Не заботься, мудрый Шамагул, о будущем своем благополучии; положишься на меня, и не слушайся сего пустомели. Поклоняясь мне, ты получишь удовольствие как в этой, так и в будущей жизни, гораздо существенней, нежели им обещанные. В доказательство моего преимущества, повелеваю: исчезни, наглый сумасброд, пред лицом Великого пророка!»

Кто опишет мое удивление, когда увидел я, что обожаемый мною дотоле Макук на петушьих лапах своих бросился бежать прочь, как будто маленькая птичка от сильного филина. Магомет, оборотясь ко мне, ослабился, и севши на розовые облака, поднялся к небу, а убегающий Макук погряз в тине, и стараясь из нее выдраться, погружался более и более, наконец, я его не взвидел: одни пузыри над тем местом проскакивали.

Когда Шамагул окончил рассказ о сем таинственном сновидении, когда я и Бектемир не знали, что отвечать этому вдохновенному смертному, бывшему некогда моим подданным, а теперь непосредственно становившемуся моим повелителем, Пуздал и Сабек благоговейно подняли руки к небу, потом ударя ими в грудь, произнесли, первый: «Велик, велик Алла!» Второй: «Велик Магомет, пророк Аллы!»

До полудня гости эти с их сотрудниками пробыли с нами в самых дружеских разговорах. Потом, уверив во всегдашнем своем благоволении, которое преимущественно доказывали посланием приличных подарков имаму Ханжаку, дабы склонить его скорее удостоить нас своим посещением, оставили нас одних: Шамагула — в полном удовольствии, а меня с Бектемиром в удивлении, час от часу умножавшемся.

Глава 51

ВЕСЕЛАЯ ЖИЗНЬ

В ожидании праведного мужа Ханжака проводили мы время в наставительных беседах и в разгуливании по городу, не могли нарадоваться своим состоянием. Все, встречавшиеся с нами, от мала до велика, оказывали нам, а особливо Шамагулу, высокое почитание, которое он принимал не как знак вежливости и доброхотства, но как дань, следующую от невежд человеку преразумному. Тут-то я начал вразумляться, что и в самом деле круг действия при Дворе моем был слишком тесен для возвышенного духа Шамагулова, и сам от всего сердца отдавал ему преимущество перед собой. Что ж касается до храброго и вместе кроткого Бектемира, то он теперь более походил на раба своего собрата, чем на друга и участника в перенесении бедствий, обще на нас устремленных с высоты горней, или из пропасти преисподней. Я право не знал, что и блаженство и страдание ниспосылаются нам и сеются по лицу всей земли одною и тою ж дланию.

Несколько дней сряду не видели мы гостеприимного друга нашего Сабека; наконец, он явился, и обняв Шамагула, вскричал: «Радуйся, чрезвычайный смертный! Через десять дней ты сподобишься увидеть великого имама Ханжака. Какого труда стоило мне склонить его на сие путешествие! Несмотря на великолепные подарки со стороны моей и мурзы Нуздала, он до тех пор не склонялся, пока нарочно посланный не уверил его неоспоримыми доводами, что ты за чрезмерную ревность к православной вере в столь короткое время сподобился уже видеть явление. Это подвигло его более всего; и как ты, Шамагул, необыкновенный из неверных, то он решился провести еще трижды

три дня и трижды три ночи в здешней главной мечети на молитве, испрашивая у пророка благодати к просвещению самого непросвещенного!» Шамагул воздал благодарение добродушному придворному за весть столь вожаденную, и обещал со своей стороны столько ж времени провести в теплых молитвах о своем спасении, и всех тех, кои оному способствуют.

Зная, что начало просвещения Шамагула еще на девять дней отсрочено, он первый завел речь на досуге о посольстве своем у князя Мирзабека. «Желал бы я знать, — вскричал он, — чем кончилось это дело, достойное быть замеченным в летописях всех народов! Что-то почувствовал и делал беспутный князь Кубаш, когда встретил своего нареченного тестя? Я думаю, что положение того и другого было бы приятнейшим зрелищем для всякого политика в целой Вселенной! Половину правого уса своего отдал бы я, чтоб только достоверно знать, что тогда происходило между ними».

«Не клади столь дорогой цены, — сказал тихо Бектемир, — я и без того тебя удовольствую, ибо, хотя и нечаянно, я был очевидцем тому. Слушайте...»

«Помедли, храбрый Бектемир, — вскричал я, — посмотри в окно и ты увидишь, что наш москвич, обремененный сумою с обедом, возвращается. Не удобнее ли повествовать о великих событиях, когда утоленные голод и жажда не мешают поворотливости языка рассказчика и должному вниманию слушателей?»

Такое замечание мое Шамагул назвал самым глубоко-мысленным, и Бектемир согласился с нами.

часть II

РОЖАЮЩИЕ И ПОВѢСТЫ

БАСИДЯ НАРЪЖНАГО.

САМОУЧЕБНИКЪ.

1836.

РОДСТВЕННЫЕ ЛАСКИ

Настало удобное для наших друзей время к разглагольствованию и мужественный Бектемир начал свою повесть: «Никогда не забуду того достопамятного дня, в который храброе твое воинство покрыло себя вечною славою. Как узнал я после, то на поле битвы ни одного нашего витязя не осталось. Все так проворно разлетелись, что глупый князь Кубаш, к немалому удивлению и досаде, при всем своем старании, не мог поймать и самого тяжелого на ногу. Я находился в числе благоразумнейших, и едва ли не первый смекнул, что удачи ожидать нам нельзя; а потому, сколько помню, первый обратился в бегство, а прочие, по мере, кто был умнее другого, скорее или тише за мною последовали».

В повести красноречивого Шамагула слышал я, что его бегство продолжалось довольно долго. И в этом случае, нехвастовски сказать, поступил я несравненно его храбрее. У первого чинарового дерева, окруженного густым кустарником, разлегся я преспокойно, и выполз оттуда, когда голод принудил меня подумать о своем существовании. Я охотно согласился тогда с давнишним мнением мудрого Шамагула, что и первобытный человек начал чувствовать бытие свое, когда ощутил голод. Это самое сильное побуждение к размышлению.

Две недели провел я, шатаюсь около жилищ нашего владения, питаюсь древесными и земляными плодами, по примеру многоопытного Шамагула, и решился вступить в пределы онаго, когда проведал обстоятельно о судьбе народа и нового властелина. Узнав, что князь Кубаш ласково принимает всех, приходящих к подножию его козел, решился и я преклонить буйную свою голову под кедровый жезл его и просить о милосердии.

Войдя в княжеские чертоги, я увидел большое движение в вельможах и народе. Князь, приметя меня, весело сказал: «Добро пожаловать, храбрый сардар Бектемир! Я уверен, что и ты окажешься не глупее визиря Шамагула, и вступя ко мне в службу, сделаешься благополучнее, чем был в управление сумасбродного князя Кайтука. Шамагул

отправлен мною теперь к светлейшему князю Мирзабеку для испрошения руки дочери его, прекрасной княжны Сафиры. В успехе нечего сомневаться, и я уверен, что он скоро появится здесь с невестой и высоким родством ее. Пещера Макукова освещена уже великолепнейшим образом, и жрецы в торжественном облачении ожидают только красавицу, дабы соединить ее со мною. Тебе поручаю встретить гостей с надлежащею воинскою почестью».

В следствие сего я выровнялся перед строем телохранителей и прочих горцев, охотно пожелавших присутствием своим увеличить торжество своего владыки. При сем случае все вооружены были исправнее, чем в день рокового сражения, ибо большая половина телохранителей состояла из подданных Кунака, а если кто и из наших участвовал в торжестве, то одни только вооруженные.

Когда передовые вестники прискакали с донесением, что Мирзабек с небольшою свитою показался в пределах наших, князь Кубаш с отцом своим, и я с первостатейными людьми из обоих княжеств, опорожнив по доброй мерке просяного изделия, важными стопами выступили навстречу высоким посетителям. Князь Кубаш и подлинно походил на Шамагулова иноходца: он не шел, а подпрыгивал; Кунак шествовал степенно, немного пошатывался; я — удерживаясь, чтобы не шататься, колыхался то направо, то налево; все наши сопутники делали по пути различные кривлянья и коверканья, отчего для всякого постороннего смотреть на нашу свадебную свиту было бы самым потешным зрелищем.

Когда обе стороны встретились, то начались самые вежливые приветствия. Кунак с таким непритворным жаром повис на шее будущего своего свата, с таким восторгом схватил его за уши, и голову его прижал к груди своей, что тот, страшась удушения, заревел изо всей силы, рванулся, и оба стремглав полетели на землю, где Кунак, все еще не думая отцепиться, разинул рот, чтобы облобызать свата, и тем в пущий страх привел его. Князь Кубаш надрывался со смеху, а мы в этом ему подражали.

Наконец, светлейшие сваты поправились, встали с нашею помощью, поздоровались снова, и по обыкновению начали шутить над своею неудачею. После того дошла очередь до Кубаша, который кобенился самым щегольским образом. Тогда предложено было идти к пещере Макуко-

вой и там дожидаться вожденной невесты. Мирзабек охотно принял предложение, и мы все отправились. Впереди молодежь наша прыгала и скакала, оделяя один другого оплеухами и пинками, что крайне веселило властелинов.

Глава 2

САМОИЗГНАНИЕ

Когда достигли мы Божеской пещеры, то князя расселись у священного камня, ниспавшего с косогора во время первого твоего священнодействия. Трубки с табаком им поданы, и приятные разговоры довольно времени продолжались к общему удовольствию. Все ожидали невесту, но тщетно. Князь Кунак первый соскучился. «Что бы это значило? — сказал он. — Любезная невеста до сих пор не жалуется! Это не так-то учтиво, да и скучно: у меня пересохло в горле, а вода в Тереке что-то теперь весьма мутна». — «Что ж вы заставили ее дома делать? — спросил Мирзабек с лукавою улыбкой, — переночевав во дворце жениха, можно бы, кажется, оставить излишнюю застенчивость!» — «Во дворце жениха?» — сказал Кубаш с приметным ужасом. — «Жениха? — подхватил Кунак, — так у нее два жениха? По крайней мере, сын мой видел ее вчера и сегодня не более, как и тебя. Во дворце жениха! Добрый начин!» — «Что ты под этим разумеешь? — спросил Мирзабек с изменившимся лицом, — какую ты считаешь дочь мою?» — «Видно, придется какую-нибудь почесть, — сказал Кунак, язвительно усмехаясь, — во дворце жениха!» — «Объяснись порядочно! — вскричал Мирзабек в полном гневе, — не вчера ли ночью встретила она с сыном твоим в перелеске, преследуемая волком?» — «Волком? — отвечал Кунак, — видно этот зверь был не очень дик и лют, что она на всю ночь осталась беседовать с ним в перелеске! Я право не ожидал от нее такого мужества! С волком, ночью, в перелеске! Экая удаля!»

«Дерзкий насмешник!» — вскричал Мирзабек с неистовством и так ловко ударил Кунака в чело трубкою, что у того светлые очи под лоб закатились. Князь Кубаш, доселе пораженный стыдом, горестью, ревностью, слыша от самого отца невесты, что она прошлую ночь провела у жениха, и до сих пор во власти его находилась, видя поражение отца

своего, опомнился, и вообразя, что Мирзабек раздумал уже выдавать за него Сафиру и пришел пошутить над ним так язвительно, рассвирепел и в отмщение за себя и отца своего со всего размаху треснул трубкою ж Мирзабека по затылку, и тот мгновенно пришел точно в такое же положение, в каком сват его находился. Пользуясь оцепенением властелинов, я сказал Кубашу: «Светлейший князь! Не теряй времени, оставшегося тебе к спасению. Пока Мирзабек не опомнился, прикажи телохранителям взять на руки своего высокого родителя и все убирайтесь восвояси. Ты хорошо знаешь Мирзабека: он бешенее самого Кукама, и хотя провожатых у него втрое меньше, чем у нас, но он, ни на что не смотря, не усомнится отрубить тебе уши, хотя бы и своими должен будет за то поплатиться».

Князь меня послушался, приказал телохранителям поднять родителя на плечи, и мы отправились домой без всякого сопротивления со стороны воинов Мирзабековых.

«Увы! — говорил дорогою унылый Кубаш, — как все превратно на этом свете! Мне прежде и не снилось сидеть на испещренных козлах Кайтуковых, но так пришлось. Наверное, полагал владеть прекрасною княжною Сафиною, но что теперь открывается? Сегодня шел ко храму в надежде возвратиться оттуда с прелестною женой, а возвращаюсь, как будто с похорон. О, Макук! Видно ты кинул всю власть свою и вручил ее своему сопернику, свирепому Кукаму, или я, воссев на козлы Кайтуковы, получил Черный год его себе в наследство?»

Кунак опомнился, и был крайне печален о бесчестии, полученном от Мирзабека; но услыша об отмщении, храбрым сыном произведенном, утешился и начал помышлять о средствах рассеять свое горе. Зато Кубаш не мог забыть своего несчастья; и чем больше заглядывал в кедровый сосуд самозабвения, тем грусть его становилась неутешнее. «Клянусь, — вскричал он, — что и тут участвовал злодей Кайтук; и если не сам, то посредством вероломного своего визиря Шамагула, и теперь, в изгнании своем, услыша об отчаянии князя Кубаша, возрадуется, восторжествует! К довершению же моего несчастья, едва ли обойдется без войны. На новых подданных нечего надеяться. Когда не постояли они за прежнего своего князя, то за меня не постоят и подавно. А хотя жрецы действительно преданы моим пользам, но их заклинания ныне весьма неудачно действуют против вражеского оружия».

Проговоря эти слова, он задумался, и погода немного, велел всем нам разойтись, а сам остался с одними своими придворными. Я, не будучи политиком, ничего не подозревал, и большую часть ночи проведши с приятелями за пешлыком, уснул сном неразбудимым.

Рано поутру услышал я большой шум в народе, вышел на площадь и узнал, что сила Мирзабекова к нам подступала. Я и знатнейшие из военных сановников бросились в чертоги княжеские, и — увы! Не нашли никого и ничего. Князь Кубаш во время ночи ушел со своими подданными к родителю, унеся с собой все, что только унести было можно и нужно. Вооружение всякого рода, уборы дворца твоего, дорогую утварь княжескую — все исчезло вместе с вероломным Кубашем.

Думал и гадал я на что решиться, и за лучшее избрал оставить несчастную родину и искать пристанища под чужим небом. Тихими шагами поплелся я вниз по Тереку и хотя не без неприятностей, прибыл, наконец, в Моздок, где имел несказанное удовольствие встретиться с мудрым Шамагулом и пировать с ним за трапезой жида Елиаса; а после, благодаря его дальновидной политике, поститься в городской темнице, откуда, соображая последствия с причинами, без твоей помощи не вышли бы здоровы.

Глава 3

СМИРЕНИЕ КСТАТИ

Назначенные праведным имамом Ханжаком девять дней протекли неприметно. Мы провели их в возможном мире душ и телес, то есть ни мало ни о чем не заботясь, болтали о всякой всячине, шатались по городу, принимали дань почтения от всех встречавшихся с нами, ели, пили, спали, и словом, проводили жизнь блаженную. Если бы иногда не тревожила меня мысль об утрате княжества и прелестной княжны Сафиры, то отступление Шамагулово не могло бы поколебать нашего спокойствия. Храбрый сардар Бектемир менее всех ощущал перемену состояния. Он превозносил до небес гостеприимство и миролюбие кизлярских жителей. Две сии добродетели считал он первыми в свете и откровенно утверждал, что и прошлая горская жизнь едва ли с настоящею сравнится. Может быть, слова

его были и справедливы: он никогда не восседал на испещренных княжеских кóзлах и не любил никого и ничего, кроме пешлыка, просяной водки и мягкого войлока.

С наступлением урочного дня, едва воссияло солнце на кизлярском небосклоне, нарочный вестник от Нуздала возвестил Шамагулу, чтобы он готовился встретить боговдохновенного Ханжака и внять спасительным его наставлениям. От меня не скрылось, что эта весть несколько его возмутила; так-то справедливо, что перемена веры, какова бы ни была она, не может поколебать всего существа души нашей, сколько бы мы умны или глупы не были.

Непомерное скопление народа около нашей хижины, радостные вопли их и завывания, звук бубнов и визг труб возвестили шествие святого имама. С безмолвным почтением встали мы с мест своих, не дерзая смотреть один на другого. Вскоре вошел к нам мурза Нуздаль с Сабеком, ведя под руки почтенного старца, покрытого сединами, согбенного под тяжестью лет. Он подвел его к Шамагулу и взвопил: «Вот счастливый смертный, который, по внушению великого нашего пророка, жаждет упиться от рек медоточивых у стен твоих и восприять от тебя благословение».

Я ожидал от Шамагула самого красноречивого возгласа, да кажется и случай к тому был самый способный в его жизни, но он со всего размаху повалился к ногам старца, облобызал старые туфли его, и со стоном, вполголоса произнес: «Безмолвствую и благоговею!» Мне казалось, что такой со стороны его низкий поступок навлечет на него неизбежное от всех презрение, но я обманулся. У всех предстоящих навернулись на глазах слезы умиления, а седой Ханжак, протянув с кротостью руки на главу поклонника, поднял его и указал перстом место на ковре, где Шамагул и расположился, а сам восседши на подложенной высокой подушке, начал перебирать зерна на своих четках и шевелить губами.

Глава 4

ТАИНСТВА МАГОМЕТАНСКИЕ

По окончании этой мысленной молитвы, имам отверз велеречавые уста свои, и обратясь к Шамагулу, вещал: «Сын мой! Чтобы называться правоверным и быть таким

на самом деле, тебе уже немного надобно, ибо великий пророк Магомет предварительно просветил ум твой и отверз сердце к приятию священных истин веры. Одна вера, простая, несомненная вера всем таинствам, сотворенным на земле или великим Аллою, или его пророком, достаточно сделать тебя правовернейшим из всех правоверных, а особенно в сии времена греховные, когда редко кто не дерзает умствовать и судить о невозможности невозможного. Да упасет тебя твой добрый дух хранитель от такового искушения! Всякая тайна для того и названа сим именем, чтобы дерзкие отнюдь не отваживались к прониканию оной. Итак, несомненно ли верить, что Алла — есть Алла, и что Магомет — есть великий пророк его?» — «От всей души моей и от всего сердца моего!» — «Хорошо! Это есть основание всей веры нашей. Теперь с подобною несомненностью надобно верить другим великим таинствам, а именно: 1. Что вся твердь земная стоит неподвижно на спине соразмерной величины лягушки, плавающей по неизмеримому пространству вод. 2. Что пророк — есть родной брат Солнца и дядя Луны. 3. Что употреблять в пищу свинину и в питье вино — есть то же, что заживо лезть к сатане в горло. 4. Что разведясь с женою нельзя законно опять соединиться с нею, пока посторонний мужчина не очистит ее от поношения, разводом ей причиненного. 5. Что серая кошка пророкова в свое время лучше разумела смысл таинственного Алкорана, нежели теперь разумеют многие из самых ученых имамов и муфтиев! Всем ли этим высоким истинам веришь ты от чистого сердца?» — «С подобающим благоговением верю и поклоняюсь». — «А когда так, то благословен будет Алла во веки! Идем со мною, и в первой мясной лавке* ты сподобишься наречься истинным мусульманином».

Сказав слова сии, имам встал, а с ним вместе и Шамагул со всем народом пошли за мурзою Нuzдалом. Оставшись один с Бектемиром, ибо некто из присутствовавших, приметя намерение наше вмешаться в толпу Шамагула провожавшую, погрозил нам дубиной, — мы не могли прийти скоро в себя от странности происшествий. «Как можно, — вскричал я с жаром, — как можно было думать, что и просвещенный политик Шамагул до такой степени оду-

*Людей незнатного происхождения, пожелавших принять магометанство, обыкновенно обрезают в мясных лавках.

реет, что станет верить явным нелепицам? Возможно ли, чтобы татарский Алла мог поместить всю землю на спине лягушки, когда и наш Кукам едва помещается на спине овода?» — «Пусть так, — воззвал Бектемир, — не станем судить о том, что могут сделать боги, горные ли они, или степные; но чтобы их пророки могли по чему-нибудь войти в родство с небесными светилами, хоть поверь, не понимаю!» — «А каково покажется для всякого, — подхватил я, подскочив к нему, — не говоря уже о политиках, что простая серая кошка Магометова была умнее человека, как бы он умен ни был, следовательно, и нас обоих!» — «Вдзор, нелепица! — вскричали мы в один голос, — жаль, что такой разумный человек, а притом и политик, каков был Шамагул, в число пошлых дураков записался!»

Глава 5

ОШИБКА В ХОЗЯЕВАХ

До самого полудня тешились мы, то издеваясь над Шамагулом и его тайнствами, то ругая их немилосердно. Видя же, что никто не приносит нам ни пищи, ни питья, а время к сей поре приблизилось, я и Бектемир пустились на базар сами, и по прежней благой привычке пришед к знакомому татарину, торговавшему съестными и питейными припасами, потребовали всякой всячины. Все в один миг было доставлено, и мы принялись удовлетворять житейским нуждам. По окончании трапезы я хладнокровно сказал: «Что-то друг наш Шамагул теперь поделывает?» — «Твой друг? — спросил татарин весьма сурово, — берегись впредь называть этим именем великого мужа! Он теперь правоверный, а вы оба джауры! Я своими глазами видел, как в присутствии праведного Ханжака лишили его той вещицы, которая обнаруживает адского поклонника».

Тут татарин распространился в описании мужества, с каковым Шамагул перенес кровавый признак его правоверия, а кончил речь объявлением, что как после сего случая не будет уже на небеси ничего общего между нами и новообращенным, то и на земле мы отдалились от него на неизмеримое пространство.

Наскуча пустословием сего невежды и чувствуя наклонность ко сну, мы не отвечая ему ни слова, встали, и

хотели направить шаги к своему жилищу, как татарин, прыгнув вперед, нас остановил, и протянув руку, вскричал: «Как, беззаконники! Уйти не расплатясь со мною? Нет! Сейчас клади мне в руку по юзлуку, и тогда ступай хоть в преисподнюю».

Мы остолбенели. «Для чего же ты, — спросил я, — до сего времени не требовал от нас ни пол апроса, когда мы трое у тебя насыщались?» — «Превеликая разница! — отвечал продавец, — тогда я угощал готовящегося к православию Шамагула, а для него уже и вас двух тунеядцев! А теперь за что? Сейчас пару юзлуков, а не то...» — «Но у нас, добрый человек, — говорил я с печальным видом, — денег очень мало!» — «Право? — закричал татарин, — так видно вам хочется короче познакомиться с мурзою Нуздалом? Хорошо; пойдем к нему, и увидим, разрешит ли сей правдивый судья, чтобы всякий праздношатающийся ел у меня и пил даром? Доброе дело я сделал, что сего утра отнес к нему лучшую часть баранины!»

Видя, что от сего гостеприимца добром не отбояриться, полез я за пазуху, вытащил чахотную мошну свою, и вынув два юзлука, подал со вздохом татарину. «Этак-то лучше, — сказал он, — теперь столько же давай за вино!» — «Столько же? Это очень дорого!» — «А зачем пьешь дорогое вино? Два юзлука, или сейчас к мурзе Нуздалу!»

Тут живо представился мне тюремный пристав в Моздоке. В голове моей вдруг родилась мысль: «Если не удовлетворить сего бездельника, а идти к мурзе, то юзлуки все пропадут, а в барышах будет, что мы очутимся в тюрьме, и тогда прощай княжество и Сафира!» Вздохнув тяжелее прежнего, я подал безбожнику еще два юзлука, и отворотился, чтобы уйти, как он, остановя меня, сказал: «Вижу, что ты человек добросовестный, и даром чужим добром пользоваться не хочешь! Но чтобы таким быть в полной мере, верно считаешь еще два юзлука; посуди сам и не ахай: полученные от тебя деньги принял бы я со всякого правоверного, который взял бы у меня что полюбилось и ушел прочь. А как вы оба неверные горцы, а притом под этим навесом из наилучшей циновки рассевшись как ханы, потчиваны были со всем усердием, то это чего-нибудь стоит, а именно два юзлука, и нисколько не меньше!»

Кинув еще два юзлука, мы опрометью бросились бежать к своей хижине, и вошедши в нее, не нашли ничего,

кроме голых стен. «Вот, Бектемир! — сказал я, — вот превратность человеческого счастья? Так ли поступили с нами теперь, как поступали вчера в эту пору? Не опять ли неприимый Кукам навевает на нас новые хлопоты? Не опять ли черная полоса в сем году возобновляется?»

«Пустое! — отвечал Бектемир, — сама справедливость требовала, чтобы мы заплатили за обед татарину, ибо и ему не с неба валится печеный хлеб и жареная баранина. А что он взял непомерно дорого, то впредь будем умнее, и не прежде к чему-нибудь чужому прикоснемся, пока не узнаем, чего это будет нам стоить, иначе, за взятую без спросу щепку должен будешь платить серебряным слитком, или и того дороже — свободою!»

«Ты не глупо рассуждаешь, хотя и не политик, — сказал я, — но что теперь будем делать? Юзлуков в казначействе нашем крайне мало, а до Астрахани, говорят, довольно неблизко; друг же наш Шамагул, который обещал пропитать нас обучением невежд божественной науке своей, политике, подружился с врагом нашим, Магометом, и для нас теперь то же, что умер. За что примемся теперь, мой верный Бектемир?»

«Утро вечера мудренее, — отвечал он, — завтра увижусь я с Шамагулом. И как он теперь в немалой чести, то и друзей у него немало; а потому несомненно надеюсь, что он, в надежде будущих благ, легко может признать денег, и в надежде тех же благ, ссудить своего прежнего властелина. Тогда мощна твоя растолстеет, и мы спокойно пустимся к светлейшему хану Самсутдину».

Кивнув головой, я утвердил предложение Бектемира.

Глава 6

УТЕШЕНИЕ

Настал день, и мы открыли светлые очи свои, ибо не от чего было им помутиться, когда ничего не ужинав, всю ночь провалились на голых досках. Принеся моление Макуку, чтобы он милостию своею не оставил верных поклонников, мы отправились отыскивать Шамагула, поведать ему скорбь нашу и потребовать помощи. Проштатавшись довольно долго, мы насилу добились толку, узнали обита-

лице нашего отщепенца, и бросились навестить его; но в то же время нам объявлено, что до истечения нескольких дней праведного мужа никак видеть не можно; ибо он, по причине немощи, безвыходно остается в своей храме, где только имеют право приближаться к нему врач, мурза Нуздал, Сабек и несколько прислужников, а мудрый имам Ханжак довершает свое поучение. На вопрос: «Как долго Шамагул пробудет в таком состоянии?», нам ответили, что это зависит от устройства духа его и тела, то есть до тех пор, пока совершенно не исцелится и не наберется вышней благодати, а то и другое исполнится по прошествии десяти или двенадцати дней.

Делать нечего, надобно ополчиться терпением, и соображаясь с настоящими обстоятельствами, учредить свое поведение. Я хотел было опять посетить мясную лавку татарскую, но Бектемир, остановя меня, сказал: «Князь! Ты не осудишь, если я совсем не бывши политиком, на сей раз скажу тебе нечто политичное. Прежде двенадцати дней мы Шамагула не увидим, а хотя бы и увидели, но пока юзлуки его не перешли в твою мошну, берегись почитать их своими. Что только у тебя — то одно и твое. Как ни хорош лук твой, как бы метко не стрелял ты, но пока гусь летит в небе, не располагай, что из него сделать, жаркое или похлебку! Итак, пока мы каким-нибудь случаем не разживемся, будем довольствоваться утробы наши одним насущным хлебом и чистою водою из гостеприимного Терека; притом же теперь осень, и я заметил, что многие сады и огороды остаются совсем без надзора; следовательно, мы можем иметь в изобилии всякие плоды; не платя за них ни апроса; а добывание оных я беру на себя».

В силу сего рассуждения, мы учредили образ своей жизни. Каждый день, в обеденную пору, ходил я на базар, запасался нужным количеством хлеба и отправлялся на берег Терека, в место самое уединенное. Там вскоре находил меня верный Бектемир с кисою, полною моркови, редьки, репы, а иногда с дынею, арбузом и несколькими яблоками. Мы усаживались на поблекшей траве, ели, и с философским видом отряхивали с себя листья дуба, клена и прочие, сыпавшиеся на головы наши при малейшем дуновении ветра.

Иногда, взирая на эти неложные признаки стареющей природы, я невольным образом задумывался, и вздох вы-

летал из моей груди. Бектемир, который день ото дня делался в глазах моих все более разумнее, говаривал: «Князь! Мне кажется ты даешь волю недостойному унынию возмущать свое спокойствие! Трава, на которой сидим и градом падающие на нас листья древесные, были некогда зелены и свежи; они испещрялись цветами и нежили утомленного путника благоуханием и прохладой. Таковы ли они теперь, и такими ли останутся, когда подуют ветры зимние, и когда земля, покрывшись снегом, представит образ седой дряхлости, к гробу клонящейся? Но надолго ли благой Макук в сем жалком состоянии оставляет свое творение? Нет! Придет опять весна благодатная и все оживет снова, все снова зацветет и украсится! Так-то, думаю, справедливость Макукова поступит и с нами. На вершинах Кавказа были мы в своем лете; ныне настала наша осень; легко станется, что не убежим и от зимы суровой. Но неужели никогда не расцветет для нас весна прелестная? Нет! Я не столь мало полагаюсь на благость и могущество Макуковы, чтобы мог сомневаться в любви его к нам и в помощи».

Такие суждения сардара меня успокаивали и вместе удивляли. «Верный друг, Бектемир! — говорил я, — очевидно, что и несчастье к чему-нибудь пригодно! Для чего ты на горах не рассуждал так разумно, красноречиво? Для чего ты в Совете моем почти всегда был молчаливее быка и скромнее ишака?»

«Неправда! — отвечал сардар — и в Совете твоём и в чертогах я всегда говорил, что мыслил; а если молчал, то уже тогда, когда совершенно был уверен, что мои слова огорчат тебя или твоих придворных и не принесут ни тебе ни мне никакой пользы!» — «Как так?» — «Припомни только: советовал ли я тебе бить Маркуба, сажать его в крепость, священнодействовать вместо него во храме, влюбляться в роковую княжну Сафиру, выдумать орден Нагайки, сажать в яму князя Кубаша и принимать объявление войны от отца его? Никогда сего не было с моей стороны, ибо я в дела любовные и политические отнюдь не охочь был вмешиваться. Впрочем, печалиться не нужно, ибо бесплодное раскаяние, я согласен в сем случае с политиком Шамагулом — есть дело крайне глупое».

Рассуждая таким образом, мы один другого утешали, и я, обнимая Бектемира, говорил: «Так как Шамагул теперь нас навсегда оставил, то коль скоро великий Макук благо-

волит возвести меня опять на прародительские козлы, клянусь — я в одной особе твоей соединю звания визиря и сардара».

Хотя по прошествии двух дней после обрезания Шамагулова нас изгнали из храмины, объявив, что она, как общественное здание, не должна быть оскверняема неверными, однако мы не уныли и не оставили намерения дожидаться совершенного выздоровления нового мусульманина. Мы отыскиали пустую на выгоне овчарню и в ней заночевали.

Глава 7

В ПОХОД, О МАКУК!

Урочное время прошло, и мы, оживляемые надеждой, скорыми шагами отправились к верному своему другу.

Кто отпишет наше неудовольствие, гнев, уныние, когда нам возвещено было, что праведный муж Шамагул, получив полное исцеление от своей немощи и набравшись с избытком просвещения как нельзя больше, прошедшего утра в главной мечети посвящен всем наличным духовенством в муфтии, и вскоре потом, в сопровождении благородного Сабека и многолюдной свиты, отправился ко дворцу Самсутдинову, причем, в знак своей муфтийской щедрости, рассыпал восхищенному народу целые два мешка медных денег.

Разумный Бектемир, видя, что я потерял употребление языка и не двигался с места, молча взял меня за руку и повел к берегу Терека. Я следовал за ним, не понимая сам себя, до обыкновенного места нашей трапезы, и когда путеводитель выпустил меня из рук, то я повалился на землю и лег ничком.

Когда первые порывы душевной бури утихли я, поднялся, склонил на руку голову и вздохнув из глубины сердца, сказал: «Клянусь тебе жизнью, верный Бектемир, что горесть, мною теперь ощущаемая, сравниться может только с тою, какую почувствовал я, когда опомнясь после сражения на горах наших, уверился, что я потерял и княжество, и Сафиру! И вероломный Шамагул мог поступить с нами так недостойно! Не я ли был друг и брат его? Не поклялись ли мы и счастье, и несчастье сносить вместе? Не я

ли, стыжусь выговорить, не я ли, не щадя ничего, искупил его из темницы моздокской? Ах, Шамагул! Это ли знак мудрого политика, чтобы сыпать деньги зевающей на тебя черни, и не вздумать, что друзья твои остаются без всякой помощи? Ах, изменник! Мог ли я ожидать от тебя, от бывшего друга и собеседника, от своего визиря, облеченного некогда всею моею доверенностью? О, Макук!»

«Напрасно так тужить изволишь, — сказал Бектемир, — и не будучи великим политиком, кажется, можно было ожидать такого последствия. Сколько бы Шамагул не был тебе обязан, однако, думаю: он должен был считать себя более обязанным державному Макуку! А кто не усомнился изменить Богу, тот усомнится ли изменить другу! Пропадай он, — человек ничтожный, — вскричал Бектемир, — мы и без него обойтись сумеем! Впрочем, не зная точных причин такого со стороны его поступка, мы опрометчиво не должны обвинять его. Может быть, до времени политика воспрещала ему, среди новых единоверцев, продолжать дружбу со старинными знакомцами. Когда-нибудь доберемся правды! А как теперь ожидать нам в Кизляре нечего, то с завтрашнего дня пустимся по дороге к Астрахани, дабы достичь сей столицы до ниспадения на землю снега».

«Когда так, — вскричал я, — то и завтрашнего дня ожидать нечего. Город этот мне опротивел. Ступай-ка в огороды за своею добычей, а я пушусь в город за хлебом. Запасемся, сколько можно больше, и пустимся в путь по течению Терека».

Исполня по сему условию, мы отправились в дорогу, навьюченные своими припасами, и когда солнце начало склоняться к западу, мы были уже далеко в чистом поле. Беспреданно переменяющиеся виды мало-помалу разгоняли облака нашего уныния; прохладный осенний воздух освежал наши чувства, и мы не поддавались излишнему утомлению. Около двух десятидневий провели мы в сем путешествии, и день ото дня надежда лучшего оживляла сердца наши. Мы не иначе вступали в селения, как для запаса хлеба, так и для укрытия от непогоды, которая также день ото дня делалась для нас ощутительнее. Таким образом, прошли мы и Наур, последний город пред Астраханью, считая от гор Кавказских.

СОПУТНИК

К концу первого дня, по выходе нашем из Наура, увидев недалеко еловый лес, который зелеными, пушистыми ветвями способнее, чем другое место, мог дать нам убежище во время осенней ночи, мы направили к нему шаги свои. Вступив в свою природную обитель покоя и пройдя сотни две шагов, ища себе удобнейшего приюта, немало удивились, увидя при корне большой сосны молодого пригожего татарина в щеголеватом платье. Он был несколько изумлен нашим появлением, и из взоров его видна была робость и замешательство. Чтобы его успокоить, тотчас объявили, что мы простые путешественники с гор Кавказских и смиренно пробираемся в Астрахань искать там своего счастья. А чтобы родить в нем больше доверенности, то разложили свой ужин, начали насыщаться и потчевать его. Он от сего не отказался, хотя по всему видно было, что делает это более из учтивости, чем от побуждения голода.

Когда молодой человек между прочим услышал, что мы и ухом не ведаем Магомета, а поклоняемся горному Макуку, то сделался еще откровеннее и по просьбе нашей рассказать что-нибудь о себе для препровождения времени в ожидании сна, он удостоил нас такой доверенности, какой и не ожидали.

«Я называюсь Гассаном, — говорил молодой татарин, — и родился в знаменитой Астрахани. Отец мой был из немало-важных чиновников при дворе ханском и пользовался изрядным достатком.

Мне было около пяти лет, как в столице нашей возникло общее поверье, по законам коего всякий из благородных татар считал себе за стыд, если не участвовал лично, хотя один раз в жизни, в набегах, делаемых на Московскую область. Большим к сему соблазном было, что многие возвращались оттуда обогатясь чистым серебром и золотом, крепкими невольниками и прелестными невольницами. Отец мой, прельщенный такими выгодами, пристал к многолюдному ополчению, вооружившемуся на такой подвиг, испросил от муллы благословение, сам благословил мать мою и меня и отправился с полною верою и надеждой скорого и счастливого возвращения. Мы с тою же верою

и надеждой отпустили его; но и та и другая немилосердно всех нас обманула, ибо прошел целый год, а отец не возвращался, и мы, от появившихся на родине некоторых его спутников, к крайней горести услышали, что ополчение их было разбито на голову, и отец мой, вместо возвращения с невольниками, сам попал в неволю.

Мулла, посетивший нас для утешения в горести, ясно и неоспоримо доказал могущество судьбы, самовластно располагающей жребием правоверных. А как он почел за нужное уведомить мать мою, что душа ее, по неизменным законам нелживого Алкорана, расставшись с бранным телом, развеется в пространстве воздуха и исчезнет, как исчезает клуб дыма, из табачной трубки выходящий, то мать приняла благоразумное намерение пользоваться своим здоровьем и достатком, пока не настала грозная минута, в которую она обратится в пар.

После пропажи отца моего прошло пятнадцать лет, и мы с матерью проводили жизнь благополучную. Дом наш открыт был для всякого, кто лучше любил смеяться, нежели плакать. Мы не разбирали в кого или во что верили наши гости; довольно, если они были люди здоровые, веселые, ласковые. От того у нас нередко ликовали вместе поклонники Магомета, Зороастра, Моисея и Макука; а из этого разумно рассуждал я, что радость наша — есть угодный дар всякому божеству, золотому, серебряному, медному, деревянному, и даже написанному на лоскуте холстины».

Глава 9

ПРЕКРАСНАЯ НЕВОЛЬНИЦА

«В числе любимейших гостей моей матери, — продолжал Гассан, — был армянин Иованес, купец, торговавший разными травами, кореньями и водами, кои, по таинственной силе своей, одному ему известной, молодым неплодным женщинам даровали плодородие, а старухам возвращали — если не молодость, то, по крайней мере, все порывы и требования молодых лет. После сего неудивительно будет, если объявлю, что он был весьма не убог и в большой чести. Даже великолепная мать ныне здравствующего

хана содержит его в особенной милости и пользуется его лекарствами.

Мог ли я при тогдашнем образе жизни подумать, что бывают еще радости, дотоле мне неизвестные? Недели за четыре пред сим доброхотный Иованес пригласил меня к себе в дом и предложил разного рода увеселения. Посетителей было немного, но все люди веселые и затейливые. Пиршество наше продолжалось при пении и плясках; и как Иованес, по закону своему, открыто тянул вино астраханское, то соблазнил и православных, и все добрым порядком развеселились. Чтобы несколько прохладиться, я украдкой от гостей и хозяина пробрался в его сад и расселся в тени виноградника.

Обратив нечаянно глаза к дому Иованеса, я увидел у окна девицу. Нет! Это был ангел из рая Магометова, или одна из прелестнейших гурий. Она в сладкой задумчивости, облокотясь на лилейную ручку, неподвижным взором смотрела на голубое небо. Лучи закатывающегося солнца озаряли часть лица ее, и в сем непостижимо прелестном положении она подобила жителя эдема, который спускаясь к нам, бедным грешникам, с божественной улыбкой говорит: «Мир вам и милость!» Я обезумел! Чем более смотрел на бесподобную незнакомку, тем более забывался, и верно бы не опомнился до ночи, если б хозяин меня не хватился, и голос его, меня призывающий, не раздался по всему саду. Я возвратился в беседу, но уже не находил в ней прежнего веселья, и от нестройного пения, шума и крика голова у меня еще пуще закружилась. Я возвратился домой исполненный вином и любовью.

Поутру, пользуясь правами мусульманина относительно иноверца, я решился посетить Иованеса, но прежде хотелось мне знать, кто такова была прекрасная незнакомка. Мне давно известно было, что он бездетен, несмотря на изящество лекарств своих; жену ж его я несколько раз видел, и она даже в молодости совсем не походила на мою прелестницу.

Вошед к Иованесу, я без обиняков признался в страсти и спросил: «Кто эта красавица, и каким способом могу достичь счастья, чтобы владеть ею?» Армянин, уставя на меня глаза, несколько времени не отвечал ни слова; но когда я с большею живостью повторил вопрос, то он отвечал с улыбкою: «Изволь, друг мой! Я удовлетворю твое желание:

несколько времени назад, прогуливаясь в окрестностях астраханских, настигнут был я толпою татар, ведших двух пленных на аркане. Один был москвитянин, а другой, которого прелестный вид поразил меня, по-видимому, горец. «Что вы хотите делать с этими пленными», — спросил я воителей. — «Что обыкновенно следует — продать», — отвечали они. — «Положим так, — сказал я, — продать москвича нимало негрешно; но, кажется, Кавказские горы с нами в союзе, и оказывать горцам насилие наравне с неприятелями — неловко!» — «Вот еще какая разборчивость, — сказал один из них, — довольно с нас, что он не татарин!» — «Суди сам — нас полсотни храбрецов отправилось в пределы Московские за добычей; из всех, как видишь, осталось семь человек, и за потерю сорока трех добрых мусульман удалось нам захватить одного этого негодяя. С чем тут ворочаться назад? Чем делиться? К счастью, недалеко отсюда попался нам этот молодой горец — мы и его на аркан. Хотя он очень еще молод и слабосилен, однако и за него что-нибудь дадут! Сжался над состоянием молодого прелестного человека, и видя, что с правоверными не слажу иначе, как посредством денег, я начал торговать его и после нескольких с одной стороны уступок, а с другой надбавок, купил его за пятьдесят юзлуков и привел домой. Тут к неописанной радости узнал, что вместо слабого горца досталась мне прелестнейшая девица. Я одел прелестную невольницу в приличное ее полу платье, назвал Гульбекою, и видя всегдашнюю унылость ее, решился возможными услугами рассеять оную. Я доставил ей истинно райские увеселения, именно: никогда и ничего не делать; есть сытно и спать, когда вздумается. После сего я имею причину надеяться, что она, спустя немного времени, сделается еще прелестнее! Доволен ли ты этим известием?»

«Благодарен! — отвечал я, — но ты удовлетворил только половину моего желания!» — «Хорошо! — отвечал Иованес, — я удовлетворю и другую половину. Как скоро прелестная Гульбека, пользуясь всеми выгодами жизни, сделается еще милее, и будет походить по дородству своему на женщину на сносях, то я представлю ее богатому, много-мощному и щедрому визирю Батырше. Я не усомнился бы представить ее и самому державному хану Самсутдину, да беда, что он худой плательщик!» — «А если, — вскричал я, — я отдам тебе половину моего имения?» — «Все твое

имение, — отвечал армянин ласково, — меньше стоит половины того, чего я от визиря ожидаю! Я давно и хорошо знаю лакомого Батыршу».

Тут хладнокровно оставил меня жестокосердый Иованес и перестал посещать дом наш, а с сим вместе и мне запрещено видеть несравненную Гульбеку. Ах! Один тот, кто любил страстно, и любил без надежды, может представить тогдашнее положение сердца моего! Я завидовал спокойному состоянию последнего из моих невольников, завидовал даже моим ишакам, незнавшим других забот, как после дневных работ вдоволь поест сена, и другого наслаждения, как после того уснуть хорошенько на сухой соломе.

О, любовь, любовь!

Глава 10

ЛУЧШЕЕ ИЗВИНЕНИЕ

Скука и душевная тоска, — говорил далее молодой наш знакомец, — родили во мне ко всему отвращение, и я не походил уже более на веселого Гассана. При дворе, где имею счастье служить в должности одного из ханских птичников, прежде всего, заметили такую во мне перемену, а несчастный случай сделал ее известною и пред самым державным Самсутдином.

Вскоре после того двор в многочисленной свите отправился на охоту к восточным берегам моря. Хан двенадцатью чиновниками несен был на великолепных носилках; а я, по должности своей, шел по правую его сторону, держа на руке любимого ханского кречета, которого бы он не отдал и за цену лучшего города. Прочие сопутники ехали на борзых конях, имея каждый на руке по ловчей птице.

Когда поднято было стадо диких гусей, хан схватил с руки моей кречета, снял с головы его кожаный колпак, указал пальцем на гуся, который показался ему дюжее других, и пустил пернатого птицелова, который вскоре настиг свою добычу, впустил в ребра ея острые когти, и крупные капли кровавого дождя оросили охотников.

Начало очень хорошо, но окончание довольно худо. Вместо того, что приученный, умный придворный кречет, по своему обыкновению, должен был вырвать у своего пленника глаза, принести его к торжествующему повели-

телю, чтобы он мог полюбоваться последним его трепетанием, — к крайнему недоумению всех, кричат начал щипать гуся, терзать, и кружась в воздухе, насыщать алчбу свою и жажду; и, наконец, — в виду нашем спустился на землю и продолжал свою работу. «Праведный пророк! — вскричал хан с неописанною горестью, — конечно, я заслужил гнев твой, что караешь меня столь чувствительно! Что сделалось с моим криком, который бывал иногда умнее тебя, верховный визирь Батырша! Неужели он лишился рассудка, что, подобно голодному ворону, не покидает своей добычи? Сейчас поймайте изменника».

Куча всадников бросилась к вероломному крику; но как скоро к нему приближалась, он поднимался в воздух, отлетал на перелет стрелы, садился на землю, и продолжал пиршество. Наконец, насытившись, он сам прилетел к хану и сел к нему на руку, имея в лапе одну голову добычи, а прочего, кроме костей и перьев, рассыпанных по полю, ничего не осталось.

«Клянусь усами и бородой отца моего, — вскричал хан, — что бедный крик, по крайней мере, трое суток терпел голод! Где и кто пристав птичий?» — «Повелитель! — отвечал я, подойдя к нему, — твое высокоочиние не ошиблось; именно твой крик постился пять дней и пять ночей». — «Что слышу? — вскричал с ужасом хан, и едва не опрокинулся с носилок, — какая же была причина сего ужасного несчастья?» — «Увы, — отвечал я, преклонив колени, — во все это время был я в беспамятстве от жестокой любви». — «Понимаю! — сказал хан, обратясь к своим вельможам с язвительною улыбкою, — однако я думаю, что сей страстный любовник в течение сих пяти дней не провел ни одного, в которой бы не ел и не пил! Сейчас нечестивцу сему отсчитать сто ударов по подошвам и заключить в темницу, пока я не разберу дела в тонкости. Я люблю правосудие и не забываю своего сана!»

Нечего и спрашивать, в точности ли исполнено данное повеление.

На другой день я был представлен хану, который объявив мне о любви своей к правосудию, увещевал признать себя откровенно, не имел ли я злодейского умысла уморить крикета голодною смертью, и не было ли в сем святотатстве сообщников?

Простершись во прахе ног его, я открыл ему всю ис-

тину о безмерной любви моей к прелестной Гульбеке и рассказал все, что слышал об ней от корыстолюбивого Иованеса. Я клялся громом пророка, что одна любовь была причиною моего преступления, и что я менее всего желал в этом деле иметь сообщников.

«Разве она и подлинно так прекрасна, как ты рассказываешь?» — спросил хан, расправляя усы. — «О, повелитель! — отвечал я, — что значит свет месяца против блескания солнца, или тусклое мерцание дымной лучины — против света звезды вечерней? Таковы красоты всех женщин против невообразимых прелестей Гульбеки!»

«Хорошо! — сказал хан, — возьми двух человек из моих телохранителей, и сейчас представь пред очи мои Иованеса и Гульбеку. Любопытство мое равняется любви к правосудию, которое не оставить без должного рассмотрения, какое имеет право несчастный армянин, нашедший убежище и защиту в областях моих, столь дерзко издеваться надо мной, что лучше соглашается доставляющуюся ему красавицу передать визирю, чем своему повелителю».

Глава 11

ТЩЕТНЫЕ ПОИСКИ

По ханскому повелению, взяв двух его телохранителей с собою, быстрее вихря полетел я к жилищу Иованеса. На дороге не мог я довольно восхвалять милосердие и правосудие хана Самсутдина. «Как хорошо — говорил я сам себе, — иметь такого мудрого повелителя! Он собственными глазами хочет видеть Гульбеку, удостовериться в несравненной красоте ее, и после порассудить, действительно ли она стоит того, чтоб занявшись ею, на целые пять дней забыть об участии придворного кречета?»

Немало досадовал я, не застав в доме ни Иованеса, ни Гульбеки; а старый невольник объявил, что они пошли в один из загородных домов, чтобы в тамошних садах насладиться прелестями природы. «Какая тут прелесть? — вскричал я — в садах теперь также голо и пусто, как и во всяком лесу; это одна пустая отговорка».

Сколько ни увещевал нас невольник не нарушать тишины и спокойствия, однако мы вошли в дом, обыскали каждый уголок, заглядывали в каждую щель, но не на-

шли, чего столь ревностно искали. Сердце мое начало трепетать от опасности, что может быть неверный Иованес, прослышав о причине заточения моего в темницу и предвидя последствия, оставил навсегда дом свой и скрылся с Гульбекою. Мы прождали целый день, целую ночь, и с началом другого утра совершенно уверились, что с таким же успехом можем ждать, сколько пожелаем. Я намеревался было также оставить Астрахань, не столько для того, чтобы увидеть прелестную невольницу, сколько, чтобы не видеть многомогущего любителя правосудия; но его стража этого не допустила и угрожала силою привести к хану, если не пойду добровольно.

Представ пред разгневанным повелителем, который, вероятно, предуведомлен был о моей неудаче, повалился я к ногам его, и плачевно сказал: «Да осенит великий Алла благодатью чело твое и посеет в сердце твоём семена радости и веселья; да прозябнут они и зацветут, подобно...» — «Да поразит тебя гнев мой, — взвопил хан, — как поражает возрастной слон хоботом полугодовалого жеребенка. Ты осмелился явиться ко мне без Гульбеки, которая, по твоим же словам, прекрасна как гурия, и, вероятно, невинна, как дочь пророка! Забейте до смерти сего злодея мокрыми воловьими жилами!»

Я содрогнулся при сих роковых словах и живо представил мучения и горькую кончину, мне назначенные. Однако ж это самое сотрясение души моей произвело во всем существе большую перемену. Вдруг сделался я непомерно храбр, и встав с пола, распрямился и твердым голосом произнес: «Милосердный повелитель! Без сомнения, ты меня погубить можешь; но рассуди, какая тебе будет польза от моей смерти? Не прибыльнее ли, когда я, взяв двух храбрейших твоих телохранителей, пущусь в погоню за неверным армянином и за прелестною его спутницей? Кто тебе, кроме меня, представить их может? Клянусь, — если через тридцать появлений луны, явлюсь один к золотому твоему дивану, то и не вздохну, если прикажешь сухими или воловьими жилами приколотить меня до смерти».

Подумав несколько, хан обратился к любимым своим вельможам: визирю Батырше, сардару Ишмурату и назиру Туймаку, и спросил: «Что они о представлении моем думают?» Они люди великие, притом разумные, почему единогласно утвердили, что живой человек всегда полез-

нее мертвого; и что если для спокойствия его необходимо, чтобы я пал под ударами, то и после тридцати дней это весьма удобно будет сделать.

В силу сего определения, в тот же день, простясь с рыдающей матерью и запасшись на дорогу мешком юзлуков, отправился я в дорогу с двумя спутниками, обозрел все окрестности Астрахани, а там далее и далее, — но тщетно. По всему видно, что смерть моя предопределена в книге судеб, и всякое желание этому воспротивиться непростительное богохульство! Дни моих поисков текли на крылах ветра; через пять дней исполнится роковое число, и я должен предстать раздраженным взорам грозного повелителя — без прелестной Гульбеки!

Проговоря эти слова, печальный Гассан погрузился в мрачные мысли, опустил руки и повесил голову.

Глава 12

ПРИЯТНАЯ ПОЛИТИКА

Выслушав повествование незнакомца, я в свою очередь задумался. Видно не одного меня, говорил я сам себе, гнетет роковая десница Кукамова; видно и другие имеют свое черное время! Что я видел доброго, во все время странствия, кроме печалей и горестей, вокруг меня разливаемых? Всего непонятнее было для меня, что сей татарин с одного взгляда влюбился в красавицу; но как скоро представил себе первое свидание мое с прелестною княжною Сафирою, и то впечатление, какое она произвела на меня, то охотно прощал его неразумие. Напротив того, не мог простить его в совершенной глупости, что в течение двадцати пяти дней не нашел случая избавиться от своих охранителей и не пустился искать счастливейшего места под солнцем.

На замечание мое он отвечал: «Правда твоя, что я весьма легко мог бы уже давно быть вне владений Самсутдиновых, если б только ничто другое не препятствовало мне, кроме проводников ханских, которые в самой вещи мало в чем-либо противоречат. Люди эти очень довольны, что я обильно снабжаю их ежедневно деньгами, на кои, запасшись съестным и питейным, прохлаждаются сколько душам их угодно! Но есть другая непреоборимая к тому причина — моя судьба, которая ведет в Астрахань — под удары ханские, на смерть неизбежную».

«Ты весьма малодушен, — сказал я, — и худой политик, что так суеверно поклоняешься своей богине — судьбе! О, если бы еще был теперь с нами друг наш, величайший из возможных в свете политиков, то он неоспоримо доказал бы тебе, что следовать влечению своей судьбы есть то же, что действовать по смыслу своих сновидений! Поверь, что я сам в настоящее время весьма несчастен, но и не думаю покориться вашей судьбе; ибо несчастья мои расположены по власти великого бога Макука, и — по его назначению окончатся».

«Я не вижу тут никакой разницы, — отвечал татарин, — как хочешь назови то, что невидимо нами управляет; как скоро следствия одни, то и в названии причин — нужды мало».

Мне хотелось продолжить с ним разговор и доказать, что я не какой-нибудь обыкновенный странник, как два сопутника его к нам приблизились. Это были татары, вооруженные исправно луками, саблями, кинжалами и снабженные большими кисами, в коих приметны были дары Макуковы.

Догадливые татары тотчас на нижних ветвях ели развесили толстые бурки свои и сделали прекрасный шалаш, способный всех нас вместить и обезопасить от дождя и ветра. После сего расположились все на траве и начали отправлять вечернюю трапезу; а как скоро дружелюбный Гассан попросил и нас принять в оной участие, то мы, а особливо Бектемир, восхваляя в мыслях благотворного Макука, принялись за это с такою охотой, какую и всякий другой имел бы на нашем месте. Под конец, когда вареная баранина согрела наши желудки, а вино астраханское разлило в каждой капле крови нашей веселие, я предложил в свою очередь свои закуски, как то: морковь и репу, что также в это время имело свою цену. Бектемир, молчавший во все время свидания нашего с Гассаном и его спутниками, в первый раз с восторгом проговорил: «Я не знаю лучшей, умнейшей и приятнейшей политики в свете, как жить мирно до конца жизни там, где кто родился; если же крайняя необходимость потребует двинуться с места, то — путешествовать с тузлуками и бараниной!»

Собеседники, поблагодаря Бектемира за такую учтивую речь, предложили, что если нам нравится не разлучаться с ними, то от нас самих зависит — не отставать до самой Астрахани.

Бектемир вместо ответа улыбнулся, а я возблагодарил за столь приятное предложение самыми отборными словами.

Глава 13

ЭТО ОНА!

Начав с восходом солнца свое путешествие, мы провели в оном пять дней довольно сносно. Спутники наши ехали верхом, а мы с Бектемиром шагали подле. Хотя осенний дождь нередко пробивал нас до костей, пронзительный ветер остужал кровь в наших жилах, хотя хозяин наш, добродушный Гассан, с каждым, так сказать, шагом приближения нашего к Астрахани становился пасмурнее, унылее, но как мы на каждом ночлеге находили светлый огонь и сытный ужин, то охотно забывали претерпенные днем беспокойства и отдыхали в ожидании, что с восходом солнца переменится и наше счастье.

В начале шестого дня, в синеющей дали, подобно серым слоям тумана, открылась нам великолепная столица Самсутдинова. Я, Бектемир и двое татар подняли радостный крик; зато бедный Гассан тяжело вздохнул, и возведя глаза к небу, начал петь протяжно надгробную песнь. Никто не смел мешать ему в сем набожном занятии.

Мы прошли и проехали еще весьма немного, как Гассан мгновенно остановился. Он смотрел пристально вперед, протирая глаза и после радостно взвопил: «Алла, Алла! Если я еще не мертв, то три пеших путешественника, идущие нам навстречу, не кто иные, как коварный Иованес, прелестная Гульбека и старый невольник! Хвала великому пророку! Чистое поле вокруг нас, и им ускользнуть некуда. Не торопитесь, друзья: пусть они сами к нам приблизятся. Как же подивится неверный армянин, увидя, как судьба его перехитрила!»

В самом деле, трое путников к нам приближались и в некотором отдалении с приметным ужасом остановились. По всему видно было, что они признали Гассана и его провожатых. Тут всадники быстро спешили, и оставя коней на произвол их, скорыми шагами устремились к своей добыче. Я и храбрый Бектемир за ними последовали, и все окружили незнакомцев. Прежде всего увидел я пожилого

армянина с побледневшими щеками, опустившего глаза в землю; подле него в таком же положении стоял старый невольник; позади них — прелестная Гульбека, сложа крестообразно на груди руки, устремила глаза свои к небу, и светлые слезы серебрились на ее ресницах. Когда Гассан с сильным жаром выговаривал Иованесу за побег его, стоивший было ему жизни, я — влекомый состраданием, коего причины и сам не угадывал, с трепещущим сердцем и потупленными вниз глазами подошел к прелестнице. Утешясь, прекрасная незнакомка, сказал я: «И хан Самсутдин имеет не каменное сердце, и он не захочет тебя обидеть». Быстро взглянула она на меня, отскочила назад, потом протянула ко мне руки и голосом, потрясшим все существо души моей, вскрикнула: «Князь, спаси Сафиру!» С этими словами она устремилась ко мне и упала в мои объятия.

Как могу я изобразить тогдашнее состояние души моей и сердца? Божественная княжна Сафира, та — для обладания коею не пожалел я княжества — теперь в моих объятиях! Какая сила человеческая из них ее исхитит?

Я обнял прелестную с некоторым судорожным движением; потом стремительно прижал к пламенеющей груди своей, и твердым голосом сказал: «Ты моя! Благотворный Макук мне тебя вручил! С целым ополчением сражусь я, но тебя не уступлю, пока хотя одна капля крови останется в моих жилах».

С сими словами страстный поцелуй мой запечатлелся на губах ее, и они мгновенно приняли цвет юной розы, и щеки ее запылали, как утренняя заря на чистом весеннем небе.

Глава 14

КРОВОПРОЛИТИЕ

Гассан, стоявший доселе поодаль в глубоком безмолвии, оглушен, вероятно, будучи звонкими словами «князь» и «княжна», медленно и важно подошел ко мне, держась правою рукой за эфес своей сабли. «Надеюсь, — сказал он с полуулыбкою, — что для меня ты сделаешь исключение и без всякой драки уступишь Гульбеку, не дожидаясь, чтобы я к тому тебя принудил».

«Уступить Сафиру? — вскричал я с бешенством, и исторг

меч свой. — Бектемир, и ты, Иованес с невольником, — продолжал я, — последуйте мне в мужестве, и вы будете свободны — здесь, или в селениях Макука!»

Храбрый сардар, армянин и его невольник меня послушались. Ряд наш выстроился перед неприятелями, Гассан подражал нам со своими проводниками и — битва началась. Со всем ожесточением наступал я на Гассана, а он на меня; сабли наши, ударяясь одна об другую, производили резкий треск; уже шапка моя и Гассанов колпак валялись в грязи, и от нескольких легких ударов у обоих нас кровь струилась по платью. Пришед в неописанное ожесточение, я собрал все свои силы и искусство, и так проворно взмахнул мечом, что левое ухо Гассаново высоко взлетело в воздух и шагах в двадцати упало в грязь.

«О, Алла! — взвопил болезненно Гассан, — никак я смертельно ранен!» Тут он кинул из рук саблю, повалился на землю, схватил голову обеими руками, и катаясь по грязи, произносил последнее прощание с матерью, с друзьями, с Гульбекой, с целым светом.

Видя, что этот супостат мне уже не опасен, я оставил его и обратился к другим. Праведный Макук! Каким поражен был я зрелищем! Армянин и его невольник, облитые кровью, едва держались на ногах, и вдруг — получа новые удары, простерлись на землю подле храброго Бектемира, который был связан по рукам и ногам, также лежал стень плачевно, и — как приметно было — давно уже в сем положении находился. В некотором отдалении стояла на коленях полумертвая княжна Сафира, закрывая руками бледное лицо свое.

Зрелище это помutilо мой рассудок. «Изверги!» — вскричал я с неистовством и бросился в средину победителей. Сабля моя действовала во все стороны, я поражал врагов, но наконец — оглушен был ударом по затылку, и произнеся: «Прости, прелестная Сафира!», пал в грязь лицом и лишился чувств.

Надобно думать, что я в положении этом пробыл немало времени, ибо опомнясь, увидел себя при свете малой, тусклой лампы, в узком каменном покое с низкими сводами. Я лежал на охапке соломы и был совершенно наг. Голова моя и руки были обвязаны ветошками. Сырость места, истощение сил от потери большого количества крови, страдание по утрате княжны — все приближало меня к кон-

цу печальных дней, и лихорадочная дрожь разливалась по всем сѣстам.

«Праведный Макук! — говорил я со стоном, — теперь верю несомненно, что Черный год мой скоро прекратится с моею жизнью! Все, что утѣшает меня в эти горькие минуты, есть сладкая, восхитительная мысль: прелестная княжна меня любит! Взоры ее с приязнью ко мне обращены были; руки ее с нежностью меня обнимали; губы ее — о блаженство! — прикасались к моим губам. Если грозный Кукам в совете своем положил погубить меня в цвѣте лет моих, то конечно ты, благодетельный Макук! Что мог переиначил и судил мне умереть в это роковое время, а не прежде; ибо, не приятнее ли, не сладостнее ли погибнуть, пролив кровь за прелестную любовницу, нежели на горах Кавказских пасть под ударами рабов Кунаковых, или в Кабарде быть растерзанным дикими конями? Благословляю вечные суды твои, о Макук, и смиренно нисхожу в могилу, перстом твоим указанную! Прости, дражайшая княжна! Ты признанием своим в любви ко мне, хотя уже и весьма поздним, усладила горькую чашу смертную, и я несомненно надеюсь увидѣться с тобой в области Макуковой, куда конечно не пустят свирепого отца твоего, а негодных князей Кунака и Кубаша и подавно. Прости, верный, храбрый друг мой Бектемир! Своими глазами видел, как мужественно извлек ты из ножен меч булатный, и не понимаю, по какому чуду так проворно очутился ты на земле, и после кругом связан».

Глава 15

НАГРАДА ЗА ОТВАЖНОСТЬ

Воздыхания мои прерваны были приближавшимся шумом и звоном ключей. Железные двери храмины моей со скрипом отворились, и я увидел двоих пожилых татар, из коих, судя по наружности, один был господин, а другой слуга, который принес и поставил подле меня корзину.

Тогда господин, осмотрев меня внимательно с разных сторон, и переменяя мазь к ранам, сказал другому: «Ручаюсь целостью усов и бороды моей, что недели через три злодей будет совершенно здоров и доставит державному хану прекрасный случай оказать примерное правосудие.

Ты только корми его как можно лучше и ни в чем не отказывай».

«Почтенный муж! — сказал я, собравшись с силами, — уверяю тебя всеми богами, что я не льщусь жить более, да и такая жизнь, какую доселе вел, мне надоела. По крайней мере, в утешение последних часов моих, не откажи поведать несчастному, где он страдает, и что стало с прелестною княжною и верным его сардаром». — «Что касается до первой статьи, — отвечал он, — то и сам, не ломая головы, догадаешься, что ты теперь в Астраханской тюрьме, и пробудешь до тех пор, пока я — первый врач его ханского велелепия, тебя совершенно не вылечу для представления к нему на суд и осуждение. Что же касается до твоей прелестной княжны и верного сардара, то они, вероятно, суть чада расстроенного твоего воображения». — «Никак, — возразил я, — княжна моя есть та особа, защищая которую от насилия злобного Гассана, ратовал я истинно по-рыцарски: а верный сардар...» — «Да не та ли это красавица, и не тот ли мудрец, — спросил врач с насмешкою, — которых нашли на месте твоего забиячества? Если эти особы суть княжна и сардар, то ведай, что первая находится теперь в гареме его велелепия, а последний весьма недалеко от тебя, в одном из покоев сего дома».

«Сафира в ханском гареме!» — произнес я со стоном, и опять погрузился в бесчувствие; а придя в себя, увидел, что опять один; тишина господствовала в моей юдоли; только мысли о Сафире и ханском гареме поднимали бурю в сердце моем. Я проклинал злобного Кукама, и после тут же со всем жаром умолял его захватить поскорее в когти свои ненавистного Самсутдина.

Любовь к жизни есть такой дар благодетельного Макука, которого не теряем мы до самой могилы из своего сердца. Хотя и бывают минуты, в которые непритворно желаем себе смерти, но такие минуты скоротечны: надежда лучшего опять запутывает рассудок наш в свои цветные сети, мы страдаем существенно и живем одним воображением, — однако ж живем.

Так происходило и со мною. Хотя руки мои и ноги были на свободе, хотя и я весьма удобно мог расстаться с горькою жизнью, но вместо того, чтобы выдумывать себе род скорейшей и удобнейшей смерти, я растянулся на соломе, сложил на груди крестообразно руки, и глядя

в потолок, рассуждал так: «Надобно признаться, что мне от его астраханского велелепия не много хорошего ожидать можно, и я, думая найти в нем друга и благодетеля, по стечению несчастных обстоятельств, непременно найду в нем злого врага и мстителя. Однако ж — он человек и повелитель; а я по себе знаю, сколько у таких господ бывают в чести храбрые люди. Кто ж мог оказать большую храбрость против оказанной мною за свою любезную — в виду почти всей Астрахани? Зачем же прежде времени отчаиваться? Уныние — в каком бы случае ни было, — должно быть мрачным пятном на душе князя и политика. Так всегда думал мудрый визирь Шамагул, так должен думать и князь Кайтук. Хан Самсутдин, конечно, не знает ни моего звания, ни настоящего дела, что повелел заключить меня в темницу; притом же я находился в таком положении, что нигде с лучшим успехом не мог пользоваться лечением от телесных и душевных болезней, как в сем уединенном месте. Правда, ложе мое не доказывает особенного попечения о моем спокойствии, но, может быть, таков обычай в земле Астраханской; или врач предвидел, что избитому, израненному, находящемуся в бесчувствии человеку гораздо целительнее возлегать на златовидной соломе, чем на мягких коврах и кожах. Всего ж для меня утешительнее, что от всех астраханцев, кого только удавалось видеть, слышал единогласные суждения о беспримерном Самсутдиновом правосудии, которого он с языка не спускает».

Укрепясь в спасительных для меня мыслях, я повернулся на бок и ласково поглядел на корзину, подле меня стоявшую. По запаху, мною обоняемому, знал я, что в ней находится подкрепление моей жизни. Итак — хотя с немалым трудом — поднявшись до половины, я подполз к корзине, открыл и с удовольствием увидел в ней весьма довольно разных готовых мяс, хлеба и два кувшина с вином и водою. Без дальних размышлений приступил я к существу дела, и когда большая часть запаса из тростниковой корзины переселилась в плотяную, то я принес благодарение Макуку, разлегся опять на соломе и скоро започивал крепко-накрепко.

Я разбужен был приходом прежних моих посетителей, из коих один принес новую корзину, а другой перевязал раны, и не вступая в дальнейшие рассуждения, меня оставили.

Не видя света солнечного в моем обиталище, я не мог

обстоятельно знать течения времени. Но заметив, как размерно приходили ко мне с корзиной и мазями, я не без основания заключил, что обстоятельство это происходило каждое утро; а ведя таковой счет, я полагал, что пребывание мое в сем месте продолжалось уже пятнадцать дней, и здоровье мое гораздо поправилось. Я мог бы уже без всякого затруднения прохаживаться, если бы храмина моя была просторнее, или, по крайней мере, стоять, если бы она была выше; а как в ней нельзя было делать ни того, ни другого, то я и проводил время в сидении, в лежании и в рассуждениях, что и как возведу державному Самсутдину, как скоро удостоюсь предстать пред светлое лицо его.

Глава 16

ПАЛАТА СОВЕТА

По прошествии двадцати дней со времени моего заключения, при утреннем посещении врача, в покой ко мне вошло шесть вооруженных воинов с предлинными бердышами и бородами. Предводитель их, кинув к ногам моим большой узел, самым суровым голосом сказал: «Оденься, неверный, и следуй за мною! Ты сего утра сподобишься видеть лицом к лицу великого хана Самсутдина и облобызать прах золотых туфель его. Дело твое показалось верховному визирю Батырше так замысловато, так диковинно, что оно разбираемо будет в присутствии хана и всего Совета».

С помощью тюремного служителя, моего знакомца, наставлял я на ноги желтые сапоги, надел красные шаровары и синий жупан. Стража возложила на меня овчинный колапак, окружила с поднятыми вверх бердышами и повела из темницы.

Едва показался я на улице, как бесчисленное множество народа обоего пола встретило меня радостным криком. «Вот он, вот неверный, — раздавалось со всех сторон, — осмелившийся поднять нечистые руки на татар природных!» Они покушались кидать в меня комьями замерзшей грязи и снега, ибо уже господствовала зима глубокая, но стража того не допустила, говоря, что я должен предстать пред взоры правосудия с лицом невредимым и с должною опрятностью. После де, продолжали телохранители, когда поведем его назад, вы вольны встретить и провожать его дубьем или камнями.

Хотя такое обнадеживание стражи привело меня в немалое смятение, однако я продолжал дорогу довольно бодро, и около полудня прибыл к чертогам ханским, пройдя улицами большую половину Астрахани, которой великолепные дома, мечети, площади, несмотря на горестное состояние души моей, сделали на меня глубокое впечатление.

Как только вошли на крыльцо, то с колпака моего и кафтана сбили прутьями снег, надели поверх сапогов большие лычанные туфли, и взяв под руки, повели длинным переходом. Подходя к дверям, по словам стражи, ведущим в храмину Совета, меня увещевали быть скромным и беспрекословно предаться судьбе своей, какова бы ни была она. Двери рокового покоя отворились, и мы торжественно вошли в оный.

Палата сия была нисколько не меньше той, в коей председательствовал я в своем княжестве. Стены ее вымазаны были чисто и гладко красною глиною, яркою, как глаза Кукамовы. По стенам висели в великом множестве разных видов панцири, кинжалы, сабли, луки и колчаны со стрелами. У противостоящей к дверям стены расположен был великолепнейший диван, покрытый драгоценными коврами. На диване сем, на пунцовых бархатных подушках, опущенных золотою бахромой, сидело огромное, толстое, темнолицее чудовище, с мутными опухшими глазами, в серебряно-парчовом платье. Оно было — велелепный хан Самсутдин! Он курил кальян, холодными глазами смотрел во все стороны, и казалось, ничего не видел. По правую сторону его, на блестящем седалище, коверкалось маленькое пугалище, но также непомерно толстое. Это был великий визирь Батырша. Он походил на полный тулук, сделанный из кожи большого горного козла. По левую, на таком же месте торчал предлинный сухой татарин, по скромному виду походивший на отшельника. Это был сардар Ишмурат — воевода сил Самсутдиновых.

Между мною и ханом стоял довольно пространный стол, за коим сидело до двадцати человек, одетых в богатые платья, и к неопisanному удивлению увидел я, что величайший из возможных политиков — Шамагул, председательствовал. По правую сторону стола стояли ханские телохранители, а по левую исполнители его повелений и переводчики, впереди коих отличался знакомец мой, Гас-

сан, держа в поднятой выше головы руке отрубленное свое ухо.

Все эти подробности узнал я тут же от своих стражей, которые без зазрения совести довольно громко рассказывали мне что хотели. Сидевшие вокруг стола мудрые советники не больше хранили молчание, и хранили Совета походила на базар обширный, многолюдный.

Самсутдин, выкурив свой кальян, отдал близ стоявшему придворному, поглядел туда и сюда мертвыми глазами, махнул дебелою рукою к собранию, и голосом, подобным реву уязвленного буйвола, произнес: «Молчать!» Когда же все умолкло, то он, обратясь к визирю, сказал: «Давно известно вам, верные друзья мои, тебе мудрый визирь Батырша, и тебе, храбрый сардар Ишмурат, что я обязан великому пророку священной клятвою не принимать каждый день пищи и питья, пока не окажу кому-либо из моих подданных правосудия. Надобно всегда держаться своего слова! А как я чувствую уже изрядный позыв на еду, то поскорее доставьте мне случай исполнить клятву и с чистою совестью приступить к трапезе. Я уверен, что у вас есть готовое дело! Изложите его вкратце, ибо я не могу терпеть пустословия, да и теперь уже чувствую одышку».

Глава 17

ПРИМЕРНЫЙ СУД

Хан умолк и погрузился в думу глубокую. Тогда великий визирь Батырша, протерши полусонные глаза и раздвинув предлинные усы, произнес: «Очередной мди-ванбек! Объясни вкратце сегодняшнее дело; оно весьма замысловато и стоит особенного нашего внимания».

Тогда один из советников поднялся с места, низко поклонился хану и громко произнес: «Высокоповелительный, велелепный хан Самсутдин астраханский! Великое предстоит тебе дело сегодня. Се зришь пред светлым лицом твоим и обиженного, и обидчика, а паче всего в сем последнем неверного изувера — поклонника бесов гееннских. Когда правоверный ловчий твой Гассан хотел остановить неверную рабу Гульбеку и вероломного армянина Иованеса, и представить их к твоему седалищу, сей богомерзкий изверг с обнаженною саблею устремился на невинного, дал

ему несколько кровавых ран, и в заключении — движимый направлением поклоняемых им идолов, так махнул своим оружием, что левое ухо Гассаново отлетело на несколько сажень. Вот изложение всего дела. Что повелишь, правосудный?»

Самсутдин поднял голову вверх, закатил под веки глаза свои так, что одни только белки, переплетенные багровыми жилками, видны были, и со вздохом сказал: «Разберите дело допряма, объявите мне назначение ваше, и я, вдохновенный пророком, произнесу приговор правосудия, столь мне любезного».

Хан дал знак, и немой карло, одетый великолепно самого повелителя, явился с кальяном и подал его Самсутдину.

После некоторого молчания сардар Ишмурат произнес: «Что тут много думать? Я полагаю, вздорного язычника на верху главной мечети повесить вверх ногами и колотить по подошвам до тех пор, пока не околеет».

«Как? — возразил визирь Батырша, раздувши ноздри и выпуча глаза, — не будет ли это вместо вожденного правосудия непростительное послабление, которое тем опаснее для повелителей, что, между нами будь сказано, означает малодушие и недоверенность к своей власти. Мое мнение, чтобы нечестивца сего на большом астраханском майдане посадить живого на кол; или, закупоря в кожаный мешок, пустить в море. Впрочем, правосудный хан прозорливее всякого рассудит о сем деле!»

Глава 18

НЕДОУМЕНИЕ

Хан в всю очередь также задумался, устремя к потолку мутные очи свои; потом, обратясь величественно к собранию, протяжно прошипел: «По сему исполните!»

Тут поднялся он с седалища, и обратясь к визирю, спросил: «Где же и как проведем весь день сей?» — «Как повелит твое велеление, — отвечал Батырша, — «Где только просияет светлое лицо твое, везде для рабов твоих будет рай Магометов!» — «Я думаю так, — продолжал хан, — пообедаем в Москве, ибо я давно не ел русских пирогов; после обеда посетим Неаполь и послушаем музыку и пение; там

завернем в Лондон, ибо мне сказали, что кабардинский князь Гирей прислал в подарок пару добрых жеребцов; вечер проведем в Стамбуле, а на ночь отведете меня в Астрахань. Назир Туймак, соображаясь с сим, распорядит все в наилучшем порядке; мудрый муфтий со всем верховным советом посетит нас в Неаполе; а Кизляр-ага представит мне в Испагани какие-нибудь новые потехи, позатейливее вчерашних».

Сказав эти слова, коих я нисколько не понял бы будучи и в лучшем положении, он протянул обе руки. Правую из них малорослый визирь с почтением положил себе на голову, а левую длинный сардар взял под мышку, и таким порядком началось шествие. Впереди и позади хана скакали карлы, свистя, гаркая, бренча щелкушками и коверкаясь самым неистовым образом, что крайне забавляло повелителя. Переваливаясь со стороны на сторону, он улыбался, а подходя к дверям и увидя одного карлу, едущего верхом на спине другого, коего он, называя москвичом, теребил за волосы и оделял по бокам пинками; хан не мог удержаться от смеха. Следуя примеру его велелепия, все собрание подняло сильный хохот, и продолжало это упражнение пока он не скрылся.

По удалении сего правосудного властелина, на которого возложена была вся моя надежда на помощь, стража его окружила меня. Тут подбрел ко мне горбатый, колченогий старичок, богато одетый, именно — назир Туймак, оглядел кругом, потупил глаза в землю и задумался. Видно, образ поведения Самсутдинова во всех придворных рождает глубокую задумчивость, когда необходимость требовала сколько-нибудь подумать.

Согбенный назир распрямился, взглянул пасмурно на все собрание и томным голосом произнес: «Ох мне эта неверная Москва! Как скоро его велелепие туда зеберется, то уже никто, кроме особо приглашенных, не смеет показать и носу. Так не водится у князей и вельмож московских, и их терема столько же непроницаемы, как гаремы турецкие! Ну, что я делать буду с моим осужденным? Самый здравый смысл внушает поступить согласно с повелением, не отступая ни на волос. А что гласит повеление? По сему исполнить! В чем же это сие заключается? Повесить узника на мечети и забить до смерти палками; далее: посадить его на майдан живого на кол; наконец, — также живого заку-

порить в мешок и кинуть в море! Торжественно вопрошаю весь высокопросвещенный Совет, как все это произвести в действо с одним человеком? Помогите мне, мудрые мужи, а я в страшном недоумении. О, Москва, неверная Москва!» Высокопросвещенный Совет задумался и долго хранил глубокое молчание, как вдруг непримиримый Гассан, подняв вверх свое ухо, бодро подступил к столу и воззвал: «Внемлите, о вы светила мудрости! Мне пришла в голову преизящная мысль, и надеюсь, что все собрание одобрит оную. Преступника сего сперва взвести на верх мечети, управить ноги его в фалаку, и привести в такое положение, чтобы всем стоящим внизу показался он висящим вверх ногами, и тогда колотить его палками до полусмерти. Потом представить на майдан и легонько посадить на кол. У нас на сей предмет есть предорогие искусники. Наконец, — все еще живого снявши с кола, зашить в мешок и пустить в море. По существу ханского повеления — он все-таки умрет, а притом и самое повеление довольно в точности будет исполнено. Что мыслят о сем высокопочтенные мужи?»

Высокопочтенные мужи в знак согласия мотали головами, и расторопнейший из них произнес: «Кажется, что в таком затруднительном деле поступить догадливее едва ли можно, и остается мнение Гассана привести в исполнение людьми, сколько можно опытейшими, в каковых у назира Туймака, конечно, не будет недостатка».

Глава 19

ПОКАМЕСТ СПАССЯ

Великий муфтий Шамагул, доселе хранивший глубокое молчание, изредка только кидавший на меня значительные взоры, обратясь ко всему собранию, с важностью произнес: «Надеюсь, что ханский ловчий Гассан и все мудрые члены сего знаменитого сословия не взыщут, если я в сем политическом обстоятельстве другого с ними мнения; да иначе и быть нельзя, когда только должны мы исполнить повеление хана, утвердившего определение визиря и сардара. Размыслите хорошенько! Сардар хочет, чтобы сего преступника на мечети забили палками до смерти. Понимаете ли? Но визирю угодно, чтобы он был на майдане живой посажен на кол! Слышите ли? Итак, если ты, мудрый

и опытный назир, не совсем мертвого снесешь его с мечети, ты виноват; а если не совсем живого посадишь на кол, то есть целого и невредимого, — ты также виноват!»

«Что же буду я делать с этим проклятым язычником? — воззвал назир со стоном, — беда со всех сторон!»

«Помедли, мудрый назир, — возразил Шамагул, — и не предавайся ранней печали. Беда невелика, если осужденный и до другого дня жив останется. Я советую посадить его покамест под стражу в один из подвалов придворной мечети, и при первом удобном случае поговорю о сем с визирем и сардаром, а может быть, и с самим Самсутдином. Притом же, узник твой, проведя часть дня и всю ночь в таком священном месте, может быть сподобится видения и благодати от великого пророка и добровольно решится за отрубленное у ловчего ухо пожертвовать Магомету частицей своего тела. А я, по особому вдохновению великого Аллы, примечаю в лице его много доброго. Словом, положишься, мудрый назир, на мои молитвы и будь до утра покоен. Более всего без нужды не кажись во весь день ни хану, ни его вельможам. Легко станет и теперь, как случалось прежде, что к завтрашнему дню они совсем забудут о сегодняшнем решении и дадут новое, исполнение коего не будет для тебя столько затруднительным».

Все собрание единогласно подтвердило суждение мудрого Шамагула, который, оставляя храмину Совета, кинул на меня беглый взор, повелевающий надеяться. Скоро все разошлись, а я, окруженный стражею, отведен был в один из подвалов придворной мечети. Здесь показалось мне жить удобнее, чем в народной тюрьме. Покой был просторнее и освещаем вверху небольшим окном, доставлявшим довольно воздуха и света, дабы я мог свободнее дышать и видеть предметы вокруг себя, на что, правду сказать, немного его и надобно было, ибо я видел одни голые стены и такой же пол; но, по крайней мере, все было чисто и сухо.

«Праведный Макук! — воззвал я со стоном, разлегшись на полу, — что ты в небесном совете своем определил сделать с бедным князем Кайтуком XXV? Увы! Не я ли был на волос только от мучительной смерти, да и теперь не избежал еще оной. Но лучше повели мне погибнуть, чем жить и каждую минуту терзаться мыслью, что обожаемая княжна Сафира томится в объятиях чудовищного Самсутдина, а он, злодей, без сомнения, пленится ею!»

СНОСНАЯ ТЮРЬМА

В продолжение двадцати дней бытности моей в городской тюрьме я совсем не видел солнца, а потому представить можно, с каким восхищением смотрел теперь на захождение оно, просунув нос в стенную скважину, окном служившую. Я терялся в мыслях, вспоминая минувшее время горной жизни моей и представляя настоящие дни злополучия. Вдруг дверь моего пристанища закрипела, отворилась, и ко мне вошли, с приметною вежливостью, два татарина пожилых лет. Один из них принес и разостлал на полу мягкий ковер, а другой поставил в углу корзину со съесными потребностями.

«Благодари свою судьбу, — сказал старший, — что великий муфтий Шамагул весьма богобоязненный муж и в Алкоране сведущ не менее серой кошки нашего пророка. По окончании четвертой молитвы он сказал мне и сему собрату (а было б тебе известно, что мы по власти великомочного Аллы состоим привратниками придворной мечети)»: «Правоверные! В западном подвале нашего храма содержится осужденный правосудием на казнь. Знаете ли вы, что судьба каждого из нас с начала веков написана в великой книге? А посему, всякий осужденный Предвечным на истязание в сем мире, по всей справедливости достоин нашего соболезнования; притом же и по виду кажется, что наш узник не далек от принятия в себя вышней истины».

«Тогда приказал он снабдить тебя всем, что ты видишь, — продолжал татарин, — а мы, облобызав руку мужа благочестивого, потщились исполнить его повеление. Если ты завтра, как слышно, поступишь в число бесплотных, то пожалуй, не отрекись замолвить за нас доброе слово пред нашими ангелами хранителями».

Они вышли, и я принялся за опустошение превосходной корзины. Хотя из головы моей не выходили мысли о бесчисленных палочных ударах, готовых для подошв моих на мечети, о коле на майдане и кожаном мешке, долженствовавшем служить мне челном на Хвалынском море, при всем том не мог не заметить, что астраханский плов с цыплятами и тамошнее вино отменно питательны и крепительны.

Я размышлял так: «В тот роковой день, когда свирепый жрец Маркуб впервые предрек мне Черный год, то помнится, он не наверное полагал, что я непременно должен окончить его погибелью. Хотя я подвержен был многократным опасностям, самым бедствиям, однако всегда выходил счастливо из сих ужасных испытаний. По претерпении поражения на крутизнах Кавказа, я почитал гибель свою неизбежною; но милосердный Макук махнул перстом, и стаи ястребов и коршунов вознеслись над головою моею, дабы служить мне — если не очень вкусно, по крайней мере, достаточною пищею к сохранению жизни. В Кабарде повержен будучи в преисподнюю яму, я ожидал поносной и мучительной казни, как нежная Халида — по внушению того же Макука — подоспела со своею помощью. В чертоге правосудного Самсутдина предложены были для меня три рода казней, и это покамест спасло меня. О великий, благодетельный Макук! Старание твое обо мне бедном столь ощутительно, что грешно было бы когда-нибудь от тебя отступить. Клянусь всегда исповедовать силу твою и благость пред лицом целого света, исповедовать и сердцем, и ...» — я хотел было окончить речь свою словом и устами, как внезапный шум у дверей остановил меня. Они открылись и мудрый, благочестивый муфтий Шамагул повергся в мои объятия. Мог ли я удержаться от слез, прижимая верного друга к груди своей, и видя, что слезы сердечного умиления и на его усах повисли. Довольно прошло времени, а мы не могли промолвить ни одного слова.

Наконец, мой первосвященник начал: «О, дражайший друг мой и благодетель! В каком горестном положении тебя вижу! Мог ли я представить когда-либо, что тот светлейший князь и наперсник богов горских, который так разительно помахивал с козел своим пестом кедровым, так пленительно надувал священный рожок в храме Макуковом, с таким величием стегал плетью по спинам своих подданных, посвящая их в кавалеры ордена Нагайки, могли, говоря, представить, что тот самый муж будет некогда томиться в темнице, в ожидании пока не забили его до смерти палками или не посадили на кол? О грозная судьба! О Черный год!»

«Увы, любезный друг! — отвечал я с тяжким вздохом, — зачем вспоминаешь о том блаженном времени, ко-

торое уже не возвратится? Размышляя, ибо я имел на то довольно досуга, о поступках наших на горах, я покушался признаться, что едва ли не сам навлек на свою голову этот Черный год со всеми его бедствиями! Но оставим это; ты же всегда говаривал, что позднее раскаяние не есть дело хорошего политика; я докажу тебе на собственном опыте, что не недостойн был мудрых твоих наставлений. Если уже так определено, чтобы мне погибнуть в Астрахани, на забаву глупому народу, то доставь мне способ умереть как прилично урожденному князю и истинному политику. Снабди меня крепким кинжалом. До самого места казни я равнодушно дозволю вести себя, и не прежде пронжу себе грудь, как поднимут ноги для вправления в фалаку, или оголят часть тела, нужную для водружения на кол».

Глава 21

ИСПЫТАНИЕ

«Вот истинное великодушие, достойное славной отрасли Кайтуков! – вскричал Шамагул, снова обнимая меня с восторгом. – Но, продолжал он, неужели ты, храбрый князь, считаешь меня, своего друга, человеком неблагодарным, способным забыть благодеяния, полученные от тебя на горах наших; забыть твое старание, употребленное в Моздоке об избавлении меня и общего друга от ударов мурзы Габидула? Не для того ли я отрекся от Макука, дабы, сделавшись мусульманином, достигнуть степени муфтия, как скоро подана была к тому надежда? Правда, я не воображал видеть тебя в сем недостойном состоянии, но все же надеялся посредством великого моего звания быть тебе полезным при дворе Самсутдина. Так, дражайший князь! было бы тебе известно, что на первый случай, до появления новой луны, ты пробудешь здесь в совершенной безопасности, во всем довольстве, какое только может доставить верный друг и великий муфтий. Выслушай терпеливо, что я тебе поведаю. Наставлен будучи мудрым Ханжаком во всех сокровенностях Алкорана, отправился я из Кизляра в Астрахань в сопровождении усердного Сабека и большой придворной свиты. Представлен будучи хану Самсутдину и великим Двора его, я поступал так политично и говорил так замысловато, что все пленились мною, хотя и ничего

не разумели, и хан, я узнал о том после, тут же в мыслях своих нарек меня муфтием. Но как обычай земли требовал, чтобы всякий, домогающийся сего высокого сана, принял и выдержал с честью открытое испытание, то и я должен был тому же подвергнуться. По данному повелению немедленно явились пред ханским диваном около двух дюжин мулл, из коих каждый смотрел на меня завистливыми глазами. Они уселись полукругом на ковре и погрузились в глубокое размышление. Спустя довольно времени, старейший мулла, с длинною седою бородой, потирая рукою лоб, обратился ко мне с предложением: «Поздравляю тебя, почтенный Шамагул, со счастьем, удостоившим сообщения с правоверными; я обязан в присутствии его веления, знатнейших вельмож и сих праведных мужей, сделать тебе несколько вопросов, не с тем, чтобы искушать, но яснее пред всеми обнаружить великую твою мудрость, ибо всем нам известно, что боговдохновенный имам Ханжак принимал на себя труд просвещать тебя в благочестии, труд, какого он ни для кого не предпринимал, любя пребывать в уединении. Итак, мудрый Шамагул, удостой нас ответом на смиренный вопрос мой:

– *Что всего легче на свете?*

– *Делать другому вопросы, даже самые разумные!*

Мулла окинул меня любопытно глазами, потом все собрание, и поправя на голове колпак, сказал: «Правда, и это нетрудное дело, но есть и другие. Поэтому самым трудным почтешь ты: отвечать на вопросы удовлетворительно?»

«Никак! – возразил я отрывисто, – отвечать на вопросы как следует обязан всякий, если он не пошлый дурак».

– Так что ж по-твоему есть самое трудное?

– Быть истинным политиком.

При этих волшебных словах старейший мулла оторопел приметно. «А что ты разумеешь под словом политика?» – спросил он вполголоса.

Будучи приведен в восхищение, что напал на свою стезю, я приосанился, и возведши на все собрание величественный взор отвечал: «Быть политиком – есть то же, что знать науку политику! Эта премудрая наука преподает правила: с малыми военными силами покорять обширные области с их народами; знать могущество или бессилие соседних царств, не выходя за порог своей спальни и не ведая, что делается у себя дома; рассорить между собой

верных друзей или мужей с женами, и возбудить их к взаимной гибели; настоящих глупцов и бездельников выставить мудрецами и благодетелями народов; а что всего важнее, всего полезнее, то наука эта вразумляет даже деревянные головы, как неприметным образом юзлуки ближнего переманить в свою мошну, так, чтобы никто о том не догадался!»

Видя, что все слушатели разинули рты и устремили на меня неподвижные взоры, я продолжал витийство с большим жаром: так, эта бесподобная наука передает потомству память о повелителях, как ей рассудится. Она украшает их прозваниями: кротких, храбрых, великих, отцов отечества, богоподобных, бессмертных! Она — то знаменитое имя державного Самсутдина передаст позднешему потомству и возопиет к самой вечности: был в Астрахани великий повелитель правоверных, сиявший сколько златою одеждой, столько и добрыми делами; был владыка мудрый, правосудный, непобедимый, — словом: был хан Самсутдин, — украшение Вселенной, которая столь несчастлива, что не могла иметь его одним и общим своим обладателем!

Нечего и говорить, что эта речь, изящнейшее произведение политики, привела всех слушателей в крайнее безумие. Хан, выпуча глаза, казалось, в первый раз слышит голос ангела, возвещающего ему нечто неслыханное, непонятное, но прелестное, блестящее. Он поднял вверх правую руку и возгласил: «По воле пророка и моей — Шамагул есть великий муфтий в Астраханской области. Завтра совершится торжественный обряд посвящения. Двора моего назир Туймак укажет ему чертоги и из моей казны снабдит оные всем нужным. Во имя Аллы — ступайте все куда знаете, а я с Кизляр-агою иду в Турцию».

Хан удалился. Поздоровавшись с придворными господами, и перепоруча себя в дружбу визирю Батырше и сардару Ишмурату, а они себя моим молитвам, мы расстались.

Глава 22

ВЕЛИКИЙ МУФТИЙ

Назир Туймак оповестил меня, что хотя он и весьма основательно знает свою должность, но как в один миг в

будущих моих чертогах ничего путного сделать нельзя, то и просил остальную часть дня, ночь и утро проводить в лучшей гостинице, принимая нужные услуги по-прежнему от Сабека и его свиты, на что я охотно и согласился.

Излишне описывать тебе, любезный князь, то великолепие, с коим посвящен был я в муфтии в большой мечети, в присутствии хана, Двора, народа и воинства. По окончании обряда, я — облаченный в приличные одежды, не преминул сказать речь в поучение народу и в похвалу повелителя. Обеденное пиршество имел я у хана, вместе с визирем и сардаром. Прочие вельможи и знатное дворянство ликовали в ближнем покое. Бубны, трубы и гобои гремели весь день, и веселье было бы совершенное, если бы великому пророку не вздумалось воспретить употребление вина и водки.

К ночи простясь с повелителем и поблагодаря его за милости, я с превеликим торжеством отведен Туймаком в мои чертоги. Каково ж было мое удивление, когда он, расставаясь со мной, сказал: «Прощай, святой муфтий! После дневного утомления тебе нужен покой. Завтра спрошу, доволен ли ты моим досужеством, относительно убранства твоего дома в такое короткое время. Вот десять молодых, крепких невольников, — они твои; в кладовой твоей, сверх обильного запаса житейских потребностей, лежат десять дородных мешков с чистыми юзлуками, — они твои; во внутренних покоях найдешь ты десять прелестных невольниц в драгоценных одеждах, — они твои! Желаю тебе, святой муфтий, самой блаженной ночи».

Он вышел с почтительным поклоном. Я немало удивился, и притом с чувством веселия такой милости хана, и от всего сердца поклялся быть ему полезным, сколько сил моих достанет. Время и самое короткое, показало, что назир не сказал лишнего, говоря о подарках ханских. С того дня и до сих пор я пользуюсь доверенностью Самсутдина, приязнию визиря и сардара и почтением Верховного совета, в коем я, по званию своему, председательствую; словом, я почел бы себя счастливейшим человеком в свете, если бы счастье свое мог разделить с дражайшим другом моим и благодетелем, князем Кайтуком, и все мои мысли только тем теперь заняты.

«Благодарение Макуку, — воззвал я, обняв в особе муфтия осьмое диво в свете, то есть, человека чувствительного

и признательного, — благодарение Макуку и Кукаму, что вижу тебя на той дороге к счастью, до которой немногие так проворно достигают! Но что ты ничего не скажешь о незабвенной княжне Сафире, если она, как я слышал, заключена в ханском гареме?» — «О ней-то и хочу кое-что сказать тебе, отвечал Шамагул, и начинаю уверением, что довольно давно узнал ее. С некоторого времени все в Астрахани поговаривали, что хан послал ловчего своего Гассана отыскивать какую-то красавицу, бежавшую с армянином Иованесом. Впоследствии времени разнесся слух, что она близ Астрахани была отыскана; но когда хотели ее взять для представления хану, то неизвестные два горца бросились защищать ее; произошло кровопролитное сражение, и все кончилось тем, что Иованес и его невольник, также защищавшие неизвестную прелестницу, найдены на месте убитыми, оба горца заключены в городскую тюрьму, а незнакомка отведена в ханский гарем. «Два горца? — спрашивал я сам себя — кто бы они такие? Праведное Небо! Если горесть, меня поражающая, если сей трепет сердечный, если известность, что им около сего времени должно быть недалеко от Астрахани, суть предсказатели бедствия, то эти два полоненные горца не кто другие, как несчастный друг мой князь Кайтук с храбрым сардаром Бектемиром».

На утро другого дня я велел позвать к себе темничного пристава и спрашивал, кто такие те горцы; но он уведомил, что столько ж знает об них, как и я, то есть — ничего. Впрочем, промолвил он, если твоя святыня желает проведать что-нибудь обстоятельное о сих преступниках, то я могу одного из них прислать к тебе. Все татары, бывшие в упомянутом сражении, да и сам Гассан, объявили, что сей горец был так кроток, что никому не нанес раны, зато и сам ни одной не получил. От первого блеска обнаженных мечей он повалился в грязь, и на нем нет других знаков, кроме что на руках есть несколько синебагровых рубцов, ибо наши, одержав победу, несколько туго скрутили ему за спиной руки. Великий визирь Батырша велел его освободить, что я вчера еще и исполнил. Но как этот смиренный горец по выходе из тюрьмы не знал, куда приютиться, то я назначил ежедневно отпускать ему достаточное количество хлеба, а взамен от него потребовал, чтобы он носил из реки воду, сколько для всех узников потребуется, от чего два осла мои, к тому назначенные, могут заняты быть прибильнейшею работой.

«Представь ко мне немедленно сего смиренномудрого горца, — сказал я пристапу, — но берегись произнести при нем мое имя».

Глава 23

ОПРАВДАНИЕ

«Мне хотелось, — продолжал Шамагул, — подшутить над добрым нашим Бектемиром. Когда он введен был в мои покои, я со всею важностью сидя на диване у окна, надвинув на брови большой бархатный колпак и порасправя усы и бороду, приделанные мне для занимаемого мною сана в день посвящения, и дав знак невольникам удалиться, обратил взоры на сардара. Он походил на страшилище как по лицу, так и по одежде. Глаза его были пасмурны, голова преклонена, ноги дрожали».

«Нечестивец! — воззвал я грозным голосом, — как дерзнул ты, с другим таким же негодяем, поднять святотатственные руки на правоверных?» — «Великий муфтий! — отвечал он дрожащим голосом, согнувшись в пояс, — клянусь тебе богом неба и богом ада, что на меня в сем беззаконии никто не пожалуется. Грешен, правда: и я, глядя на своего товарища, взмахнул было саблею, но как она на пути ничего не встретила, на чем бы могла остановиться, а притом я сделал эту гибельную замашку, зажмуря глаза, то мигом растянулся в грязи и был крепко-накрепко связан. Что же касается до моего товарища, то хотя он и храбро ратовал, но не его в том вина, а так велела злобная судьба его. Мы пробирались в Астрахань с самыми дружелюбными намерениями, как в виду всего почти города повстречались с роковою девушкой, которую спутник мой любил на горах кавказских. Татарин Гассан хотел ее остановить; любовник вступился за любовницу, а остальное тебе, великий святитель, конечно, гораздо известнее, нежели мне».

«Что ж понудило вас, легкомысленные, оставить свои горы, — спросил я, — где, как слышно, живут люди беззаботно, едят горячий шешлык, пьют просяную водку и на досуге рассуждают о политике?»

«Эта самая политика, — отвечал воевода, — едва ли не навсегда нас погубила! Если б не было между нами одного политического сумасброда, помешанного на сей статье, то

думаю, мы бы не сподобились видеть астраханскую тюрьму и множество других несчастий».

«Не Шамагулом ли называется твой политический сумасброд? — спросил я протяжно, — и не храброго ли сардара Бектемира вижу я в этом богатырском состоянии?»

Он крайне изумился и стоял неподвижен. Тогда сбросил я высокий колпак свой, отдернул усы и бороду, и устремился к нему с распростертыми руками. «О Бектемир! — вскричал я, обнимая его, — как рад я, что могу быть полезен своему другу и товарищу! Ты не ошибся, называя меня муфтием. Видишь, что сумасбродная, по-твоему, политика, возвела меня в это высокое достоинство, меж тем как... но оставим все лишнее, и поговорим о деле».

Узнав о месте твоего пребывания, любезный князь, мое первое дело было — сколько можно облегчить судьбу твою. По моему повелению, подкрепленному довольным количеством юзлуков, не щадили ничего как в пользовании ран твоих, так и в содержании. Впрочем, в этом только одном и заключалась моя возможность, ибо освободить тебя было выше сил моих.

«Тысячекратно благодарю тебя, верный друг, — вскричал я, — за твою своевременную помощь. Но до этих пор ты ничего не сказал о прелестной княжне Сафире. Ах! Не томи меня ужасною неизвестностью. Открой: все ли еще она княжна, и могу ли надеяться?»

«Надеяться на лучшее до последней возможности, — отвечал Шамагул, — есть дело великого политика. Хан Самсутдин благоговееет перед Сафирой, и, по моим советам, не перестанет благоговеть, пока она сама того желать будет. Выслушай: на другой день после свидания моего с Бектемиром, по окончании ханом государственных дел, он, распуская Верховный совет, велел мне остаться при нем с визирем и сардаром. «Любезный муфтий! — сказал он смущенно. — Я хочу предложить на рассуждение твое одно дело совести, потому, что ты на Астраханской земле есть прозорливое око пророка и один только можешь праведно разрешить меня, чтобы мысль не устоять твердо на остром мосту смерти* и низринуться в гееннскую бездну не мучи-

* По сказаниям Алкорана, всякий умерший должен будет переходить через мост, острый как бритва. Чем кто грешнее, тем скорее свалится в гееннское озеро.

ла меня прежде времени и не отнимала — во дни доброго позыва на еду, а по ночам на крепкий сон! Пойдемте, друзья мои, в Москву и там на досуге обо всем порассудим. Да и прелестный предмет угрызения моей совести там находится!» — «Помедли, любезный муфтий, — вскричал я, — сколько ни жажду слышать об участи княжны, но необходимо должен иметь ключ к вразумению слов твоих. Прежде от хана, а теперь и от тебя слышу я какую-то непонятницу: он упоминал о Москве, Стамбуле, Испагани, Неаполе и Лондоне, как о таких местах, кои одним взором объять можно: но сколько я разумею...» — «Справедливо, — отвечал Шамагул, улыбаясь. — Без предварительного объяснения о щегольской выдумке нашего правосудного Самсутдина, коею он собственно одному себе обязан, при здешнем Дворе многое покажется тебе безумием, что в самом деле есть только сумасбродство, или шалость, коею питаются души праздные, изможденные, не находящие себе пищи, и, так сказать, умирающие с голоду, быв закупорены в жирных тулуках телесных».

Глава 24

ДВОРЕЦ ХАНСКИЙ

Дворец великого хана Самсутдина состоит из пяти зданий, расположенных отдельно одно от другого по берегам Волги. Каждое из них ограждено высокою каменною стеною. Главное из сих зданий носит имя столицы и называется Астрахань. Тут-то учреждено было главное пребывание хана, двух жен его и десяти наложниц. В сем же отделении расположены его арсенал, кладовые и храмина Верховного совета. Второе именуется Москвою. В нем главная храмина наречена столовою. В высоких теремах заключается около дюжины красавиц, кои частью настоящие русские пленницы, частью природные татарки. Они все одеты в штофные сарафаны, имеют светлые, голубые глаза, полные, розовые щеки, и черные, как уголь, зубы. В случае недостатка от природы двух последних достоинств искусством сейчас их заменяют. В прислужники избираются длиннородые, толстобрюхие мужики, коих одевают в широкие балахоны, опоясанные шелковыми кушаками. Третье — есть Стамбул, и красавицы, в нем

заключенные, одеты по-турецки. Они состоят из разного сброда женщин, которые, чтобы сподобиться чести называться турчанками, должны иметь большие, черные глаза, исполненные огня и бесстыдства, много на костях тела, и сколько можно меньше охоты к движению. Великая стража, вооруженная предлинными рогатинами, день и ночь охраняет снаружи это здание; внутри же, сверх красавиц, наполнено оное разного рода уродами, как пленными, так и природными, у коих, чтобы лучше представить из них черных евнухов, столь необходимую утварь в турецких гаремах, густо-нагусто руки и лица их выпачканы сажею. Четвертое называется Неаполь. В нем обитают высокие, тонкоствольные, плоскогрудые прелестницы в итальянском платье. Они большею частию состоят из цыганок и черкешенок. По совету двух старых кастратов, поселенных в том доме в качестве учителей музыки и пения, эти бедные затворницы принуждены ежедневно раз десять принимать за пение под сладкогласие своих наставников, издали слышны плачевные их завывания, и хан, полный восторга спрашивает у предстоящих любимцев: «Каковы мои итальянки?» Пятый и последний дворец — есть Лондон. Тут нет никого, кроме конюхов, конской сбруи и множества лошадей разных пород. Как некто из разумных людей клятвенно уверил, что никто из смертных не заглядывает в столицу Англии, не получа отменного вкуса к пуншу, то и Самсутдин, всякий раз там бывая, не иначе возвращается в свою Астрахань, как разлегшись на том диване, на коем прежде сидел. Его обыкновенно несли двенадцать телохранителей.

Яства и питье учреждены сообразно с названием дворцов и их обитателей. В Москве ели пироги, лапшу и разное жаркое; пили водку, мед и пиво. В Стамбуле насыщались разными вареными мясами с пряными кореньями; пили кофе и щербет. В Неаполе забавлялись макаронами, плодами и лимонадом. В Лондоне, как сказано, ничего не делали, как только пили пунш, и любовались смотря, как удалые татары объезжали турецких, персидских и арабских лошадей.

Разумеется, что и сады устроены были согласно с сим изящным вкусом. Московский изобиловал яблоневыми, грушевыми и рябиновыми деревьями. Морковь, репа и редька наполняли предлинные гряды. В Стамбульском

отличались гранаты, миндаль и винные ягоды. В Неапольском зеленели салат различных родов, апельсиновые и лимонные деревца без цветов и плодов. В Лондонском — хан слышался, что англичане в садах своих любят простоту, непринужденность, природу — ничего не росло, кроме великого множества терновника, крапивы и репейника. А чтобы еще более доказать тонкость своего вкуса, то подле Английского сада, примыкавшего к берегу моря, стояло несколько больших и малых лодок, что называлось флотом; а в саду Неапольском, над выкопанною глубокою ямой, поверх которой наложена была беспорядочная груда диких камней, по временам сжигали уголь, и эта насыпь называлась горою Везувием. В благие часы хан давал повеление, и мгновенно показывался дым и изредка огонек из вершины сего вулкана.

Вот тебе, любезный князь, ключ к разгадке наших придворных загадок. Теперь слушай далее.

Глава 25

ЗАЗРЕНИЕ СОВЕСТИ

«Итак, на другой день освобождения сардара Бектемира из заточения, — продолжал муфтий, свое повествование, — очутились мы, хан, визирь, сардар и муфтий в Москве». Когда опорожнили мы по нескольку чарок русской романи и наполнили чрева жаркими гусями, утками и драхвами, то хан — по высылке долгобородых прислужников, сказал: «Друзья мои! Небезызвестно вам, что три дня назад в этом Московском гареме моем водворена несравненная красавица. При первом на нее взгляде ханское сердце мое затрепетало и душа запылала. Это я весьма чувствовал, несмотря, что надменный, но, между нами будь сказано, глупый и бессовестный тесть мой, казанский хан Курмангалей, в послании своем назвал меня бездушным и бессердечным, потому, что не повинуюсь вздорной дочери его, а моей жене Юмангуле. Ах, праведный пророк! Какая разница между ними! Одна подобна чистой, белой голубке, а другая мерзкой сове в павлиньих перьях. Хотя Гульбека теперь весьма печальна, лишась свободы и потеряв своего обожателя в том бесчиннике, который хотел похитить ее у Гассана, но я в таких делах опытен и знаю азбуку сердец

женских. С одной стороны, блеск и величие, с другой, мрак ничтожества. О! Тогда и самая недогадливая мигом догадается, на чью сторону надобно взглянуть умильнее. Я от природы одарен твердостью характера, и слезы ее для меня ничего бы не значили, если б при обладании ею совесть моя могла быть покойна! При вторичном свидании я взял ее за руку и сказал: «Прелестный цвет моих гаремов! Когда ты сделаешь меня счастливым любовником? Забудь во мне могущего властелина и помни только страстного обожателя!» Вместо ожидаемого мною со стороны ее восторга, с которым, думал я, припадет она к ногам моим и с нежностью облобызает край моего балахона, строптивая с величавостью распрямилась, и голосом, какого не имеет ни одна из моих итальянок, произнесла: «Хан Самсутдин! Тебе, конечно, неизвестно, кто я, и что значит любовь! Знай: я сама дочь владетельного Мирзабека, одного из князей горских, и от меня зависело быть женой такого же князя Кубаша. Одна любовь к другому князю изгнала меня из владений отца моего; и рука одного князя Кайтука приведет меня к нему обратно. Впрочем, и без этой причины расстояние между мною и тобой неизмеримо. Я поклоняюсь великому, благодетельному богу Макуку, а ты чтишь, как слышала, какого-то бездельника Магомета. Если ты, о Самсутдин и подлинно правосуден, то возврати мне и моему любезному свободу. Он в твоей власти, ибо я видела своими глазами, как храбро он за меня ратовал, был ранен гнусными твоими рабами, взят в плен, и опутанный веревками повлечен в Астрахань. Клянусь тебе, хан Самсутдин, что никакая власть на сем свете не отторгнет души моей и сердца от державного бога отцов моих и от любезного князя Кайтука».

«Каково покажется вам, мудрые друзья, — воскликнул хан, расправляя правою рукой косматые усы, а левою поднося ко рту серебряный кубок с медом, — такое упрямство в молодой женщине, невольнице? Она скрылась, оставя меня в крайнем недоумении. Каждый свободный час я вижусь с нею, и не могу склонить на соответствие страстной любви моей. Предлагаю ей все удовольствия света, все его радости — тщетно! Теперь, не в силах будучи сам собою нечего размыслить, ни на что решиться, я требую вашего мнения, опытные мои советники! Говорите со мною откровенно; ибо я хан, и по своему званию сколько обязан, столько по влечению сердца люблю оказывать правосудие».

Нечего и сказывать, какая произошла разноголосица в сем тайном Совете. Визирь Батырша предлагал употребить силу ни на что не взирая; сардар Ишмурат был снисходительнее и давал княжне три дня сроку на размышление, а по прошествии онаго советовал, не церемонясь, постращать ее порядком.

Глава 26

МУДРЫЙ СОВЕТ

Дошла очередь до великого муфтия. «О, Самсутдин! — произнес я голосом вещателя, — о правосуднейший из всех ханов, владеющих на улусах вселенной, о величайший из владык земных! Что должен я сказать тебе? Всякий, кто на тебя взглянет, кто ни услышит одно слово из уст твоих, и не будучи, подобно мне, опытным политиком, сейчас догадается, что ты благим провидением произведен на свет удивить его великими подвигами и добродетелями. Если бы у меня вместо одной была целая тысяча голов, то, ни одной не оставляя, все бы позакладывал, что когда бы православные предки твои не догадались дать астраханскому народу мудрые законы, то ты издал бы самые премудрые, и если б во все время благословенного твоего господства не процветал глубокий мир в областях твоих, то ты ратными подвигами посрамил бы Скандербек* и Тимура**. Итак, посуди, пристойно ли столь великому повелителю удручать душу свою мыслями о невольнице, терзать сердце свое чувствами любви к язычнице! Не восплачут ли о сем народы, тебе подвластные? Не возрыдают ли потомки отдаленные?»

Хан потупил со смирением долу очи свои, и после со вздохом, подобным быстро вылетающему вихрю из узкогорлой пещеры, сказал: «Что же мне делать, о муфтий! Я полюбил эту красавицу от всего моего сердца, и клянусь своими усами и бородою, что чувство к ней более страсти и не обладая ею, нежели когда-либо чувствовал к прелестнейшим невольницам в Астрахани, Москве, Стамбуле и Неаполе».

* Скандербек — сим именем называют в Азии Александра Македонского.

** Тимур (Тамерлан) — известный завоеватель.

«Это не мешает, — отвечал я, — да и для чего тебе, повелитель правоверных, не приложить всего старания, чтобы и предмет новой страсти твоей не принадлежал также к числу счастливых поклонников великого пророка? Я на себя беру — печься о сем богоугодном деле, и крепко полагаясь на неизреченную милость ко мне всеблагого Аллы, смело тебя уверяю, что прежде нежели луна три раза родится и состарится, твоя горская красавица принесет обеты отвержения от своего Макука, и тогда великому Самсутдину ничего не останется, как только блаженствовать в ее объятиях, не раздражая пророка, не терзаясь в совести, и не приводя в отчаяние потомство».

Мутные очи ханские прояснились, и на поблеклых ланитах его показались багровые пятна. «И ты меня уверяешь в сбытии твоего преднамерения? Свобода и жизнь моя в руках твоих! Хорошо! — воскликнул хан. — Теперь же дам повеление, чтобы тебе во всякое время, когда только солнце освещает небо астраханское, не возбранялось посещать Москву и вразумлять прелестную осетинку в истинах Алкорана. Как скоро ты смышлен в этом неплоше кошки пророковой, то от поучений твоих можно ожидать проку».

Я преклонил голову в знак благодарения за сей несомненный знак его доверия, и в то же время заметил, что визирь и сардар сильно поморщились. Я пришёл в смущение, ибо очень ясно видел, что зависть от такого ко мне предпочтения напечатлела следы свои на их лицах. Божественная политика особенно жалует муфтиев, почему не умедила и меня осенить светом разумения.

«Великий хан! — воззвал я. — Так! Долг сана моего повелевает взять собственно на свое попечение — обратить к православию прелестную язычницу. С наступлением следующего дня я навещу ее для склонения полюбить страстно Магомета и Алкоран его, и не пропущу ни одного утра, чтобы не повторять ей одного и того же, пока это нужно будет. Однако — не собственная ли польза твоя потребует, чтобы красавица также слышала о мудрости, правосудии, величии храбрости, словом, о всех возможных добродетелях, украшающих светлейшую особу велелепного хана Самсутдина? А кто это объяснить может с большим приличием и успехом, как мужественный сардар Ишмурат и просвещенный визирь Батырша? Таким образом, прекрасная эта невольница, чувствительно принимая в душу свою

истины Алкорана, вместе с тем отверзнет сердце любви к такому богоподобному смертному».

«Благодарю тебя, премудрый муфтий, за такую догадливость, — сказал хан погладя бороду и раздувши ноздри, — теперь ясно вижу, что политика — есть преполезная наука, и знание оной, после знания Алкорана, считаю необходимым для всякого властелина и великих Двора его. По словам твоим да исполнится в точности. Вы трое — разделите между собой время так, чтобы один не мешал успехам другого, и с завтрашнего дня начните многотрудные свои подвиги. Если я к объявленному муфтием времени достигну желаемого, то обильные щедроты мои разольются перед вами. Сквозь пальцы буду смотреть, если дом муфтия походить будет на европейскую гостиницу; если войны мои, за неимением врагов отечества, будут грабить своих соотчичей, и часть добычи поднесут сардару; если ограбленные предстанут к визирю с просьбою о правосудии и поступят к нему последками имущества, оставшегося им после нашествия моих воинов. Клянусь устоять в ханском слове моем, ибо, вы более других о сем сведомы, люблю порядок и правосудие».

Из Москвы прямо отправились в Лондон, и подняли такой пир, что и Совету твоему на горах Кавказских не в память. Мы заранее один другого поздравили с будущим успехом нашего предприятия, и гораздо уже за полночь хан понесен телохранителями в Астрахань, а мы кое-как поплелись в свои дома.

Глава 27

ОСЕТИНКА В САРАФАНЕ

В следствие ханского повеления, на другой день, вскоре по восходу солнечному, отправился я в Москву, и по первому слову впущен в пиршественную храмину. Прелестная княжна довольно долго не являлась, ибо ей донесено было, что великий муфтий, по ханскому повелению, желает с нею наедине беседовать. Она приведена была в смущение, и не иначе решилась исполнить волю повелителя, как по сильном уверении со стороны прислужниц, что от нее самой будет зависеть прекратить беседу, как скоро она покажется ей слишком духовною.

Наконец, княжна Сафира явилась. О, любезнейший князь! Что бы сказал ты, что бы ты сделал, если бы увидел ее в тогдашнее утро? Парчовый багрового цвета сарафан, испещренный и обшитый золотом, обвивался около лилейного стана ее. Усыпанная драгоценными камнями повязка окружала возвышенное чело ее; шелковые косы переплетены были крупным жемчугом. Взглянув на меня бегло, она остановилась, и сделав головою легкую уклонку, села на голубом бархатном диване. Признаться откровенно, я ничего прелестнее не только не видел, но не мог и представить, хотя политики всегда имеют парящее воображение.

«О, муфтий, о мудрейший из всех мудрецов на свете! — вскричал я с восторгом, и пал в объятия Шамагула. — Что будет из бедного князя Кайтука XXV, когда он лишится княжны Сафиры, несравненной, единственной в свете?»

«Будь рассудительнее, князь, — отвечал он, — положиись на определение судьбы; чему быть, того не миновать. Сверх же того и действие моей политики чего-нибудь да стоит!»

Видя, что княжна хранит молчание, продолжал красноречивый муфтий, я должен был открыть беседу. «Клянусь Магометом, — вскричал я, — что если бы несчастный князь Кайтук в сем пленительном уборе увидел обожаемую княжну Сафиру, то один взгляд ее был бы для ран его целебнее всех врачеваний, доставленных ему моею дружбою».

Легко представить можно, что такие слова приятно поразили слух княжны Сафиры. Она вздрогнула; щеки ее покрылись густым румянцем; в глазах заблестали искры. «Чему приписать, — спросила она нежным, томным голосом, — что астраханский муфтий знает меня, знает князя Кайтука, и, как кажется, в судьбе нашей принимает участие? Если это нечто другое, как обманчивая личина, как новая уловка поколебать непоколебимое сердце мое, то клянусь Макуком и Кукамом, что муфтий не более в сем успеет, как и хан его!»

«О, прелестная Сафира! — сказал я, — неужели голос мой в несколько месяцев столько переменялся, что ты не узнаешь его? Чудно! Он должен быть весьма знаком тебе, ибо ты находилась подле той храмины, в которой я выказывал всю его звонкость, извиваясь и вопия под ударами телохранителей светлейшего Мирзабека, в награду за поднесенный ему в подарок от лица моего князя орден Нагайки?

«Праведный Макук! — вскричала княжна, — возможно ли? Неужели ты...»

«Истый Шамагул, — отвечал я, — бывший визирь князя Кайтука, первый политик на горах Кавказских, а ныне великий муфтий астраханский».

Нечего сказывать, какие после открытия сего начались у нас рассуждения. Чтобы успокоить нежную заботливость княжны о судьбе твоей, я рассказал ей о твоём состоянии, о верных надеждах в твоём выздоровлении и о чаянии моем спасти тебя от насильственной смерти. После сего поведал ей о твоих странствиях, о бедах, приключившихся в столь дальнем пути, и о гонениях неумолимого рока, умолчав, из политики, о занятиях в Кабарде, где добродушные люди потчивали, чем только могли, вдохновенного сантона. Княжна в свою очередь чистосердечно призналась, что полюбя тебя страстно с первого взгляда, она с ужасом помышляла уже о женихе своем, князе Кубаше. Разбитие воинства твоего на горах стоило ей многих горьких слез и тяжких вздохов; но как не только тебя, но и никого не нашли мертвыми, то она и питалась надеждой, что рано или поздно ты опять появишься в своем княжестве. Когда же вышло сему противное, и когда князь Мирзабек, уступая беспрестанным доукам князей Кунака и Кубаша, дозволил им начать сватовство открытое, и когда увидела она в чертогах родителя приготовления к брачным веселостям, то смущение ее превратилось в отчаяние. Изготовя себе мужское платье, она ночью в канун рокового посольства моего оставила Ларс и пустилась в дорогу, не забыв запастись оружием и юзлуками. Зная по общим догадкам, что ты, если еще жив, отправился искать помощи у друга твоего родителя, кабардинского князя Гирея, и она вознамерилась там искать тебя. Не нашед на сем месте, она решилась идти до самой Астрахани. На дороге между Кизляром и Науром нагнал ее отряд татар, возвращавшихся на родину, претерпев поражение от москвитян. Они обрадовались встрече, взяли с собою и продали армянину Иованесу. Сей сребролюбец, взяв подозрение, что должен будет лишиться даром своей находки, запрятал княжну в один из загородных домов своих, и держал весьма скрытно до тех пор, пока, по его мыслям, не пришел он в безопасность. Возвращаясь в Астрахань, он попался Гассану. Обстоятельнейшее сведение о княжне, когда была она в доме Иованеса, тебе известно из повести Гассановой.

«О, несравненная княжна, божественная Сафира! — вскричал я с восхищением, — как счастлив будет князь Кайтук, если не прибьют его до смерти палками, не посадят на кол и не пустят в мешке плавать по морю!»

Глава 28

НАДЕЖДА НА САМИХ СЕБЯ

Великий муфтий продолжал. Я с таким удовольствием слушал повествование княжны Сафиры, что кажется, не устал бы и до самой ночи; столько-то приятно на чужой, отдаленной стороне, под непривычным небом, найти земляка своего, а особенно прелестную землячку! Я хотел было возвестить ей о последнем посольстве своем у князя, ее родителя, об угрожавшей спине моей опасности, о политической выдумке, спасшей меня от нагаек, об окончании свадебных приготовлений у Макуковой пещеры, где светлейшие сваты получили изрядные на лбах рога от трубочных поражений, как намерение мое прервал вошедший карло, объявив, что визирь Батырша начинает терять терпение и думает, что для молодой девицы отяготительно в один прием получать так много Алкоранских истин.

Выслав карлу с удовлетворительным ответом, я удовольствовался, сказав: «Прелестная Сафира! Если ты не хочешь лишиться вовсе надежды принадлежать когда-либо любезному обоим нам князю, то должна поступать по моим советам. С сего же дня, при каждом посещении хана или вельмож его, старайся более и более оказывать почтение к пророку и доверие к Алкорану; однако ж не торопись давать полное согласие на приобщение к сонму правоверных. О князе Кайтуке не упоминай ни словом, а если сам хан заведет об нем речь, то с видом кротости и чистосердечия признайся, что ты впервые видела его при встрече с Гассаном и что любовь к нему — есть выдумка, коею думала ты испытать нежность его чувств. Завтра услышишь более».

С сими словами оставил я княжну Сафиру и уступил место визирю, а тот в свою очередь сардару. Все мы довольны были своею ученицею и самими собою, а хан Самсутдин, вне себя от радости, слыша общие наши обнадеживания в свою пользу, одарил нас щедро и называл вернейшими, любезнейшими друзьями.

И в самом деле я доволен был своим положением. День ото дня здоровье твое поправлялось; Сафира пользовалась совершенною свободою от нападков ханских, ибо он был терпелив, и поклялся бородою отца своего дожидаться того вождя времени, когда княжна поклонится Магомету и прострет к нему свои объятия, а я со своей стороны — с помощью политики выдумывал надежнейшие способы о вашем освобождении.

Дабы нисколько не обнаружить, что посещения мои менее всего клонились к душеспасению язычницы, я рассказал ей и заставил крепко-накрепко вытвердить несколько статей из Алкорана, сообщил пары две тайнств, и испытывая память ее и способность к повествованию, немало удивлялся, что молодая девица так непринужденно, ловко и невинно говорила, притом долго о таких предметах, коих совсем не понимала, коим нисколько не верила, кои от всего сердца презирала. Из сего-то заключил я, что и княжна Сафира со временем будет первой величины звездой в политике.

С визирем и сардаром живем мы весьма дружески, и один другому прямо ни в чем не мешаем. Я господствую в мечети и за каждое благословение получаю добрые гостинцы, в коих муллы и имамы имеют весьма мало участия, и если я подолее пробуду у них муфтием, то они и подлинно от сухоядения просветятся и сподобятся видеть пророка лицом к лицу. Сардар спокойно пригребает себе жалованье военнослужащих, платя им вместо юзлуков апросами; а если кто-либо возропщет, тот, вправленный в фалаку, возопиет голосистее, чем вопияли подданные твои при пожаловании их кавалерами ордена Нагайки. Визирь, уподобляя себя пастырю овец, властною рукою обстригает весь народ, а с упорствующих сдирает и кожу. Покушались было некоторые, не знавшие нисколько политики, предстать к хану, во время посещения им Неаполя и Лондона, с жалобами на горькую участь свою, но такая дерзость обыкновенно бывала, в пример другим, сурово наказываемая, и эти безумцы объявляемы были в народе возмутителями.

День от дня сей спасительный для народа союз наш становился теснее, тверже, неразрывнее, мы участвовали в ханских беседах во всех дворцах, им посещаемых, как вдруг одно непредвиденное, странное, горестное происшествие поколебало в корне общее спокойствие, погрузило

хана на целые два дня в крайнее беспокойство, и весь Двор его в унылое недоумение.

Муфтий Шамагул хотел продолжать, как вдруг наверху нашей башни раздался ужасный рев и вой. Я вздрогнул; но, собеседник мой, улыбнувшись, сказал: «Как, ты не узнаешь уже голос Антяма, знакомого нашего в Кизляре, который открыл мне дорогу к настоящему моему званию. Теперь он возбуждает придворных к утренней молитве, и мне непременно надо удалиться в свои чертоги. Немедленно явятся там очередные муллы и имамы просить моего благословения на священнодействие. Завтрашний день не премину я посетить тебя, как скоро улечу к тому времени».

Не волнуясь уже мыслями об участи своей и об участи прелестной Сафиры, я, по удалении великого муфтия, разлегся на ковре и опочил сном приятным. Я мечтал видеть себя на горах в своем княжестве, на прародительских козлах, и милая, прелестная Сафира с нежностью обнимала меня лилейными своими руками.

Глава 29

ВОТ НОВОСТИ!

Великий муфтий Шамагул сдержал свое слово и посетил меня на другой день после четвертой молитвы. Повторив всегдашние приветствия и обнадежив снова в непоколебимости дружбы своей, он продолжал повествование следующим образом:

Я сказал уже, любезный князь, что спокойствие мое и всего Двора астраханского прервано было неожиданным приключением. Ровно за шесть дней перед этим, когда мы собрались в храмину Совета, дабы доставить хану пособие, оказать столь прославляемое им правосудие, немало удивились, не найдя его на своем диване и не обоняя табачного дыма. Все знали, что по совету придворных врачей, верные рабы каждый день с восходом солнца собирались в предспальне ханской, будили его шумом и стуком, поднимали с ложа, проводили ровно десять раз по комнате, как давно застоявшегося слона, отводили в Совет и усаживали на мягкий диван, а потому-то мудрые советники всегда уже находили его готовым к исполнению возложенной на себя обузы: слушать терпеливо всякий вздор, какой кому

взбредет в голову; теперь, как говорю, вышло противное. Придворные карлы тихо и скромно, гайдуки прислонясь к укромным углам стояли повеся головы; словом приметная горесть и уныние разливались на лице каждого, и мы не осмеливались ни у кого спросить о причине сей новости. «Увы! — сказал я тихо близ стоявшему сардару Ишмура-ту, — я предчувствую некое несчастье, всем нам грозящее опасностью. Ты припомнишь, почтенный друг, что вчера велелепный наш властелин, будучи в роковом Лондоне, делал сильные и частые тосты. Он несколько сыр, и легко станется, что пуншевые пары поколебали твердыню его крепости, сколько первая ни прочна, а последняя ни обширна. Впрочем молю милосердного Аллу, чтобы моя политика на сей раз меня обманула».

Когда мы, таким образом, разглагольствуя довольно долгое время, делали разные догадки о сем необыкновенном поступке Самсутдина и непритворно боялись его лишиться, двери нашей храмины отверзлись, и два гайдука, поддерживая хана под руки, взяли медленно и усадили на диван. Всегда бледно-желтое лицо его сделалось теперь зелено-желтым; лоб его и щеки были в складках, в каких изображают спину и ребра носорога; чрево его, доселе полное и круглое, теперь упало на колени; словом, он походил на буйволиный тулук, до половины выщеженный. Нечего и сказывать, что такое состояние хана повергло нас в робость и печаль сердечную, а некоторых бросило и в лихорадку, ибо мы все единодушно чувствовали, что в случае потери Самсутдина нескоро удастся нажить ему подобного. Сколько-то все известны были о его кротости и смирении, несмотря на что, с языка его не сходили слова о любви к правосудию.

Помолчав довольно долго, хан поднял голову с таким усилием, как будто она была чугунная, окинул нас мутными, помертвелыми глазами, вздохнул так, что у нас завяли уши, и потом дрожащим голосом произнес: «Всемогущий Алла да сохранит меня и вас, друзья верные! Великий пророк судил дням моим быть днями горести и покрыл их черною завесой сетования! Познайте бедствие, падшее на главу владыки вашего; но нет! Я не в силах возвестить свой стыд и поругание. Вот, — продолжал он, подавая визирю лоскут исписанной бумаги, — вот, мудрый Батырша, доказательство самое верное моего невероятного несчастья.

Прочти во услышание всех, и общими силами рассудите, что должен делать я, как поступить согласно с достоинством хана и с побуждением сердца его к правосудию?»

Визирь, приняв рукописание, к неопisanному удивлению нашему прочитал следующее:

Юмангула, дочь Курмангалея, хана казанского, мужу своему, безумному Самсутдину — хану астраханскому, желает задохнуться от собственной тяжести или утопиться в бочке лондонского напитка, — как рассудит Алла!

Будучи дочерью властелина, долго я делала честь тебе, живучи в Астрахани, вокруг которой взбрело тебе на ум расположить большую часть целой Европы. Будучи матерью двух сыновей, долго терпела я соперничество Гальбустаны, сестры Башира, хана калмыцкого.

Но и сего показалось тебе недовольно. К великому числу невольниц ты приобщил еще какую-то язычницу, и как по старанию твоему об ее обращении в правоверие, видно вознамерился сделать ее третьею своею супругой. Устыдись, бесстыдный! В возможности ли ты надлежащим образом содержать и одну из всех?

Я решилась! Ты, ослепленный вздорными советами визиря Батырши, сардара Ишмурата и муфтия Шамагула, проводил все время то в Москве, то в Лондоне, а потому и не заметил, что происходит в Астрахани. Все мое приданое, от отца привезенное, и все, что могла я нажить в десятилетнее у тебя пребывание, время от времени, перевезено на границу Казанскую.

Как скоро взойдет луна на небе, я с обоими сыновьями моими и со всеми спутниками садимся на коней и отправляемся в столицу отца моего. Он не замедлит потребовать у тебя отчета в твоём поведении.

Возобновляя тебе желания мои, объясненные вначале письма сего, уведомляю, что когда ты прочтешь его, буду я за границей!»

Батырша умолк. Удивление, горесть, гнев и печаль поколебали сердца слушателей. Кто мог ожидать подобной дерзости? Как-то расположится хан в сем щекотливом деле? Божественная политика! Была ли ты когда-либо нужнее, как теперь, правосудному Самсутдину!

ЗАТРУДНЕНИЕ

Весь Совет заметил, что такие ругательные выражения вновь возжгли тусклое пламя гнева в ханском сердце. Грудь его подобилась неаполитанскому его вулкану. Глаза издавали слабые искры, он весь потрясся, и голосом, какого мы никогда от него не слыхали, взревел: «Что присудите мне начать теперь? Говорите откровенно и не считайте более Юмангулу моею супругой! Ах! Мне жаль только сыновей моих. Они в отрочестве своем во всем на меня походили, и, вероятно, не отстали бы от образца своего и в мужеских летах. Какая в каждом осанка! Какая дебелисть! Какого ж хана лишается Астрахань в моем наследнике? Говорите мысли ваши: муфтий, визирь, сардар! Говорите, что должны мы начать в сем бедственном состоянии?»

«Яко верховный визирь, — сказал, надувшись Батырша, — я должен объявить, что в таких случаях повелевают законы страны нашей, кои, после заповедей пророка, должны быть священнее всего для верноподданного. Итак, повели всех твоих невольниц, оставшихся в астраханском гареме, разделить по избранным друзьям твоим, снабдя каждую из них, вместо приданого, десятью мешками юзлуков. Это покажет, что ты мало печалишься о строптивой своей супруге и увезенных детях ее. Благодаря пророку, ты от Гальбустаны имеешь прекрасного младенца, который со временем, подобно тебе, примет жезл правительства над нами. Искорени из мыслей твоих и сердца преступную Юмангулу, представь, как будто ты никогда не знал ее, и восприяв прежнюю бодрость, властвуй над нами в мире и благоденствии».

«Как! — вскричал Ишмурат писклявым голосом, — разве светлейший хан есть один из подданных? Неужели и для него довольно пренебречь только преступною супругою? Или оскорбление, причиненное его велелепию, не есть оскорбление для всего подвластного ему народа, оскорбление, достойное кровавого отмщения? Но дабы соседние народы удостоверились, что мы не иначе поднимаем оружие, как быв принуждены к тому нахальством других, то для виду пошлем к Курмангалею посланца с требованием, чтобы он немедленно преступную дочь свою

Юмангулу, обременив железными цепями, предал в руки твои для приведения в послушание мерами, какие правосудие твое признает удобнейшими. Меж тем мы соберем войнство великое, и я, предводительствуя оным, обещаю тебе победу. Ты возьмешь в плен Юмангулу со всем родом ее и племенем, получишь драгоценный выкуп, оставишь при себе обоих сыновей, а ее с отцом отправишь на родину с уничижением. Пусть же тогда настоящие землеобитатели и грядущие потомки скажут: кто мог поступить умнее сильного и правосудного хана Самсутдина?»

«Вы судили оба, — сказал я в свою очередь, — как прилично великим политикам, радеющим о пользе и повелителя и подданных. Надобно только, клянусь вдохновением великого пророка, благоволившего в эту минуту осиять меня мудростью свыше, — надобно только ваши мнения соединить воедино. Итак, да разделит светлейший повелитель астраханский гарем свой, буде угодно, по преданнейшим друзьям своим, а потом да изготовится ко брани. Что ж касается до посла, которого по совету сардара Ишмурата должно послать к старику Курмангалею, то у меня есть на примете человек, совершенно к тому пригодный, именно тот храбрый горец, содержащийся теперь в городской тюрьме, который незадолго ратовал с Гассаном и взял в плен его ухо. Не говоря о личной его храбрости, он сверх того великий политик, и я даю честное слово, что он возвратится к тебе с объявлением войны от строптивого Курмангалея».

Слова мои признаны самыми разумными, и тогда же хан дал сардару повеление представить тебя на суд, и если ты не столь виновен, как донесено, то освободя от оков, дать новую должность. Я сделал свое дело и самое политическое. Визирь и сардар со мною согласны и своими странными решениями о твоей участи приблизили тебя к освобождению. С завтрашнего дня ты начнешь действовать в новом звании и с приличною свитой отправишься к хану Курмангалею.

Выслушав эти речи дорогого муфтия, я вскричал болезненно: «Умилосердись, праведный Макук: мог ли я ожидать, что вернейшие друзья мои приготовят мне смерть, самую мучительную? Ах, Шамагул! Куда девалась твоя политика? Или забыл ты, как отпотчивал тебя князь Мирзабек, когда ты собирался раз десять стегануть его

нагайкой при посвящении в кавалеры сего ордена? Суди же, как поступить может со мною хан казанский, когда я сделаю ему столь наглое предложение, о коем и самый изобретатель оного Ишмурат был уверен, что оно может быть принято? Самая меньшая из бед, каких я ожидать должен, будет, что меня возвратят в Астрахань с обрезанными носом и ушами!»

«Остановись, князь, — возразил Шамагул, — не обнаруживай, что ты не очень далек еще в политике. Разве не видишь, что единственною целью моею было твое освобождение! Кто, кроме безумного, велит тебе являться к хану казанскому на явное увечье? Вельможи хотят войны, — пусть будет по их. Я назначил уже тебе сопутников из преданнейших мне тварей. Они не только не посмеют говорить, но и мыслить что-либо противное данному знаку. Пробыв на границе столько времени, сколько по расчислению потребуется, ты возвратишься с объявлением брани. Тебе вверят часть войска; ты натворишь чудеса храбрости; возвысишься; будешь иметь полное право требовать воздаяния за свою службу. Сафира будет столько же безопасна в своей Москве, как праматерь Ева в эдеме. Все продумано, расчислено, положено на мере».

Глава 31

ПОСОЛ

Успокоенный Шамагулом насчет будущей судьбы моей, я на досуге начал придумывать все способы, как бы вернее отличиться в подлежащей брани. Услужливое воображение мое закипело. Уже доблестный князь Кайтук, отличивший себя бесчисленными ратными подвигами, в воздаяние заслуг получает высокое звание сардара; уже он повелевает тысячами астраханцев; уже бегут от него и падают во прахе толпы казанцев и просят пощады. Светлейший князь Кайтук в сем случае весьма разборчив. Он знает, кого казнить и кого подарить жизнью. К довершению славы, Курмангалей со всем родством и вельможами подвергается плену, и все преклоняют колени пред могущественным победителем. Князь Кайтук великодушен. Он принимает хана с его дочерью милостиво; сажает с собой рядом на великолепную колесницу, и при радостных

воплях бесчисленного народа с неописанным торжеством вступает в стены астраханские. Слущая советы вельмож, истинно мне преданных, и внемля желанию благодарного народа, я покушаюсь уже велелепного Самсутдина столкнуть с блестящего дивана и без зазрения совести присвоить себе прекрасные его области Москву и Турцию, ибо Неаполь и Лондон не очень мне нравились, и я охотно обещался никогда в них не заглядывать, — как внезапный стук у дверей вдруг остановил быстрые успехи моих подвигов, с превыспренного неба низвел меня на землю, и я опять увидел себя в подвале. Ко мне вошел чиновный татарин с тремя прислужниками. «Поздравляю тебя Кайтук, — сказал он ласково, — с ханскою милостью. Ты совершенно свободен, и сим одолжен заступлению нашего кроткого муфтия; да дарует ему благий Алла многие лета! Сверх того, назначен ты посланником к высокоповелительному хану казанскому. Ступай со мной в чертоги сардара Ишмурата. Там назначен по сему предмету тайный Совет, и там найдешь ты заступника своего, благочестивого Шамагула и просвещенного визиря Батыршу; там получишь наставления, приличные новому твоему званию. Следуй за мною». Как охотно повиновался я сему приказанию! Идучи по астраханским улицам, я не встречал уже наглых оскорблений от черни, и весьма спокойно со спутниками своими достиг дома сардарова. Введен будучи в приемную комнату, нашел сего вельможу небрежно сидящего на диване. По правую руку его восседал глубокомысленный муфтий, а по левую гнезился шаровидный визирь Батырша. Как скоро я появился, то по данному от сардара знаку все лишние удалились, и мы остались вчетвером.

«Приблизься к нам, Кайтук, — провозгласил сардар, — и выслушай внимательно слова мои. Ты должен много благодарить пророка, что он удостоил тебя необыкновенной чести быть посланником от лица Самсутдинова. Главный предмет посольства да будет, чтобы рассердить хана Курмангаля, и чтобы замышляемая нами война непременно состоялась. Возможно ли снести, что во все правление Самсутдина мне не удалось прославиться ни на одной битве; ни один муфтий не отпевал победного молебствия, и мудрый визирь Батырша не заключил ни одного дружественного трактата! Что подумает о сем отдаленное потомство? Не всякий ли назовет нас безмозглыми баранами, которые

любят только драться между собою, но боятся направить рога и против дворовой собаки! Нет! Одна только война может прославить мудрое правление. Итак, во имя всеблагого Аллы, ступай, Кайтук, к Курмангалею. Благочестивый муфтий приискал тебе добрых советников. Вот тебе сто юзлуков на дорогу. Если же ты окончишь все миром и возвратишься с Юмангулою, то подошвам твоим крепко-накрепко достанется!»

Выслушав такое наставление, я оставил собрание и прямо отправился в дом благочестивого муфтия Шамагула, который также не замедлил своим появлением. С сердечною благодарностью обнял я верного друга, которому единственно одолжен был жизнью. Радость моя умножилась прибытием моего сардара Бектемира, который также назначен был в посольскую свиту.

Большую половину дня провели мы в братской беседе. Шамагул дал мне клятвенное обещание занять хана военными предприятиями, отклонить его мысли от княжны Сафиры. Как скоро показался месяц на астраханском небе, я со свитою своею воссели на борзых коней и отправились на границу, где намеревались провести три дня, и потом явиться с объявлением войны, столь для многих вожделенной.

Глава 32

НАМЕРЕНИЕ К ВОЙНЕ

Проезжая пространные области, подвластные воле Самсутдиновой, мы встречали посланцев ханских для возбуждения народа ко брани. Все с неописанным ужасом слушали такую новость, и повсюду раздавались стоны и вопли, и кое-где проклятия против всех вельмож. Такое начало и в моих глазах не предвещало доброго успеха; но я скоро утешился, видя, что подданные хотя и против воли, собираются под знамена своего повелителя.

Достигнув границы, мы с общего согласия отыскиали уютное местечко, и расположились там на три дня станом. Как у нас во всем было изобилие, то весьма прохладно проводили свое время, грелись у разведенного огня и жарили шешлык. Если бы не любовь к Сафире занимала мысли мои, и не страсть к отличию в наступающей брани, то жизнь моя была бы самая счастливая.

По прошествии трех дней посольство наше вступило опять в свои пределы; каждый из нас принял на себя плачевный образ, а я походил на самого отчаянного. «Война кровопролитная, — вопиял я, встречаясь с жителями, — война непримиримая объявлена Самсутдину жестокосердым тестем его! Подвизайтесь, храбрые татары! За честь вашего хана, за безопасность жилищ своих и имущества, за благосостояние веры, мечетей, всех мулл и имамов! Неистовый Курмангалей угрожает всему ханству погибелью».

Так зазывая повсюду, где только встречали людей, прибыли мы в столицу. Как скоро слух о нашем возвращении достиг ушей Самсутдиновых, немедленно велел он собраться своему Совету, куда представить и меня с братьей. В сей храмине все было точно в том же порядке, как и прежде, когда вводили меня на суд и осуждение. Я отдал его велелепию земной поклон; он с видом крайнего удивления уставил на меня мутные глаза свои, и после прошипел: «Что я вижу? У моего посла и у всей свиты целы нос и уши! Что это значит? Или Курмангалей исполнил праведное мое требование и преступную Юмангулу возвратил ко мне отягченную железными оковами? Поведай мне теперь все обстоятельно, как приняты вы казанским ханом?»

«Великий повелитель! — сказал я с подобострастием, — не изволь удивляться, что видишь нас в целости. Это отнюдь не значит, чтобы Курмангалей склонился на наше представление; напротив, это есть особенный знак его высокомерия. Когда мы введены были пред лицо хана казанского и я в самых политических выражениях поведал высокую волю твою иметь в цепях Юмангулу, он сделался вне себя, и так рассвирепел, как уязвленный буйвол». — «Ах, нечестивец! — вскричал хан, — постой, я доберусь до тебя. А в задаток, чтоб он видел, как опасно шутить со мною, отрежьте у посланников их носы и уши и плетью прогоните до границы».

Все в Совете Курмангалейя пришли от сего в волнение, и верховный визирь произнес: «Повелитель! Приказание твое, конечно, возвеличило бы и твое величие, если б мы сочли себя слабее астраханцев. Но как, по благости милосердного Аллы, несомненно надеемся торжествовать над преступным Самсутдином, то не почтеннее ли будет для славного твоего имени, отослать сих нечестивцев в том виде, в каком они явились, а в награду за то поступить,

таким образом, с безумным ханом астраханским, то есть: обрить ему усы, бороду и обрезать нос и оба уха».

Речь сия, продолжал я, вразумила Курмангалея; он приказал только плетями выпроводить нас из стана, и отпустил к тебе с объявлением кровопролитной брани. «Скажите Самсутдину, — прибавил он, — что я скоро посету его логовище; срю неаполитанский Везувий, сожгу лондонский флот, выщежу весь пунш до капли, и поступлю с ним самим по визирскому совету!» — «Не удастся, богохульник! — взревел Самсутдин, — прежде надобно тебе сразить непобедимое мое воинство, а там уже располагать моим достоянием. Война дерзкому Курмангалею!»

«Война кровопролитная!» — воззвал сардар Ишмурат, ударяя рукой по эфесу своей сабли. «Война непримиримая!» — возопил визирь Батырша, пошатывая проворно на голове колпак свой; за сими вельможами весь Совет возгласил тоже. На другой день назначено быть смотру воинства на поле астраханском.

Глава 33

УХИЩРЕНИЕ

При выходе из сей храмины сардар остановил меня, и потрепав по плечу, сказал: «В воздаяние, что так удачно отправил ты посольство, я предводительству твоему вверю целый отряд храбрых наездников. Ты будешь сражаться подле меня, и всякое отличие не останется незамеченным».

Оставя дворец, я бросился в дом муфтия Шамагула. «Поздравляю тебя, любезный князь, — сказал он, — во-первых, с тем, что так политично сохранил нос свой и уши; а во-вторых, что прекрасная княжна Сафира вне всякой опасности».

«Как! — вскричал я с восторгом, — где же она теперь? Могу ли видеть ее? Могу ли обнять прелестную и уверить в вечной любви моей?» — «Нет! — отвечал Шамагул, — ты ее скоро не увидишь, но, тем не менее, можешь надеяться обладать ею. Выслушай меня и подивись, что может сделать гений политичного человека». В первый день отправления твоего к пределам казанским, когда я вступил в дом свой, то был поражен криком, воплем и звуком одеваемых по-

щечин. Вошед на женскую половину, я увидел, что две невольницы мои без милосердия дрались между собой. «Я тебя старее, — кричала одна, — так имею всякое право на твое почтение». — «Я тебя моложе, — вопила другая, — так имею более права на любовь муфтия, а потому и на твое почтение».

Уняв этих храбрых ратниц силою моих политических увещаний, подкрепленных полновесными подзатыльниками, я призадумался. Божественная политика, подобно молнии, осветила очи ума моего. Я не мог понять, как такая дорогая мысль давно не пришла мне в голову. Обдумав на досуге предмет сей, и пользуясь правом первосвященника, на утро другого дня отправился я в ханскую Астрахань, и легко испросил дозволение видеться с Гальбустаню, вторую супругой Самсутдина.

«Прекрасная повелительница повелителя православных! — сказал я с доверенностью преданнейшего человека, — да дарует тебе Всевышний столько радостных лет жизни, сколько у тебя волос на всем теле! Прими знаки моего неперменного усердия к тебе в довольно щекотливом случае. Может быть, ты уже знаешь, а может быть и нет, что с недавнего времени в московский гарем введена молодая, прелестная язычница. Хан, воспитанный в вере благочестивой, не иначе хочет удостоить ее своих объятий, как сделав предварительно мусульманкою; она же, при всем сиротстве своем, так горда, что не иначе хочет отречься от своих богов, как в звании супруги ханской. Ослепленный ее прелестями, Самсутдин и на это соглашается. Он велел мне наставлять ее в Божественном законе, и вскоре, если что особенное не воспрепятствует, Гульбека разделит трон с властелином».

Гальбустана от слов моих пришла в несказанную ярость. Она была сестра калмыцкого хана Мусалима, и считалась отличною красавицей во всей орде своей, в числе трех тысяч кибиток кочующих на изобильных пажитях близ моря Каспийского, а потому нельзя не быть ей высокомерною, властолюбивою, неукротимою. Черные, узенькие глазки ее совсем смежились; большие ноздри в круглом вздернутом носу еще более раздулись; широкий рот превратился в пасть. Вдобавок, она схватила себя руками за оба уха и голосом, от которого я сам содрогнулся, возопила: «Как! Разве для того не щадила я ни трудов, ни иж-

дивения, чтобы подустить Юмангулу оставить Астрахань и дать мне одной волю управлять и ханом и его ханством? Бесстыдный изувер! Могла ли я, Гальбустана, равная ему породой, а что всего более, подарившая его сыном, могла ли я ожидать, что буду сверстана с безродною, и может безобразною девкою, похожею на москвитянок, какими большею частью его гаремы наполнены! Нет, изменник! Скорее принужу тебя забыть свой Неаполь, Москву, Лондон и Стамбул, чем доживу до сего посрамления рода моего и звания. Ах, как я несчастна, что досталась такому нечестивцу! Недаром благочестивый мулла, духовник мой, утешавший меня во дни горести о смерти моего родителя, увещевал не торопиться выходом за Самсутдина, а обождать, пока китайский повелитель, до которого несомненно в свое время дойдет слух об единственной красоте моей, не пришлет посольство на мне свататься».

Проговоря сию трогательную речь, Гальбустана во весь голос зарыдала. Я не знал, что и делать. Ну, если на ту пору нагрянет к нам Самсутдин, тогда политика погубит меня невозвратно! «Прекрасная повелительница! — сказал я, — умерь горесть свою и вопли. Тебе неизвестно, что сколько первая сокрушает душу, столько другие вредят прелестям телесным! Итак, не благоразумнее ли будет, в мире и тишине подумать о мерах, какие должно принять к обезопасению владычества красоты твоей».

«Что тут много думать, — возразила Гальбустана. — Я от природы решительна, и редко когда о чем думала. Сейчас отправлю нарочного к брату моему, Мусалиму, чтобы он подступил к Астрахани с несколькими тысячами храбрых калмыков, и принудил безбожного мужа моего кинуть свои намерения, столько для меня оскорбительные».

«О, красота своего пола! О, несравненная Гальбустана! Мысли твои неподобны и достойны величайших жен в свете! Однако ж согласишься, что если можно без шума, драки и кровопролития достигнуть предпринятого намерения, то не умнее ли, не согласнее ли с премудрою политикою не затевать содому? Не главная ли цель твоя, чтобы от чертогов ханских отдалить опасную для тебя Гульбеку, и таким образом, успокоить твое нежное сердце и обезопасить права дражайшего сына твоего воссесть на родительском диване?»

«Хорошо, — отвечала с живостью Гальбустана, — так я

сей же час верным мне невольницам прикажу поднести сей Гульбеке добрый прием мышьяку, а если она заупрямится принять оный, то без всякого отлагательства удавить ее и кинуть в море».

«Не могу надивиться решительности твоей, могущественная Гальбустана, — отвечал я с умилением, — и присутствию твоего высокого духа! Но долг благочестивого сана, мною в правоверии носимого, запрещает мне согласиться на такие поступки, за которые великий пророк строго накажет нас и в сей и в будущей жизни! И за что нам губить невинную Гульбеку, когда можем обойтись без того весьма удобно? Зачем без нужды призывать нам на главы свои проклятие невинных людей и гнев правосудного Неба? Это была бы весьма нерасчетливая политика».

«Я не понимаю тебя, почтенный муфтий, — возразила Гальбустана. — Что же будем делать с сею опасною соперницей?»

«Выслушай терпеливо, премудрая повелительница, — отвечал я важнее муфтия стамбульского, — слова мои — суть внушение правосудного пророка. Преподавая по повелению велелепного хана наставления Гульбеке в правилах благочестия, я известился, что она есть дочь некоего князя, владеющего на горах Кавказских. Имея сильное отвращение к жениху, назначенному ей от несговорчивого родителя, решила она оставить свои горы и предаться воле судьбы, в надежде найти другого жениха, человека храброго и великого политика, но гонением рока изгнанного из отечества. Неприязненный случай, против воли, заключил ее в серале ханском; итак, несравненная Гальбустана, не будет ли доброе, великодушное дело, когда ты поступишь следующим образом: призови из верных слуг твоих, калмыков, двух человек, и повели им, с помощью одного, которого я назначу, проводить Гульбеку до Моздока. По моему совету переоденется она в платье горца, выкрадется из своей Москвы, и благополучно достигнет до места назначения, где и вручит предписание мое тамошнему мулле беречь ее с моим проводником как зеницу ока своего, ибо калмыки твои от того места воротятся назад, пока я не явлюсь к ним, для осмотра мечетей, коих муллы и имамы подчинены моему управлению».

Нечего тебе, дражайший князь, рассказывать подробностей сего происшествия. Гальбустана легко склонилась

на мои представления, взяла нужные меры, и княжна Сафира в первую после того ночь ушла из Москвы в сопровождении двух калмыков и храброго сардара Бектемира, ибо согласись, что я дражайшую твою княжну не мог поручить в надежнейшие руки. Предписание мое моздокскому мулле будет исполнено им святее всякой статьи из Алкорана. Легко догадаешься также, что выюки Бектемировы туго набиты юзлуками, а княжнины, по милости Гальбустаны, золотыми украшениями. Надо думать, что все они, имея добрых коней, давно уже на месте».

Я не находил слов, чтобы достойно возблагодарить верного друга. С пролитием радостных слез обнял его и прижимал к своему сердцу. «Что же мы будем делать теперь?» — спросил я с тяжким вздохом. — «Что покажет нам окончание войны, — отвечал муфтий. — Я сам не предвижу тут ничего доброго; но того хотелось визирю и сардару, и я не нашел политики, чтобы не согласиться с ними. Ты знаешь, любезный князь старинную горскую пословицу: «Рука руку моет, и от того обе бывают белы».

Глава 34

ПРИМЕРНОЕ ВОИНСТВО

Я не расстался бы с Шамагулом, чтоб узнать мысли его о дальнейшей моей участи, как ужасный рев провозгласника вызвал его в мечеть к исправлению своей должности. Он приставил ко мне невольника и назначил комнату в нижнем жилье своего дома, где я мог успокоиться.

Быв обеспечен в участи княжны Сафиры, я покойно растянулся на мягком диване и предался лестным мыслям о собственной судьбе своей. Благодарение великому Макуку! Кажется, Черный год мой к концу приходит. Ровно через месяц будет день моего рождения, и надеюсь, все нападки злого Кукама тогда прекратятся. Не может быть, чтобы наше воинство, о храбрости коего гремит слава и на горах Кавказских, а особенно предводимое таким воеводою, каков сардар Ишмурат, который одним взором способен утратить целое ополчение, не одержало полной, блистательной победы над казанцами, которые хотя также, сказывают, не робки, но у них, верно, нет равного нашему сардару, а притом и я чего-нибудь стою и надеюсь не

унизить себя, ратуя в глазах Ишмурата отрядом храбрых всадников. По окончании пресловутой победы, когда Самсутдин воссядет на ханском диване и призовет избранных ратников для вручения им наград по достоинству, я, представ к нему, скажу: «Было бы известно тебе, велелепный хан, что предстоящий лицу твоему был некогда также светлейшим князем на горах Кавказских. Злой рок против него ополчился, а неблагонамеренный сосед выгнал из владения. Если ты хочешь наградить его за оказанные тебе услуги, то повели: снабдя достаточным количеством юзлуков, отдать на время во власть его тех самых наездников, с коими недавно ратовал он на полях казанских столь достопамятно. Он обещает поход свой кончить в один месяц, и возвратится к тебе обратно с дарами приличными».

Не может быть, продолжал я мечтать, чтобы в сем справедливом требовании было мне отказано; и тогда-то держись воза, бездельник Кунак, с уродливым сыном своим Кубашем! А если и князь Мирзабек хотя несколько заупряжится, то мало посмотрю, что он отец дражайшей княжны Сафиры. Самый даже князь Казбек не пошевелил против меня и усами: как раз лишится их!

Распорядясь в мыслях так разумно, я задремал сладкою дремотой и когда открыл глаза, то светлые лучи взошедшего солнца игриво освещали мою храмину. Как скоро я облачился и взялся за трубку, посланный от сардара принес мне неплохое вооружение и приказал: «Возложи оное на себя, отправишься на астраханское поле, где с раннею зарею должно собираться войско. «Конь для тебя, — промолвил он, — готов со всем богатырским прибором и стоит у ворот сего дома».

Попрося отблагодарить сардара за такое его внимание, я отпустил присланного, прицепил саблю к поясу, вздел за плечо лук и колчан, и взяв в руку легкое копье, отправился к месту назначения.

Как скоро выехал за заставу, то увидел многочисленное войско, в разных кучах расположенное. Я ожидал услышать звук труб, гром бубнов и резкий крик витязей, но в какое ж приведен был изумление, как горестно заныло сердце мое, когда увидел почти каждого из воителей в объятиях женщин и детей! Ратники горько рыдали, дети и женщины выли; одни проклинали свою участь, другие, ви-зиря, сардара и муфтия, а все вообще без зазрения совести посылали велелепного Самсутдина на дно геенны.

Признаюсь, такая картина была для меня неожиданна. «Это-то славное воинство астраханское? — говорил я сам себе, — не думаю, чтобы мы могли много на него надеяться; но что мудреного! Может быть, казанское и того краше, или наши витязи по обычаю земли своей теперь рыдают, а как скоро высвободятся из объятий матерей, жен и детей, как скоро покинут их из виду, то подобно медведям, рассвирепеют. Да и почем знать, не пролил ли бы ты сам, князь Кайтук, обильных слез соболезнования, когда бы должно было вырваться на кровавую брань из нежных объятий рыдающей Сафиры? О! Недолжно никого осуждать прежде времени, которое одно удостоверит, хвалы ли мы достойны, или порицания, за один и тот же поступок».

После сего рассуждения я спокойно внимал рыданиям наших ратников, и, увидя тихо едущего на персидском коне сардара Ишмурата, окруженного многочисленной свитой всадников, решил к нему приблизиться.

«Да благословит Всевышний оружие великого сардара среди поля ратного! Являюсь к тебе для принятия повелений. Где же та храбрая дружина, которую обещал ты ввести моему предводительству?»

Так я приветствовал полководца. «Помедли, Кайтук, — отвечал он, — и присоединись к свите моей. Все окружающие меня — люди именитые, и назначаются начальниками особенных дружин. Скоро прибудет сюда велелепный хан со всем Двором своим, и нам надо сделать предварительный смотр».

Сказав эти слова, он остановился. Я хотел пребыть подле него, но один из пеших его невольников, взяв за узду мою лошадь, повел позад свиты и сказав с улыбкою: «Здесь место твое» — отошел прочь. Я покраснел и догадался, что и в астраханском войске наблюдается та же политика, какая и на горах, и что к повелевающему войском естественно должны ближе находится те, кои отличнее по своей храбрости. От меня будет зависеть приблизиться к сардару и стать с ним рядом, подумал я и успокоился.

Ишмурат, обозрев все воинство, вещал: «Храбрые, непобедимые воины астраханские! Надменный Курмангалей, хан казанский, чувствительным образом оскорбил властелина нашего, а с тем вместе и всех нас. Он не только не отпустил назад дочери своей Юмангулы, бежавшей от своего супруга, но еще, в знак величайшего к нам презре-

ния, посланников наших отправил назад, не обрезав у них ни по одному уху. Не значит ли это явное от него поругание? Храбрые астраханцы! Мы должны общими силами отмстить Курмангалею и всему его народу. Как скоро выступим за границу, я позволю вам бить всякого казанца, жечь их жилища, грабить имение, словом: делать что только вам полюбится. Кто отличится своим мужеством, тот достойнее награжден будет. Светлейший Самсутдин благоволит проводить нас до самой границы».

«Астраханцы! — возопил опять сардар, — всяк из вас, имеющий на себе панцирь, под собой доброго коня и вьюк полный хлеба, при бедре меч, за плечами лук и колчан, а в руке копье, да устремится на сей пространный холм, и да ратует под знаменем Блистательной луны».

Мгновенно ратник с сим знаменем взошел на показанный холм, а вокруг него из всего воинства начали собираться воины, имеющие преимущества, объявленные сардаром. Когда же он увидел, что никто более не шевелится, то возопил: «Храбрый Рахметул начальствует сею избранною дружиною!» И в то же время один из свиты сардаровой отделился и поскакал к знамени Блистательной луны. Рахметул был молодой татарин, красивый собою, одетый пышно.

Бывший подле меня старый татарин, вздохнув, сказал: «Мудрено ли, что Рахметул храбр, когда он родной сын первого банкира придворного, у коего занимают деньги, разумеется, без отдачи, не только сардар и муфтий, но и сам хан велелепный. Уверяю тебя, продолжал он, что и прочие лучше устроенные полчища достанутся таким же храбрецам, ибо я подле сардара вижу двоюродного брата его и племянника визиря Батырши».

Слова сие прерваны были сардаром, который возгласил: «Все, хотя неимеющие панциря, но под собою неплохого коня, вьюки полные хлеба, при бедре меч, а в руке копье, идите на тот же холм и ратуйте под знаменем Булатного меча. Неустрашимый Башир над вами начальствует».

«Ну, не моя ли правда?» — покачав головою, сказал старый сосед мой.

Когда и это второе полчище устроилось, то сардар возгласил: «Все из вас, кои имеют каких-нибудь коней и снабжены на дорогу хлебом, а сверх того есть при них мечи

и копья, ступайте в эту долину и стройтесь под знаменем Железной руки. Неустрашимый Бикташ предводителствует вами!»

«Так и ожидал я», — сказал прежний татарин.

Оставшаяся толпа воинства была наподбор; но в числе людей обильнее трех первых. Кто-то из них имел лук, но без колчана; зато у другого был полный колчан, а не было лука. У некоторых луки без тетив или пустые колчаны. У иных прицеплены были клинки сабель, но без ефесов; у других древки копьев без ратовищ. Один был в рубище, но в красных сафьяновых сапогах; другой бос, но в порядочном кафтане; и большая половина без колпаков, повязав головы суконными и крашеными лоскутьями. Однако же все они вообще были веселее, нежели прежние. По всему видно, что им не с кем и не с чем было расставаться, а воротиться кое с чем всякий надеялся. Они делали скачки, кривлянья и примерные битвы.

Глава 35

ЗАВТРАК ХАНСКИЙ

Сардар, долго и внимательно осматривая сих ратников, сказал: «Вижу, храбрая дружина, что хотя число ваше и велико, но разделить вас на два полчища неудобно для собственной вашей пользы. Вы один другому пригодны будете, посужаясь частями своих вооружений; так, например: имеющий лук без стрел, да займет их у товарища, и позабавясь над неприятелем, отдаст его своему заимодавцу. Поступая таким образом, все вы довольны будете. Хотя останетесь под одним знаменем, но зато я даю вам двух военачальников. Собирайтесь на берегу того болота под знаменем Волчьего хвоста, а прозорливый Насыр и отважный Кайтук да начальствуют над вами».

«Ну, вот дошла очередь и до меня! — сказал сосед мой, старый татарин, — жаль только, что не вижу товарища моего в воеводстве». Видя же, что я поворачиваю коня вслед за ним, он весело сказал: «А, так это ты отважный Кайтук? Поплетемся ж к нашему воинству. С такими храбрыми и запасными витязями, поверь, мы натворим чудес; да и чего не в силах произвесть моя прозорливость, соединенная с твоею отвагой!»

Свет потемнел в глазах моих. Я ожидал, что с конем своим провалюсь сквозь землю. Стыд и горечь кружили мою голову. О неверный Ишмурат! Этих ли храбрых людей ты обещал мне? С ними ли могу я отличиться? Увы! Это стая нищих, могущая сопротивное воинство привести в стыд, а не в робость. Разве они к тому пригодятся, чтобы по окончании битвы обдирать мертвых.

Едва я и Насыр устроились впереди своей рати под знаменем Волчьего хвоста, как бранные трубы вострубили и раздался громогласный звук бубнов; а моя рать, не имея у себя таких припасов, по повелению Насыра подняла такой рев, что лошади других наших полчищ поднялись на дыбы и стали лягаться.

Встреча эта приготовлена была показавшемуся из города хану. Двадцатью невольниками, стеснявшимися столькими ж другими по прошествии каждых двадцати шагов, несены были великолепные носилки с вызолоченным балдахинном. Хан сидел на них сложа ноги и куря трубку. За ним ехали его телохранители верхами и богато одетые. Шествие замыкалось множеством духовных, предводимых муфтием Шамагулом и придворным визирем Батыршею. Они все и их лошади убраны были великолепно. По сторонам и позади этой знати толпилась едва ли не вся Астрахань.

Посередине воинства носилки остановились. В ту минуту все знатные спешили и опрометью бросились к хану. Следуя примеру других, а более Насыра, и я туда же устремился. Тут сардар, яко главный хозяин в сем случае, prodравшись к носилкам, сказал: «Высокоповелительный хан! Приветствую тебя на поле чести. Воинство твое многочисленно и устроено наилучшим образом. Оно разделено на четыре полчища и каждое из них имеет особое свое знамя и особого военачальника. Не благоволишь ли сам воссесть на коня и объехать ряды ратные? Твое присутствие подкрепит их мужество».

«Ты говоришь дело, — отвечал хан, — но я хочу наперед подкрепить свои силы; и для того приказал назире моему Туймаку приготовить кое-что позавтракать».

В один миг поставлены были на носилках у ног повелителя два преогромные блюда и две корзины. В одном блюде помещен был пилав с вареными в масле фазанами, в другом половина жареного барана. Одна корзина полна

была белых хлебов; а в другой заключались два пребольшие кувшина.

Я полагал, что хан пригласит к завтраку по крайней мере полдюжины вельмож, но не тут-то было. Пробормотав про себя какую-то молитву к Алле, он протянул руки, и когда невольники засучили ему рукава, и руки были вымыты, он устремился к блюду с пилавом и фазанами. Я пристально на него глядел и не мог наглядеться. Не знаю, чему уподобить ту быстроту, с какою двигались его руки от блюда ко рту и ото рта к блюду. Мне более бы надобно было времени съесть десять кусков пшешлыка, чем ему целое блюдо, в котором приготовлено было — удивление не мешало мне вести верный счет — четыре фазана, сваренные, по крайней мере, в литре сарачинского пшена. Когда пустое блюдо было принято и ему тафтяным лоскутом утерли рот и руки, он вытащил из корзины кувшин, и едва хотел поднести его ко рту, как визирь Батырша сказал вполголоса: «Прости мне, повелитель маленькое напоминание. Весь народ и воинство обращают теперь глаза на твое велелепие, и не будет ли для них соблазном видеть тебя, вкушающего напиток, вином нарицаемый?» Хан отвел руку с кувшином ото рта и взглянул пасмурно на муфтия. «Никак! — отвечал политичный Шамагул, — великий пророк, конечно, запрещает пить вино простому народу, но о повелителях во всем Алкоране по сему предмету ни слова не упомянуто». — «Муфтий лучше других это дело понимает!» — сказал хан взглянув косо на Батыршу, и не отводя кувшина от рта, выцедил вино до дна. В два мига, так сказать, то же досталось барану, хлебу и другому кувшину.

Глава 36

ВСАДНИК

По окончании сего лакомого завтрака, хан с помощью десяти прислужников снят был с носилок и поставлен на ноги. Подан знак; подведен персидский жеребец самой крепкой породы, украшенный драгоценным убором, в коем только и видно было золото, перемешанное с жемчугом, бирюзой и дорогими камнями. Бирюч, по приказанию визиря Батырши, став посередине народа, возгласил:

«Высокоповелительный хан наш Самсутдин, из отеческой любви к своему верному народу, благоволит воинство свое до самой границы ханства провожать собственною своею особою, и быть свидетелем непоколебимой храбрости онаго. Посему благочестивое духовенство и верный народ астраханский да шествует с миром в свои дома и готовится к торжеству, с каковым должны все сословия встретить своего повелителя по возвращении с победой. Одни высокоименитые: муфтий Шамагул, визирь Батырша и назир Туймак, с необходимым числом прислужников, должны сопутствовать хану в многотрудном его подвиге».

По окончании сей бирючевой речи, хан подступил к коню, погладил его, покусился было поднять левую ногу для вступления в стремя, но не мог, а потому и опустил ее смиренно. Догадливый назир, который, вероятно, понимал все могущие встретиться хану неудачи, в чем бы то ни было, сейчас приказал поднести лестницу, что и было исполнено. Отлогая лестница, о трех плотных, широких скамьях, была приставлена к левому боку коня; по сторонам ее стали по три гайдука, и таким порядком взмостили повелителя на спину персиянца, и скамейка мгновенно отодвинута. Хан, с давних лет неказавшийся народу с такого возвышения, хотел показать удальство свое: он сильно прищипорил доброго коня и поддернул муштук что было мочи, а животное, напрягшее стремление свое сперва броситься вперед, а потом отступить назад, весьма естественно вскочило на аршин вверх, и подобно огромному камню опустилось на землю, которая от сего падения застонала; хан, подобно ужасному молоту, обручивающемуся на наковальню, стукнулся об его спину: спина конева затрепала, ноги его разъехались, он чревом припал к земле, опустил голову, тяжело вздохнул, шевельнул раз, другой хвостом, потряс ушами, еще вздохнул, и — коня не стало, а хан, стоявший над своим подъяремником с испуганным, помертвевшим лицом, с протянутыми к гриве коня руками, с голою головой совершенно представлял из себя живого Кукама на его оводе. Все это сделалось в три мига.

Народ и воинство подняло плачевный вопль, и все возмутились. Приближенные тотчас оттащили хана от несчастного мертвеца, посадили на скамью, и всеми силами старались его успокоить. Мало-помалу он пришел в себя и

сказал со вздохом: «Сардар! Ступай, во имя Аллы, один в поход, а я отправлюсь в Астрахань».

Визирь Батырша ископился и наморщился. На глазах его и неpolitик приметил бы злобу и зависть. Он ужасался мысли что Ишмурат, предводительствуя один воинством, примет власть неограниченную, укоренится в ней, и со временем может быть для него опаснее самого Курмангаля. «Повелитель! — сказал он, — не будет ли неслыханное дело, что многочисленное войско, имеющее пройти все области астраханские, не насладится твоим лицемерием? Не есть ли ты для него то, что солнце во дни и месяц в ночи для всех земнородных? Что скажут летописи астраханские о своем повелителе, который, от столь маловажной причины, что конь под ним подломился, отрекся сопутствовать ратной силе своей на поприще победы и славы? Я думаю, что полезнее для всех, и в особенности для тебя, предпринять это путешествие на носилках, ибо надо сказать, что ни один конь из всей твоей Англии не может в доброте с сим сравниться».

Движением головы хан изъявил согласие, и сардар в свою очередь наморщился. Тут муфтий, уклонясь до чресл ханских с прижатою к сердцу левою рукой, вещал: «Я думаю так, и всяк, кто знает первые начала политики, надеюсь, со мною согласится. Конечно, как и прозорливый визирь заметил, присутствовать хану среди воинства полезнее, нежели не присутствовать, и если по несчастию нельзя ехать верхом на коне, то лучше быть несену в носилках, нежели идти пешком. Но рассуди, не полезнее ли для твоей славы, если я изобрету средство столь же покойно и безопасно ехать, как в носилках, а притом виднее для воинства, чем сидя на коне!»

Все придворные оказали знаки удивления и погрузились в думу глубокую. «Скажи, пожалуй, — шепнул хан, — мне бы весьма желательно было слышать такую тайну! Исполнением твоего замысла я сделал бы удовольствие себе, народу и воинству, а сверх того и отдаленное потомство сказало бы с удивлением: в сей кровопролитной брани, где кровь реками разливалась, где вопли и стоны оглашали леса, горы, реки и доли, хан Самсутдин, хан Самсутдин».

ПОПРАВКА В ДЕЛЕ

«С величием пророка Магомета, — воззвал Шамагул, распрямясь и подняв вверх руку, — парящего к престолу Всевышнего на своем албораке, да узрит Аллу лицом к лицу, как велелепный Самсутдин, восседая на хребте двугорбого верблюда, покрытого парчами персидскими и коврами индийскими, держа в руке обнаженный меч, указывал им путь своему войску, грядущему поразить буйного Курмангалея!»

Речь Шамагулова поразила хана и вельмож его. Повелитель выпучил глаза и разинул рот. Визирь и сардар были в таком же положении. Они все с крайним недоумением смотрели на своего муфтия. «Как, — спросил оправясь хан, — мне садиться на верблюда? Слыханное ли это дело! Неужели и эту явную нелепицу внушила тебе политика?»

«И притом самая разумная! — сказал Шамагул. — Выслушай терпеливо, и суди; во-первых: из древних, но не менее достоверных бытоописаний известно, что когда великий Скандерберг ворвался с оружием в пределы обширной Индии, то монарх оной, Пор, с бесчисленным ополчением своим выступил к нему навстречу, сидя на преогромном слоне, и, надо заметить, что он делал это не по необходимости, что никакой конь не сдержит груза его могущества, но единственно для оказания своей силы и опытности. Во-вторых: что есть животное пророково алборака? Не что другое, как ублюдок от осла и кобылы, каких у тебя много, и называются кашерами. Так если и сам великий пророк решил на албораке проехать все семь небес и предстать пред взоры Неизреченного, то почему же ты, велелепный Самсутдин, предаешься сомнению сесть на двугорбого верблюда?»

Основательность сих доводов рассеяла всю недоверчивость хана и вельмож его. Сам Батырша заметил, что, вероятно, пророк поразил коня для того, чтобы отличить хана от всех его подданных. Немедленно нарочные посланы были в Астрахань привести в стан воинский трех самых рослых и дюжих верблюдов, и с тем вместе доставить великолепнейшее украшение, долженствующее покрывать очередного, ибо хан намеревался переменять их для сбережения.

В ожидании возвращения посланных, по приказанию хана разбит был шатер пурпурового цвета. Внутри его разложены ковры и подушки, снятые с носилок. Хан на них опустился и скоро смежил очи свои. У входа поставлены были два чиновника для стражи. Ишмурат позволил своим всадникам спешиться, пустить коней на траву, а самим, буде хотят, возобновить прощание с родными, что в ту же минуту и было сделано. Место для приготовления обеда назначено за десять стадий оттуда, где долженствовало все войско также подкрепить себя пищею и отдыхать до утренней зари, а там уже пуститься вдаль. Всяк занялся своим делом. Бояре, вместе с возвратившимся духовенством, сели на хояме под тузовыми деревьями, и как тогда начиналась уже весна, столь ранняя на берегах Хвалына, то они и занялись рассуждениями о предстоящей брани и ее последствиях. Они, также как и я, попеременно разбивали в прах войнство Курмангалея, брали его в плен, разоряли его владения и честно делились корыстями.

Что касается до дружины, вверенной предводительству моему и Насырову, то она подняла потешные кулачные битвы и тому подобные воинские забавы. Кто же из них был догадливее, те приметив, что почти все конники вмешались в толпы народные искать друзей и кровных подуседались укромно к оставленным ими выюкам, потрошили их нещадно, прятали к себе жареное мясо, сушеную рыбу, хлеб и овощи, а на место всего клали в сумы комки смерзшейся грязи, небольшие камни, обрубки дров и тому подобное; возвращались с целомудренным видом, и вступали в игрища, по-прежнему. Другие вместо них уходили на добычу и возвращались довольные попыткою; а как их вдвое было более числом, нежели первых, то надобно думать, что мало доброго в суммах осталось.

Хотя я и Насыр это удалство хорошо приметили, но казали вид совершенного невнимания. На что добрых людей этих лишать и последнего их удовольствия, а особливо в таких вещах, которых потеря для богатого ничего не причиняет, кроме некоторой досады.

ПОХОД

Солнце было близ полуденной черты своего шествия, как ханские верблюды с спутниками своими показались; народ поднял крик, и хан продрал глаза свои. Вельможи, вошед в шатер его, поведали вину вопля народного, и молили хана, восседши на одну из тварей, удостоившуюся нести столь священную ношу, поднять шествие, ибо де, заметил Ишмурат с важностью, чем воинство долее медлит возле стен столицы в кругу родных и знакомых, тем более размягчается, а это во время брани никуда не годится.

Хан выведен из-под шатра, конникам повелено готовиться к походу, и хану подвели верблюда, одетого превеликолепно. Казалось, животное с удовольствием чувствовало себя одетым в столь блестящие одежды. Не дожидаясь обыкновенной команды верблюдов преклонил колени, и хану это весьма полюбилось. Принесли прежнюю скамейку. Хан взошел по ней на его спину, плотно уместился и по слову: Гаца*, верблюд поднялся тихо и величественно. Войско, сидящее на конях, затрубило во все трубы, забило в бубны и тарелки, и — двинулось. Народ поднял вопль, кто радости, а кто печали; вельможи окружили повелителя, и бранное шествие началось в следующем порядке: впереди ехала великая толпа под знаменем Блистательной луны. За нею следовал хан на своем верблюде со свитою. Далее двигались ратники Булатного меча, а заключалось шествие витязями Золотой руки. Что касается до моей дружины, то она определенного места не имела, а шла где кому вздумалось, и знамя Волчьего хвоста развевалось то там, то сям. Позади всех тянулся обоз ханский и вельмож его. В нем находились шатры, поварни, невольники, два остальных верблюда, большое число заводных лошадей, и напоследок десятка два быков и целое стадо баранов, назначенных на жертву его велелепию.

Дружина моя, вероятно, явившись на сборное поле с тощими желудками, время это почла наиудобнейшим для утоления своего голода, почему каждый воин, вынимая

* Гаца — этим восклицанием обыкновенно понуждают верблюдов и ослов к ходу.

из сумки своей, чем нагрозило ее Провидение, спокойно кушал. Чавканье их — подобно шуму необозримой тучи саранчи, когда она ниспущается на обильные нивы, далеко от себя производит звук, подобный скрежетанию зубов или кошению сена, — не могло не возбудить внимания конников. Видя в руках пешеходов куски хорошего хлеба, жирной жареной баранины, или вяленой осетрины, они нимало дивились лакомству сих чикалок*, как они их не обинуясь называли, — и ждали нетерпеливо прибытия на место отдыха, чтобы оказать такую же роскошь.

Мы были довольно долго в дороге, и солнце взошло уже на ту точку небесную, что деревья начали в тот день в другой раз давать длинную тень. Во время шествия хан тысячу раз спрашивал у назира, скоро ли покажется место обеда, ибо он так отошал, что едва может держаться на верблюде. Наконец, прелестное место это открылось. Это была ровная веселая лужайка, разделяемая чистым ручьем на две почти равные половины и окруженная со всех сторон лесными урочищами. На берегу ручья, в нескольких местах светло пылали костры дров, а вблизи них стояли большие медные котлы, из коих выходил густой жирный пар, наполнивший благоуханием целую долину. Хан начал утирать рот, и почти все всадники ему последовали.

По двум причинам, во-первых: что солнце гораздо прошло уже половину дневного своего течения, а во-вторых: чтобы быстрым походом не отяготить воинства, назначена долина сия местом ночлега; почему все расположились тут станом, каждое полчище вокруг своего знамени. Лошади пущены на траву, и всякий вознамерился утолить ближайшую потребность; что ж касается до моей рати, то она, утоля жажду из ручья, расположилась опочить около берегов его. Самсутдин расселся на приготовленном для него месте, и с ним, по обыкновению, удостоены совозлежать: визирь, сардар и муфтий; прочие ж великие, средние и малые чиновники занялись обедом каждый особо, попарно, или как пожелали.

Я нашелся в большом и крайне неприятном затруднении. Поторопясь на сборное место, я нимало не подумал, что когда-нибудь захочу есть, пить и чем-нибудь приодеться во время ночи. Никто — ни сам даже товарищ мой

* Род малорослых волков.

в воеводстве, Насыр — не был столько гостеприимен, чтобы пригласить меня к трапезе. Когда я поглядывал туда и сюда ожидая от кого-либо приглашения, подошел невольник, служивший мне накануне в доме Шамагуловом. «Почтенный друг нашего благочестивого властелина, — сказал он, — не хочешь ли подойти к шатру его, насытить голод, утолить жажду, и после покойно отдохнуть на мягком ковре под теплым одеялом. На это есть особенная воля его». — «Я весьма охотно исполню эту святую волю», — сказал я с радостью. Проходя ряды всадников, с удивлением вытаскивавших из сум своих гнилушки, камни, грязь и траву, я довольно слышал их ропот, проклятия и угрозы. Некоторые, остановив меня, больно жаловались на подвластных мне чикалок и требовали должного удовлетворения, но я, отговариваясь незнанием, продолжал путь далее, достиг своей цели, щедро наградив свое терпение, и разлегся на ковре, рассуждая об участии, ожидающей меня в будущем.

Глава 39

ТРЕВОГА

С наступлением ночи многочисленные костры ярко запылали. Придворные гонцы рассыпались по всему становищу с повелением от сардара, чтобы все ратники, для оказания перед ханом своего веселья, с коим готовятся к предстоящей битве, неумолкну пели песни, какие кому войдут в голову, при игре на трубах и при звуке бубнов. Отговорки некоторых всадников, что они, по причине чувствемого голода, лишились голосов, не были приняты в уважение; поднялся шумный гул и завывания, и соседственные холмы и доли, леса и перелески огласились звуком ратного пения. Пешеходы мои, сытые припасами всадников, весьма дружно им подтянули: раздался вой и вопль, от начала мира в тех местах неслыханный, и казалось, судя по наружности, что всякий из воинов готовился на убой с таким весельем, как бы на пир свадебный. Отправляясь к шатру ханскому, я нашел его велелепие сидящим на дорожном диване с трубкой в руках. Вокруг него расположились придворные и воинские чиновники, по своим званиям, так что кто был знатнее, тот ближе сидел к хану и имел полное право точить ему всякие лясы.

Уже высоко шла по светлому небу звезда полуночи, и назир Туймак принес хану вожделенную вестъ, что скоро ужин готов будет; уже хан и ближние Двора его начали гладить у себя усы и бороды, как вдруг громогласное пение умолкло, лица всех изменились, и мы слышали невдалеке с правой стороны крик и вопль людей, ржание коней, мычание быков и блеяние баранов. Хан и все окружающие его побледнели, руки их опустились, дыхание остановилось. «К оружию! Храбрые астраханцы, — вскричал сардар Ишмурат, — подведите коня моего доброго, и стойте дружно вокруг хана. Да увидит он, как поразим мы дерзких супостатов, дерзнувших обеспокоить нас почти во время самого ужина». — «Ах! — сказал хан со стоном, — нельзя ли мне хотя на носилках отступить назад? Какой злой дух выдумал чтобы и ханы присутствовали на сражениях! Если даст мне благий Алла добраться кое-как до Астрахани, то нескоро опять оттуда выманят».

Между тем как все находились в ужасном движении: кто садился на коня, кто уже делал на нем разные повороты, время от времени отдаляясь, чтобы благовиднее наострить лыжи, кто храбро махал во все стороны саблею, зажмуря глаза и произнося ужасные проклятия, раздавался сильный, но утешительный вопль: «Свои! Свои!» И все вмиг успокоилось; хан, вздохнув тяжело, опустился на диван, а Ишмурат грозно велел своим всадникам представить немедленно дерзновенных, кои были причиною сей ужасной тревоги.

В самом скором времени предстали к хану человек двадцать воинов и столько же безоружных хлебопашцев. «Дерзкие! — вопили первые, — как осмелились вы противиться законной власти?» — «Разбойники! — кричали другие, — разве мы не такие же подданные и не одному владыке служим?» — «Посмотрим, что-то скажет повелитель!» — вопили и те, и другие и стали вокруг ханского дивана.

Тщетно визирь Батырша, сардар Ишмурат и муфтий Шамагул увещевали спорящих прервать свои вопли и говорить по одиночке, чтобы можно было хотя что-нибудь расслышать; они ничему не внимали, горланили из всей силы, грозили одни другим кулаками и покушались друг другу вцепиться в бороды. Тут догадливый сардар, видя, что красноречием ничего не успеет, дал знак, и человек

сто окружили несогласных. «Клянусь пророком, – вскричал Ишмурат из всей силы, – что не разбирая, кто прав и кто виноват, прикажу до полусмерти бить нагайками, кто только рот разинет!»

Эти немногие слова, сопровождаемые приличным телодвижением и поднятые вверх плотные нагайки имели желанное действие. Воины и пахари онемели и довольствовались только киданием одни на других свирепых взглядов. Сверх того, они грозили кулаками.

Ишмурат продолжал: «По вашим пенящимся губам, по подбитым глазам, по окровавленным носам и изодранным в лохмотья одеждам, усматриваю, что между вами произошло некоторое недоразумение. Именем здесь присутствующего правосудного хана обещаю законное удовлетворение обиженной стороне, и достойное наказание обиженной. Итак, ты, старшина Губей, скажи нам всю истину о сем происшествии и жди воздаяния. Прочие все должны безмолвствовать, пока не дойдет до кого своя очередь».

Глава 40

СПОСОБ ПРОКОРМЛЕНИЯ

Губей, утерши окровавленный нос и приведя в порядок растрепанные волосы, произнес: «Всей правоверной коннице нашей известно, как чувствительно обидели нас проклятые чикалки. Прощаясь на полях астраханских с родными и друзьями, мы и не заметили, что кисы наши опустошены были дочиста. Когда пришло время подкрепить ослабевшие от дальнего похода силы, мы вместо лакомой снеди нашли у себя траву и гнилушки. В присутствии хана поднять мщенье показалось нам несколько неблагоприятно; а потому на совете всей конницы положили мы не обнаружить праведный гнев свой, как выступая за границу, и там-то располагались добрым порядком проучить невеж сих. Но как чрева наши вопили, требуя обычной им дани, то я выдумал прекрасный способ удовлетворить сему требованию со всеобщей пользой. Собрав этих храбрых товарищей, готовых ратовать со мною под знаменем Золотой руки, я повел их в ближайшую отсюда деревню, в которой старостой – вот этот седой забияка, кум мой Мамей. Придя к нему с дружиной, я очень вежливо сказал: «Любезный

кум! Тебе известно, что мы идем завоевывать Казанское ханство, и будь уверен, что в самом скором времени возвратимся домой с такою добычею, что не будем знать, куда деваться с нею. А между тем отдай ты нам, на путевую потребу, обоих своих быков да десятка два овец с ягнятами. Когда возвращаться будем из похода, ты получишь от нас данное тобою с лихвой». Вместо того, чтобы на такую кроткую речь отвечать дружелюбно, как следовало куму, Мамей озлился как ведомый в плен москвитянин, и отвечал, что он не для нас имеет овец и быков. Как по военным обстоятельствам некогда было мне терять время в празднословии, которое и между неверными считается тяжким грехом, то я приказал спутникам своим отпереть насильно хлева его и выгнать что попадется. Едва начали совет мой приводить в исполнение, как возмутительный кум Мамей начал вопить о помощи, как будто мы были казанцы или москвитяне. К нему сбежались все его соседи и спустя самое короткое время получили мы тяжкие удары. Как можно, чтобы благородный воин уступил подлому землепашцу! Мы приняли дерзких сперва в нагайки, а погодя, начали отпихиваться ратовищами. Чтобы и соседи Мамеевы, участвовавшие в бунте, не остались без должного отмщения, то мы и в их хлева заглянули и погнали сюда все, что нам не противилось. От самой деревни до воинского стана мы провожаемы были проклятиями, камнями и поленьями, а некоторые были столь дерзки, что догоняя нас, поражали по чем хотели и раздирали наши одежды».

Сим воинствующий Губей кончил речь свою. Сардар Ишмурат, подумав с должным вниманием о словах его, спросил Мамея: «Ты что в оправдание свое скажешь?» — «В оправдание? — возразил невежливый крестьянин. — Клянусь пророком, хоть сейчас пятьсот ударов по подошвам, я не знаю в чем мне оправдываться! Разбойник этот со своею шайкой напал на нас, и мы же еще должны». — «О, нечестивец! — взревел сардар, — ты еще и в нашем присутствии смеешь буянить и сквернословить! Разве неизвестно всем вам, что мы стремимся на кровопролитную битву для отмщения хану Курмангалею за его невежливость? Когда и ему нет спуска от правосудного хана Самсутдина, то вам ли, ничтожным тварям, дозволено будет озорничать без наказания? Храбрые воины! Берите смело в руки крепкие на-

гайки и прогоните этих дерзких как можно дальше от стана, чтобы беспутный взгляд их не касался нашего слуха».

В одно мгновение человек сто наших витязей засвистели в воздухе нагайками и опустили их со стремлением на головы и спины противников. Сии взвыли что было в них силы и обратились в бегство. Их преследовали, повторяя удары, и в непродолжительном времени наставшая тишина всех успокоила. Хан Самсутдин, держа в руках кувшин, шутил над испугом придворных, уверяя, что он в сей суматохе нимало не потерял присутствия духа. Пригнанная Губеем добыча раздана по войску, поднялось пиршество веселое и продолжалось гораздо за полночь. Заметно было, что теперь всадники наши орали песни с большей охотой, чем прежде. Наконец, когда уже всем наскучило есть, пить, петь и слушать пение, мы предались покою, и мне весьма нехудо показалось опочивать под шатром муфтиевым, на мягких коврах астраханских.

Таким почти образом, с некоторыми только переменами, в походе этом провели мы трое суток. Воины наши, подражая храброму Губею, не имели недостатка в пище. Даже дружина моя, чем далее шла, тем становилась исправнее в вооружении; ибо, когда всадники грабили у крестьян хлеб и скотину, пешие в то же время отбирали всякого рода вооружение, уверяя клятвенно хозяев, что на обратном пути все отдано будет хозяевам в наилучшем порядке.

Глава 41

НЕПРИЯТЕЛЬ В ВИДУ

Настал и четвертый день нашего похода, день роковой, незабвенный в летописях астраханских. Солнце было близ полуденной черты своей; воздух чистый и ясный, а путевые труды придавали всем охоту к обеду. Уже хан Самсутдин, сидя на своем верблюде, прежде всех с отеческою ласкою возвестил, что видит дым, курящийся от зажженных костров, у коих обед ему готовили. Скоро и мы увидели нечто похожее, и начали понукать лошадей к скорейшей выступке. Не успели прошагать и полстадии, как ясно услышали топот бегущих за ближним пригорком, и вскоре весьма ясно узнали, что то был назир Туймак со всею своею поваренною свитою. Они все были бледны, как мертвые; ужас изображался на их лицах.

«Стой, стой! — вопил назир, — казанцы бегут по пятам нашим. Увы! Все запасы мои в руках вражеских. Обед был совсем готов, обед, какого мне во всю жизнь редко приготовить удавалось. Какой пилав! Какая баранина! Я ожидал от светлейшего хана похвалы и подарка, а вместо того, о Алла! Злобный Курмангалей с насмешкой опустошает со своею свитою котлы мои и кувшины».

Так вопил отчаянный Туймак, бил себя в грудь рукою и возводил глаза к небу. Все затрепетали, как будто они, идучи на брань, никогда не думали встретиться с неприятелем; что ж касается до меня, то не хвастаясь скажу, я больше радовался сему, полагая, что настал, наконец, вожделенный день, в который докажу беспримерную храбрость свою, возвеличу славу астраханского оружия, и тем приобрету законное право на помощь со стороны Самсутдина.

По приказанию сардара воинство наше остановилось. Взоры всех обращены были вперед. В глубоком безмолвии воины надвигали глубже колпаки свои и разглаживали усы и бороды. Хан Самсутдин был уверен, что на верблюде нельзя уйти от неприятеля, согласился остаться при своем войске со всеми придворными. Всадники трех первых знамен чинно перед ним выстроились, разделяясь на три кучи. Благочестивый муфтий Шамагул начал воссылать молитвы к Небу, испрашивая благословения и победы нашему праведному оружию; визирь Батырша вычислил хану все выгоды, какие сопряжены будут для него и народа с победой над врагами, а хан, слушая все это с некоторым онемением, сказал: «Надобно ж быть такому несчастью, что проклятые казанцы опустошили обед наш! Не лучше ли было бы для нас, если б они напали после обеда? О пророк! Что-то со мною будет!»

Ишмурат, устроив воинство к бою, сказал к оному следующую речь: «Настал день, храбрые витязи, столь желанный вами! По вашим потупленным в землю взорам ясно вижу я, сколько хочется вам видеть неприятеля на земле распростертого! Будьте твердо уверены, что вы сильнее его в числе и превосходнее в храбрости, и вы наверно победите супостата. Повелеваю вам — никому из них не давать пощады: эта мера самая несомненная для желающих победы. Стреляйте врагов, рубите, колите! Будьте уверены, что ворота казанские для вас отверсты, и все богатства столицы, а

они бесчисленны, перейдут в ваши карманы! Ты, Насыр, и ты, Кайтук, ступайте с пехотным воинством своим вперед, и подобно вихрю, окружив неприятеля, сбейте его с пути, расстройте ряды его, смешайте их, приведите в трепет и вождей, и воинов! Это дело весьма немудреное, а особенно для таких витязей. Как скоро увижу, что вы приказание мое в точности исполните, и казанцы обратят к нам хребты свои, тогда я, подобно стреле молнийной, полечу к вам на помощь со всею конницей; побью всех на голову и потопчу конскими ногами! Ступайте, храбрые воины. Алла да хранит вас и милует!»

Пешеходы наши сжались в одну огромную кучу, подобно стаду овец при приближении волка. Я и Насыр на конях начали шествие впереди всего ополчения. Между нами шел бодрый воин, держа высоко знамя Волчьего хвоста. За нами следовали два гудочника, накануне выпрошенные мною у сардара, дабы игрою их придать бодрости ратникам. Они дудили в рожки свои как отчаянные, и нимало не уступали в искусстве своем мне, когда я священнодействовал в храме Макука. За нами шло войско, произнося ратные крики и вопли. Оно насмехалось над казанцами, махало руками, топало ногами, представляя себя сражающимся и побеждающим. Кто натягивал лук, кто звенел колчаном, кто потрясал копьем. У кого не было ни одного из этих снадобьев, те засучив рукава, вызывали противников, угрожая передавить всех, кто попадется. Воображение каждого из них пылало такою храбростью, что им скучно показалось так долго ожидать неприятеля, почему они сперва легонько, а потом и крепче начали сосед соседа оделять пощечинами, оплеухами и подзатыльниками. Колпаки летали по воздуху, стук отпускаемых ударов и вопль, сопровождавший оные, наполняли окрестности. Конное войско, следовавшее за ним, видя такие потехи своей пехоты, предвещало себе много доброго, и в знак веселья время от времени также поднимало радостные вопли.

Глава 42

ЕДИНОБОРСТВО

Более получаса шли мы ровною долиной, занимаясь воинскими приготовлениями. Вдруг впереди нас на два

выстрела из лука, на довольно возвышенных холмах начало показываться воинство неприятельское. Оно прибывало быстро, подобно волнам моря, гонимых бурным ветром на берега пологие. Ратники наши остановились. Крик, музыка, пение, восклицания, прыжки и коверканья, — все умолкло, оцепенело. Открытые рты не издавали звуков; неподвижные взоры каждого не сводились с ужасных холмов, более и более покрываемых всадниками, ибо мы в Казанском воинстве не видели ни одного подобного нашей пехоте. Я сделал о сем замечание своему товарищу и жаловался ему на несправедливость Курмангаля, что он, идучи против нас, не набрал такой же пехоты. «Что мы будем делать? — спросил я, — видишь, они все как исполины, а лошади их рослы, как верблюды. Ну, можно ли доставать их кулаками, на кои мы более всего надеялись!» — «Рассуждать теперь поздно, — возразил Насыр со смятением, — надо действовать, да и поскорее. Видишь, казанцы построились уже к бою; они натягивают луки. Пророк! Они вынимают сабли! Какое ж бесчисленное их множество! Копья, как столетние сосны и нет ни одного без острия железного!» Казанцы, вероятно, почтя безмолвную неподвижность нашу за какую-нибудь умышленную воинскую хитрость, также остановились, и вскоре некоторые смельчаки вырвались из рядов, скакали по полю, махали саблями и вызывали наших на единоборство; но мы были как приросшие к земле кочаны капустные, и довольствовались геройством, что еще стоим на месте. Осматриваясь назад, у кого еще глаза не помертвели, видели мы, что всадники наши также стояли на месте и делали нам знаки начать битву.

«Что же, отважный Кайтук, — сказал Насыр несколько сердито, — разве мы вышли на позорище? Неужели ты, быв вооружен как Тохтамыш, не осмелишься ни с одним казанским озорником помериться силами? А кажется, случай того стоит! Не всякому наезднику удастся свидетелями досужества своего иметь два воинства с их повелителями! О, если б я был несколько помоложе, и конь, мой ровестник, был бы удалее, до этих пор, клянусь целостью усов моих и бороды, до этих пор не одна бы казанская голова целовала землю астраханскую. В мое время бывало...»

Слова его, голос, ужимки поколебали мою нерешимость. Мне в самом деле показалось, что лучшего способа не найти более, чтобы удивить Самсутдина и одним разом

навсегда приковать к себе его благосклонность. «Ты справедливо недоумеваешь о моем бездействии, — вскричал я, — будь уверен, что это произошло от одного моего почтения к твоей особе. Но как скоро ты добровольно уступаешь мне право предводительства, то увидишь, и притом скоро, что я не посрамлю себя и своей дружины, вверенной моей отваге! Бесстрашные витязи! Могучие богатыри! — воззвал я к ополчению, — смотрите на меня и готовьтесь на великий подвиг; я вызову на поединок храбрейшего из наездников казанских. Покуда будем мы ратоборствовать, вы по теперешнему стойте неподвижно; но как скоро увидите, что голова противника, торча на копье моем, точит по нему ручки кровавые, тогда, призвав пророка в помощь и подняв, сколько у кого есть силы, вопли победные, бросьтесь на неприятеля, и по-прежнему благородному обычаю, никому спуску не делайте!»

Проговора эти слова, я укрепился в стременах; взял в правую руку копье и плавным шагом выехал вперед моего воинства. Видя, что и с противной стороны делает подобное приготовление ужасный соперник, я произнес с благоговением имя Макука, согнулся в дугу, толкнул обеими ногами в бока коня своего и пустился вперед как из лука стрела, пущенная сильною рукою. Призванный мною Макук невидимо направил бег коня моего влево от направления неприятельского; почему мы и разъехались, и прежде нежели могли остановить своих иноходцев, уже каждый из нас был перед носами своих неприятелей.

Правила единоборства у всех образованных политикой народов считаются священными. Одни дикари в подобных случаях пустили бы тучу стрел на богатыря неприязненного, но, напротив того, казанцы и астраханцы подняли, будто сговорясь, громкий хохот и радостные завывания, которые привели меня в стыд, а противника моего в гнев большой; ибо когда я оборотя коня легкою рысью опять поехал к нему навстречу, сей свирепый татарин остановился, бросил на землю копье, вытащил из ножен саблю, длиною с него самого, и укрепившись в седле, сказал вслух всему войску: «Пусть стрелами и копьями сражаются слабые, трусливые люди, чтобы противника достать издали. Что касается до меня, не хочу знать другого оружия, кроме моей сабли. Ни с места не сдвинусь, дабы видно было, кто из нас старается делать промахи. Подъезжай, храбрый витязь, и готовься быть у меня на аркане».

Слыша такое ругательное хвастовство, я сам подвигся на гнев великий; но видя его и в самом деле готовящего аркан, я поражен был боязнью, чтобы без сражения не сделаться побежденным и притом пленником. Когда я находился в недоумении, что начать должен, Макук опять подоспел ко мне на помощь. Конечно, он, а не кто другой вразумил храброго Насыра. Будучи, как последствие показало, смел, храбр и силен, он воспользовался благоприятным случаем, поднял большое копье казанского нахала, и когда тот все старания обращал на мои движения, сей подкрался к нему сзади, и что было силы в обеих руках грянул наездника по затылку. Высоко взвился в воздух красный остроконечный колпак его; грозные очи закрылись, могучая голова свалилась к плечам, крепкие руки опустились, и он, подобно буйволу, низвергшемуся с утеса кавказского, низринутся наземь, и осиротелый конь его один устремился к своему войску.

Оба воинства подняли ужасный вопль. Казанцы начали двигаться вперед, и я видя, что должно уже начать дело настоящее, вскричал: «Поверьте мне, храбрые астраханцы, что столь же легко сразить всех казанцев, как сразили сего надменного изувера. За мною! Вперед!»

Показывая вид самого неустрашимого, я двинулся, и мои пешеходы, произнося брань и проклятия казанцам, храбро за мной следовали, опережая один другого. Такая неожиданная неустрашимость несказанно меня радовала, и я наперед поздравлял себя и их с победою. Конница наша двух первых знамен тихонько двигалась, а третье знамя осталось оберегать Самсутдина с его верблюдом и со всеми придворными.

Когда мы были от неприятеля шагов на двести, небо покрылось казанскими стрелами, которые в виде дождя на нас падали, и меня ранили в рукав кафтана. Астраханцы вдруг остановились, отряхивая ниспадные сверху стрелы кому на голову, кому на плечо, а кому на грудь. Они пребывали в этом положении несколько минут, а после, возопив совокупно: «Гайда! Гайда!», подобно огромной куче падших древесных листьев, поднятых вихрем, или стае испуганных ворон, все бросились направо и налево, и весьма скоро скрылись за холмами и буераками. Остававшийся на месте носитель знамени Волчьего хвоста, положи ко мне это священное бремя, сказал: «Ты на лошади, так оно

не сделает тебе никакой помехи; а мне с ним ускользнуть трудно!» После этих слов он также бросился в сторону. Зная из первых начал божественной политики, что одному и самому великому витязю против двух обыкновенных трудно подвизаться, а против целого ополчения невозможно, я взял знамя и пустился во всю конскую прыть к своему войску.

«Храбрый Кайтук! — сказал сардар, когда я к нему подъехал, — если бы все астраханцы, бывшие под твоим предводительством, имели твое мужество, то до сих пор Курмангалей со всем своим сбродом был бы у нас на аркане. Ступай к дружине, охраняющей нашего хана и береги здоровье его яко зеницу твоего ока, а я устремлюсь с конницей на рать вражескую».

Он дал знак. Отчаянный визг труб и гром бубнов поколебали окрестности. Всадники двинулись вперед, а я со знаменем Волчьего хвоста обратился вспять к стану ханскому.

Глава 43

ОБРАЗУМИЛСЯ

Придворные господа и духовенство поздравляли меня с оказанною в виду обоих воинств непомерною храбростью. Когда я с улыбкою самосознания своего достоинства на обе стороны раскланивался, подъехал ко мне великий муфтий Шамагул и сказал важным голосом: «Мужественный Кайтук, следуй за мною; я открою тебе пути горняго Провидения и поведаю способы, какими можешь ты учиниться полезнейшим смертным для всего владения. Великий пророк благоволил открыть мне в прошедшую ночь книгу судеб, которую я прочел и уразумел; но удалимся отсюда».

Все, нас окружавшее, из почтения к божественному муфтию, удостоившемуся видеть и читать книгу судеб, раздвинулось и дало дорогу, которою мы спокойно проехали до конца обоза, а вскоре остались одни в маленьком леске тополевом. Муфтий с важностью вещал: «Любезнейший князь! И не читая книги судеб, и не видя видений, можно с помощью одной политики догадаться, что поприще твоих воинских подвигов должно окончиться; а с каким успехом — это зависит от тебя самого. Не думай, чтобы окончание сей войны, самое даже счастливейшее, могло тебе принести что-нибудь, кроме смерти под палочными

ударами. Политическое посольство твое откроется, а тогда и победители и побежденные взыщут с тебя пролитую кровь и друзей, и родичей. Да и чего ожидать от Самсутдина: клянусь, что не более, как и от кабардинского князя Гирея! Но благодарение Небу! Вся разность состоит в том, что ты был прежде нищ, наг, безоружен, без друзей, без защиты, без отечества, а теперь — ты имеешь хотя одного друга, но друга богатого, сильного, могущего служить тебе опорой. Итак, возьми сей мой перстень, на коем начертано великое имя мое вокруг герба муфтиева, представляющего крылатого скорпиона с двумя клешнями, из коих в одной держит он Алкоран, а в другой меч, готовый поразить недоверчивых. Кому ни покажешь это священное изображение, всякий должен смириться перед тобою, как исполнителем воли великого муфтия».

С этим перстнем и знаменем Волчьего хвоста спеши ты в Астрахань, сколько достанет в тебе и в коне твоём силы. Приди в чертоги мои, отвори храмину моих сокровищ, навьючь ими несколько ослов, и вручи их московским невольникам Фоме и Козьме, а женам и прочим невольникам приказав ожидать меня вслед за тобою, спеши в Моздок к любезной твоей княжне Сафире и храброму сардару Бектемиру. При виде сего перстня двери муллы моздокского для тебя отверсты, и там-то ты жди меня. Как бы ни кончилось военное время, я ничего не боюсь, и хотя бы Самсутдин со всем Двором его уморены были голодною смертью, муфтий везде и всегда — есть особа священная, неприкосновенная. Скоро ты увидишь и меня в твоём убежище, и там совокупными силами порассудим, что велит нам предпринять любовь к Отечеству и милой свободе, то есть: что присудит нам политика. Но чтобы ты не имел препятствия в побеге от подобных тебе беглецов, ибо и конница наша едва ли стойче пехоты, то я беру на себя продлить время в полезной неизвестности, и непременно, если не сам собою, то силою пророка, подниму производство переговоров, столь обыкновенных при мелких дворах европейских, которые не хотят смириться явно пред сильнейшими, и лучше соглашаются целовать у начального туфли, угощать его чем Бог послал и платить половину своих доходов, чем явно поцеловать у него руку, назвать своим отцом и покровителем, и в случае нужды, поддержать стремя, когда тот садится на коня своего. Не знаю право, как назвать эту политику, но, кажется, что она не очень разумна».

Простясь с любезным благодетельным другом моим Шамагулом, я прищипорил доброго коня своего и пустился по пути к Астрахани. Меня занимала беспрестанно радостная мысль, что с каждым шагом становлюсь ближе и ближе к незабвенной любовнице своей, и столь же незабвенному отечеству: а потому сильнее и сильнее колол бока коню своему, и выставя вперед знамя, шатался по полям, лугам и долинам.

Сколько воображение мое довольно было цветами своей собственной работы, столько существенная часть самого меня была в смущении и унынии. До самого заката солнечного продолжал я путь свой, не встречая и даже не видя вдали не только человеческого подобия, но и чего-нибудь дышущего и двигающегося, исключая пресмыкающихся по земле животных и резвящихся в воздухе насекомых. Но пусть бы такая пустота господствовала в полях и лесах, а то я равное находил, проезжая и улусы. Солнце, наконец, скрылось, туман начал подниматься и густеть в воздухе, холодная роса пала на меня с избытком и разлила дрожь в отошавшем моем желудке. Присматриваясь к предметам, я распознал, что стою в кругу нескольких низеньких хижин, и решился на самое лучшее, на что только в тогдашнем положении мог решиться: я слез с коня, и привязав его на аркане к ближнему пню, пустил питаться, чем может, на песчаной почве, сам же, нимало не задумываясь, вошел в хижину, и ощупав нечто такое, на чем сидеть можно, расселся и на досуге проклинал свою недогадливость, что при последнем совещании с моим другом, я запасал только душу свою лестными его обещаниями, забыв совсем о запахах телесных. Но и то правда, мог ли я думать, что вместо жилых мест поеду пустынею.

Из этого рассуждения был я извлечен сперва отдаленным шумом, потом явственно отличил, что виновниками его были люди, наконец, услышал радостный вопль и крик, и увидел в окно движущееся пуки зажженных лучин, и в облаках дыма мелькающие привидения, покрытые рубищами. Прежде, нежели успел я опомниться, в избу мою вошли также с лучинами два татарина. Они были до половины тела покрыты лохмотьями, имели синежелтые лица и совершенно походили на ночные страшилища.

Несколько времени смотрели мы друг на друга дико и

пристально, наконец, я вооружась мужеством, твердым голосом сказал: «Если вы какие-либо адские мечтания, посланные Кучаком устроить меня, так знайте, что он обманулся. Верный поклонник благодетельного Макука не боится никаких козней рабов Кукамовых, да и на самого владыку их плюет! Если ж вы хищные разбойники, то взгляните и трепещите: видите ли это копьё булатное и сей меч кладенец? Клянусь памятью храброго отца моего, с этими двумя моими приятелями я и сотни вас не струшу! Теперь скажите, кто вы и чего от меня хотите?»

Тогда старший татарин отвечал мне: «Ты что-то упоминал об адских сташилищах. О! Когда бы мы были ими! Кучаками бы напали на проклятое воинство ваше и передумали бы всех с безумным повелителем, который или не знает, или знать не хочет бедствий, какие причинили нам разбойнические толпы его, коих он именует воинами, защитниками отечества. Хороши защитники: все, — где только могла ступить злодейская нога их, — все опустошено, испровержено; все, к чему могла коснуться хищная рука их, все отнято до последнего куска хлеба, до последней нитки. О! Самая милующая справедливость требует, чтобы и мы, по силе и возможности, за зло платили тем же. Ты один из воинов Самсутдиновых, следовательно один из числа наших злодеев, губителей, и должен, хотя на несколько времени, отведать, каково теперешнее положение наше, которое, вероятно, нескоро окончится. Итак, слушай: Свобода твоя останется при тебе и ни один волос не будет вырван из усов твоих. Но ты, оставя здесь свое копьё и саблю, выходи к нам. Товарищ мой, провозгласник ближней деревенской мечети, ныне вами также непощажённый, превосходно ржет по-ослиному. Как скоро ты услышишь три его возгласа и не выйдешь к нам без оружия, то хижина эта будет заперта крепко и вмиг обращена в пепел».

Сказав эти слова, они удалились.

Глава 44

МАКУК

И не будучи большим политиком, мог бы я легко догадаться, что сии разоренные, огорченные поселяне хотят на

мой счет повеселиться и на мне выместить обиды, причиненные им наглостью нашего воинства. Взглянув на свое копьё и меч, я почувствовал неодолимое мужество и принял отважное намерение не уступать насилию. Едва хотел я вырваться из хижины, как роковой голос проревел; я вздрогнул, и невольно отступил от дверей. Копьё будет мне помехой, говорил я, и положил его укромно в углу подле знамени Волчьего хвоста. Гораздо удобнее поражать супостатов саблею, как намеревался сделать мой казанский противоборец! С этими словами обнажив саблю, бодро подошел к дверям, как ужасный голос проржал вторично. Неизвестная сила опять меня оттолкнула, и в голове моей просияла мысль: куда и как устремлюсь я на поражение? Глубокая ночь — первое препятствие, а второе — мне неизвестно ни число, ни расположение неприятелей. Не лучше ли, не согласнее ли с мудрою политикой будет...

Тут третичный ослиный визг прервал мои рассуждения. Брося в угол последнее свое оружие и взяв в рот Шамагулов перстень, на который была вся моя надежда, опрометью бросился я к дверям, и как стрела вылетел из хижины. Ожидавшие меня противники, не видя при мне никакого оружия, подняли радостный вопль, окружили, подхватили под руки и помчали к горящему костру дров. Старейшина, в коем узнал я Мамея, сказал с улыбкою: «Спасибо тебе, храбрый витязь, что пожаловал сюда кстати, а иначе мы должны были ожидать утра с пустыми желудками. Смотри — на вертелах наших жарятся части твоего доброго иноходца, и ужин наш наградит потерю обеда. Но как вы, честные защитники отечества, проходя на войну, ничего нам не оставили, то не осуди, что и ты от нас отправишься в путь свой также с немногим».

Он подал знак. Человек десять на меня бросились, и не успел я мигнуть, как сделался точно в том же виде, в каком вышел из утробы матери. Безбожники подняли ужасный хохот, и свистя над плечами моими жидкими прутьями, увещевали идти любой дорогою. Я побрел куда тащили ноги и долго слышал вслед себе радостные их завывания.

Густая, непроницаемая тьма окружала меня. Ночной весенний холод пронзал до костей тело. Одно только положение, в каком я находился, уверясь некогда в потере княжества и невесты, могло равняться с настоящим го-

рестным положением. Я дрожал в каждом суставе, и переводя дыхание, невольным образом произносил стоны. «О зверонравный Кукам! – говорил я, спотыкаясь на каждом шагу, – вижу, что злоба твоя непримирима, и что я несчастный, некогда светлейший князь и первосвященник, осужден тобою, как последний нищий, умереть от голода и холода!» Споткнувшись о пень, я полетел через него в рытвину, и чувствуя вокруг себя густую траву, начал щипать ее и складывать в одно место. Натаскавши столько, что мог весь в нее спрятаться, я причел это к последней благодати ко мне Макука, съежился и вскоре заснул глубоким сном.

Лучи взошедшего солнца и пение жаворонков меня разбудили. Я увидел что лежу недалеко от большой дороги. Взглянув на самого себя, я не знал, что мне делать. Не говоря уже о мучившем меня голоде, я видел, что горестное положение мое не иначе переменится может, как с помощью людей; а как я в таком прародительском виде кому-либо осмелюсь показаться?

Размыслив о сем хорошенько, я нашел способ сделать себе некоторое украшение. Ссучив веревку из травы, я опутал себя ею от груди до лядвий и в сем наряде не боялся уже показаться какому-либо жалостливому татарину. Доволен будучи нарядом, начал я помышлять об утолении голода. Нашед невдалеке от своего логовища дикий хрен, я с помощью сухих прутьев отрыл его несколько, отковыривал теми же орудиями по частям, и тем начал насыщаться, хотя правда не с тем вкусом, с каким некогда на горах своих шешлыком, запиваемым просяной водкой.

Глава 45

ТОВАРИЩ В ПУТИ

Хотя это кушанье и дало некоторую работу желудку, однако весьма мало укрепило изнуренные силы мои, и потому-то шествие мое было медленно, печально и нимало не соответствовало моему нетерпению. В самый полдень, когда я задумчиво брел по дороге и грыз хреновой запас свой, я услышал позади себя лошадиный топот. Оглянувшись, я увидел всадника, скакавшего во всю конскую прыть, а вдали за ним гнавшуюся кучу народа, которая,

вероятно, потеряв надежду догнать его, остановилась, и всадник, это приметивший, поехал шагом. «Проклятые разбойники; — вопил он, — осмелились напасть на воина, который не раз поражал целые стаи неприятелей! Умно сделали, что перестали гнаться, а то бы досталось вам добрым порядком. В жизнь свою никакому обидчику спуску не сделаю!»

По наружности и по голосу, в сем храбром страннике узнал я Насыра, сотоварища моего в чинопачальстве над храброю дружиною под знаменем Волчьего хвоста.

«Любезный друг! — вскричал я, — остановись на минуту и узнай во мне несчастного Кайтука, который...» — «Как! — воззвал Насыр, — неужели в тебе вижу того могущественного витязя, который с такою ловкостью уклонился от копья казанского забияки? Так! Это храбрый, отважный Кайтук. Но какая неприязненная сила так тебя преобразила? Или ты намерен посвятить себя в благочестивые факиры?»

Когда я откровенно объяснил ему о несчастьи, меня постигшем, то он изъявил искреннее сожаление и хотел продолжать путь. Немало удивился я такому дружелюбию, и став перед его лошадью, сказал: «Умилосердись для Аллы, благочестивый мусульманин, и окажи мне возможную помощь». — «Какую помощь хочешь ты иметь от военного человека в походе?» — возразил Насыр и кольнул стремями коня. — «Отдай мне свою бурку, — вскричал я, удерживая лошадь, — а я, по прибытии в Астрахань, подарю тебе сотню добрых юзлуков». — «А где ты возьмешь их? Разве надеешься украсть дорогою?» — «Никак, — отвечал я, — ты знаешь, может быть, что великий муфтий Шамагул крайний мне друг, а муфтии убоги не бывают!» — «То правда, — сказал Насыр, — что они обыкновенно весьма не убоги, но только весьма бережливы! Скорее что-нибудь выманишь у жида, чем у простого имама, не только у муфтия».

Хотя и с большим трудом, однако ж, наконец, мне удалось уверить его в действительности моей надежды на щедрость муфтия Шамагула. Я мог бы сделать это весьма удобно, ибо стоило только показать перстень, но я побоялся, чтобы не досталось храброму воину то, что я сберег от неистовых поселян, и в чем заключались все виды будущего моего счастья.

В силу нашего условия облачился я в бурку, сел сзади

Насыра на лошадь, и с величайшим вкусом грыз данную мне корку хлеба. Чтобы довершить свое благодеяние, Насыр обязался кормить меня на свой счет, и как скоро подъедем к Астрахани, то одеть пристойно на свои деньги, только бы я обязался клятвою, что устою в своем слове, и сверх денег, какие на меня истрачены будут, подарю обещанные сто юзлуков. По желанию его, клялся я бородою пророка Магомета, и он был доволен. Хотя мы в деревнях, попадавшихся нам по дороге, почти ничего не находили, кроме худого хлеба и луку, но и за то приносили искреннее благодарение Алле и Макуку.

На третий день нашего путешествия, когда солнце перешло уже за половину пути своего, увидели мы крепкие стены и высокие башни астраханские. При воображении об юзлуках муфтиевых, сердце забилося от радости, нетерпение мое овладеть скорее ими возрастало с каждым шагом, и я напомнил бескорыстному другу своему, Насыру, об его обещании одеть меня благопристойно, дабы не привести в соблазн стыдливых астраханочек.

Насыр сдержал слово, потребовав опять клятвы в верности моего обещания, и самыми малолюдными улицами привез меня к лавке знакомого ему жида, торгующего готовым одеянием, и когда сей пришел в приметное изумление, глядя на мое убранство, то Насыр поведал, что я один из бывших вождей грозного воинства, которое почему-то не захотело сражаться, разбежалось и заставило нас возвратиться восвояси, где на дороге имел я несчастье быть ограблен возмутительными поселянами.

Когда я выбрал и надел на себя щеголеватое платье, прицепил саблю и заткнул за пояс кинжал, то уже день начал клониться к вечеру; а потому рассудив, что к ночи неприлично начать распоряжение деньгами муфтия, отправились мы с Насыром в лучшую астраханскую гостиницу, где он обещал в последний раз угостить меня за свои деньги.

Сердце нередко бывает вещун для человека. Давно уже не оставлял я своей постели с такою легкостью в теле и спокойствием духа, как в следующее утро. Вышед на улицу, мы увидели толпы веселящегося народа обоего пола и разного возраста, бегавшего туда и сюда, подобно овцам и баранам, когда они из зимних хлевов своих в первый раз

по наступлении весны выпущены бывают на луг зеленый. «Что?» — спрашивал один у другого. «Да!» — отвечал сей, и оба, хлопая себя радостно по брюхам, вскрикивали: «Ага!» «Это недаровое! — сказал я Насыру, который и сам, не зная причины этой всеобщей радости земляков своих, глядя на них, начал скалить зубы, и идучи подпрыгивать. — Спросим-ка у этих весельчаков о вине их восторга!»

«Как? — отвечал нам татарин, у коего мы о сем осведомлялись, — и вы астраханцы, а не знаете, что храброе наше воинство одержало знаменитую над казанцами победу? О! Дорого заплатили они за свое неразумие, что осмелились восстать против наших».

Я намеревался воскликнуть от радостного, непритворного удивления, как будто и я участвовал в сей победе, как равнодушный, спокойный вид Насыра остановил меня, и я вновь начал дивиться его холодности в таком случае.

«Только? — воззвал он, поправляя одною рукою красный колпак на голове, а другою разглаживая усы, — а я думал было что-нибудь другое! Да! — продолжал он, улыбаясь, — дело было завязчиво, и если б только я не подоспел со своим отрядом, то едва ли велилепный наш Самсутдин удержался бы на своем верблюде». — «Как? Что? — раздались голоса со всех сторон, — и ты был там?» — «И очень был, к несчастью казанцев. О! Они никогда не забудут одного из вождей воинства под знаменем Волчьего хвоста, не забудут Насыра, сына Мусахадзинова!»

Народ более и более начал окружать нас и заглушать вопросами. По знакам моего храброго товарища в битвах догадавшись, чего ему хотелось, я начал ложь его подкреплять своими прикрасами, и привел всех любопытных и его самого в удивление. «Так! — вопил я, — жестокую войну эту увенчал всеблагий Алла блистательною для нас победою. О если б вы там были, астраханцы! Если бы видели, как мы ратовали! Как ни высок верблюд ханский, а по самое брюхо в крови вражеской. Курмагалеи, старый забияка с задорною дочерью своей Юмангулою попались в плен; и сей друг мой был тот храбрец, который подкосил ноги ханской лошади, и самого повелителя схватя за бороду, отдал под стражу!»

«Ура! — возгласил народ, — за такие радостные вести вы оба стойте, чтобы целые три дня на общий наш счет веселиться. Пойдем в гостиницу».

Почтенный витязь Насыр беспрекословно склонился на угощение этих доброхотов, и дозволив вести себя на пиршество, лгал и хвастал час от часу более; но как я в мыслях занят был прелестною княжною Сафиною и доброю юзлуков муфтиевых, то весьма учтиво отклонил от себя предложение восхищенных астраханцев, оставляя долю свою военному товарищу. Я дал честное слово найти его в гостинице, как скоро исправлю свои нужды.

Шамагул говорил правду, рассказывая о могуществе своего перстня. Как скоро я показал эту вещицу в его доме угравителю и заговорил для большей силы и важности, охриплым голосом, то и невольники и невольницы преклонили свои головы и ожидали со смирением повелений. Призвав Фому и Козьму, московских выходцев, я приказал отпереть кладовую муфтия и готовиться в дорогу, после чего обещана им свобода и каждому горсть серебра. «Это все прекрасно, — отвечали они в один голос, — но, к несчастью нашему неизбежному, мы сегодня не может воспользоваться даруемыми от тебя милостями» — «А почему?» — «Потому, что сегодня такой великий праздник, что и ласточка гнезда себе не вьет, а именно: сегодня двадцать пятое число месяца Барана».

Подобно светлomu лучу солнечному, пробившемуся сквозь густые ветви кустарников, и осветившему мрачную пещеру, слова москвитян озарили душу мою, и я как будто очутился в новом, цветущем, прелестном мире; я вспомнил, что сей день — есть день моего рождения, и мой Черный ужасный год — миновал. «О, благодетельный Макук! Приношу тебе благодарность души и сердца моего. Бесподобная княжна Сафира! Несмотря на то, что в сей день ласточки не вьют гнезд своих, я принужу московских упрямцев навьючить ослов юзлуками и поспешу к своей несравненной невесте».

Глава 46

ПРИЯТНАЯ ДОРОГА

Восхищен будучи новым состоянием бытия моего, я почувствовал, что душа моя и тело получили новые силы, и, так сказать, расцвели вместе с весною. Мне казалось, что я никогда не оставлял своего княжества, никогда не был

сгоняем с козел отцов моих, никогда не лишался княжны Сафиры! В одну минуту, от двух слов, по коим уверился я, что власть Неба принимает меня опять под божественный покров свой, я сделался столько ж храбр, как некогда посвящая в кавалеры ордена Нагайки, и готовясь на битву с князем Кунаком.

«Как? — воззвал я грозно к невольникам, — вы дерзаете ослушаться повелений того, у кого видите на пальце перстень муфтия! Что же намеревались вы делать?» — «Увы! — отвечал печально Фома, — по правоверному закону нам следовало бы этот великий день ничего не делать, провести в еде, в питье и в спанье». Видя простоту этих людей, я прибег к политике и сказал ласково: «Вижу, что вы честные парни и крепко держитесь, будучи даже в плену, святых правил вашего закона. Я политик и ничьего исповедания не осуждаю. Итак, чтобы помирить вас с совестью, я приказываю следующее: приведите из конюшни к крыльцу нашего дома пару добрых ослов со всеми выюками. Положите на них всю тяжесть, какую назначу, а после, приняв от меня обещанное серебро, купите бараний тулук хорошего вина. Как скоро, по дороге к Моздоку, выпустим мы Астрахань из виду, то расположимся на отдых, где полюбится, и я дам вам полную волю исполнить заповедь своего закона».

Такое снисхождение обрадовало их несказанно. В один миг приведены были к дверям два осла и один конь. Зная, что всякое замедление может обратиться для меня в невозвратный вред, принялся я нагружать спины ослиные мешками юзлуков и слитками золота. Видя, что ослы от чувствуемой тяжести вытянули шеи, я остановился; разделил прочим невольникам по целой горсти серебра, велел им с подобающим смирением ожидать с битвы своего властелина, запечатал опять кладовую, и положи на своего коня несколько лучшего платья и оружия, взмогился к нему на хребет, и имея по правую руку Фому, а по левую Козьму, ведущих по ослу, оставил дом муфтия, а вскоре и астраханские стены, не забыв, для сдержания своего слова, одного из слуг Шамагуловых с мешком юзлуков отправить в известную гостиницу для вручения их прозорливому Насыру.

Когда мы на несколько стадий отъехали от ворот астраханских, то набожные сопутники мои, не забывшие,

проходя главную площадь столицы, запастись обширною кисою со съестными припасами и бараньим тулуком, начали на каждом шагу оглядываться назад, и когда я спросил о причине такой их поворотливости, они без запинки отвечали, что уже нисколько не видать стен астраханских, а потому думают, что пора взяться за богоугодное дело, то есть за еду и питье. Уверив их, что имею самое орлиное зрение, и что стены города и минареты у меня как на ладони, я принудил их пройти еще несколько стадий и найдя место, усеянное весенними цветами, окруженное зелеными кустарниками, мы остановились.

Слуги мои, ощущавшие скорую свободу, а притом видя во мне ласкового властелина, обращавшегося с ними как старший брат с младшими, были проворны, усердны и веселы. Они пустили коня и ослон на свежую, тучную зелень, разостлали на траве ковер и начали угощать меня и друг друга. Такой пир мне весьма нравился, и я за всяким глотком вина приносил благодарение Макуку за сохранение меня во весь прошедший Черный год мой.

Когда спутники мои исполнили две трети своей заповеди, то есть сделались сыты и пьяны и намеревались исполнить последнюю треть оной предаться сну, то я увещевал их быть чуткими и осторожными, а в случае нужды и храбрыми. После сего и я, разлегшись на ослиных вьюках, почил сном крепким.

Правду говорили пророки всех земель, что когда пойдешь человеку на зло, то все, хоть мудри, хоть не мудри, обратится для него в беду и горесть; когда же судьба обратится к нему с улыбкой, то непрерывно счастье все устроит ему во благо, и хотя бы он с намерением бросил дорогой свой перстень в реку, то щука поймает тот перстень, рыбаки поймут щуку и подарят именно ему, а он, против воли, найдет свою потерю.

Так и со мною от Астрахани до самого Моздока, в течение двух десятидневий, все шло для меня весьма счастливо. Погода с каждым днем становилась благораствореннее, небо яснее, душа моя покойнее, радостнее. Не только не произошло с нами ничего печального, но даже ни один из ослон не споткнулся; а всем, встречавшимся нам в дороге, я объявлял себя ближним придворным чиновником, возвратившимся с полей битвы с немалою добычей. Все меня поздравляли и давали каравану моему дорогу. Невольники

во все время орали веселые московские песни; ослы наши были также не нечувствительны к сладостному влиянию весны благотворной, раздували ноздри, топорщили уши и рычали самыми страшными голосами. При таком согласии радости, покоя и довольства, я сам предавался сладкому упоению и мечтал о своей Сафире, а особливо при вступлении моем в стены моздокские, где я со своим обозом остановясь в гостинице, только не у жида Елиаса, бросился к мулле, показал перстень муфтиев, был принят отлично и благосклонно, и в скором времени имел счастье прижать к груди своей страстную княжну Сафиру и верного друга Бектемира.

Я не мог насытить своего зрения прелестями любезной. Она сделалась несколько выше; черты лица ее развились в цвете новой красоты; взоры ее сделались томнее, но зато нежнее, обворожительнее. В упоении страсти я решился на несколько времени забыть благодетеля своего Макука, и умолял княжну не откладывать долее минуты моего блаженства, а позволить моздокскому мулле соединить нас по закону Магометову сладостными узами брака, представляя клятвенно, что дальнейшее ожидание если не лишит меня жизни, то наверное, повредит мой рассудок. Разумная княжна представила со своей стороны, что когда я сохранил и жизнь и рассудок в течение почти целого года разлуки с нею, то, по всей вероятности, не утрачу ни той, ни другой в несколько десятидневий, имея ее всегда перед глазами, и быв уверен в неизменной любви ее.

Важный Бектемир нашел такие речи княжны истинно политическими, и мне ничего не оставалось, как вооружиться терпением.

Спустя семь дней после нашего прибытия, к общему удовольствию явился муфтий Шамагул, сопровождаемый десятками пятью татар, по наружности во всем походивших на тех, кои были в походе под знаменем Волчьего хвоста, и с четырьмя ослиами, кои не хуже моих навьючены были. После взаимных приветствий, объятий, восторгов, муфтий поведал, что он назначен чрезвычайным послом к кабардинскому князю Гирею. Как скоро я дал ему на замечание, что свита его нимало не похожа на посольскую, то он отвечал: правда, все они в платье и обуви малым чем отличны от нищих, но зато все прехрабрые витязи.

Муфтий был так тороплив, что мы в тот же день все

вместе оставили Моздок, переправились через Терек, и по берегу его пустились к земле кабардинской. Муфтий Шамагул, сардар Бектемир, я и Сафира сидели на добрых конях горских; позади нас ведены были наши ослы, и шествие заключали пешие татары, гнавшие до полудюжины быков и до пятнадцати баранов; московские же невольники еще в Моздоке были снабжены отпускными видами и достаточным количеством денег, посланы в отечество. Тщетно я приставал к муфтию с вопросами об участии Самсутдина и его ханства, о вине посольства и о настоящих его мыслях о будущей судьбе нашей. Он довольствовался одним ответом: «Как скоро минуем землю кабардинскую, ибо я отправлюсь к князю Гирею послом не от имени хана Самсутдина, а от светлейшего князя Кайтука, тогда все объяснится, и тогда все горы Кавказские узнают о моих подвигах, и в один голос возопиют: «Князь Кайтук — есть единственный князь на косогорах наших, а бывший визирь его Шамагул — есть первый политик от севера к югу, и от востока к западу!»

Глава 47

НОВЫЕ ПОДДАННЫЕ

В продолжение дороги нашей до Великой Кабарды мы все были веселы и довольны, и если что иногда и заставляло меня задумываться, так одни таинственные поступки визиря — муфтия Шамагула; однако ж и тут, смотря на едущую подле меня милую Сафиру и видя верноподданническую преданность ко мне всей свиты муфтиевой, я в глубине сердца моего был доволен в настоящем, и надеялся в будущем быть еще довольнее.

Как скоро Великая Кабарда была у нас в виду, то Шамагул, остановя всю свиту и велев ей окружить его, вещал: «Благородные астраханцы! Когда вы, после рокового похода хана вашего против казанцев, из прежних бедняков сделались настоящими нищими, не имеющими даже отрепьев, удобных прикрыть наготу вашу, не говоря уже о прочих недостатках, я, по вдохновению пророка, сжалился над вами, обещал вам покой, довольство и защиту, если вы решитесь следовать за мною в благословенные ущелья кавказские, и принести клятву в подданнической покор-

ности светлейшему князю Кайтуку и будущим высоким наследникам блистательных козел его! Великий Алла, да будет вечная хвала ему! Осенил души ваши светом истинного разума; вы охотно за мною устремились, и теперь видите уже блистающие в различных цветах вершины кавказские, а посреди себя будущего своего властелина. Итак, согласны ли вы призвать теперь же великого Аллу в свидетели, что с сей минуты, до конца жизни вашей, ваших детей и потомков со стороны рода вашего и племени сохраните верность князю Кайтуку и совершенное повиновение всем уставам, посредственно или непосредственно от него издаваемым, хотя бы они казались вам не имеющими общего смысла?»

«Клянемся за нас и за потомство наше!» — возопили астраханцы в один голос. Благочестивый муфтий слез с коня своего, вытащил из рукава небольшой Алкоран, обшитый золотою парчой, и когда поднял его вверх с возможным благоговением и произнес завывающим голосом: «Алла Иллаге Илла Алла!», то все астраханцы, как бы пораженные громом, упали на колени и преклонили к земле головы. Муфтий, бормоча что-то себе под нос, подходил к каждому и прикасался краем святого писания к их макушкам. Это составляло торжественный обряд присяги. После сего все встали, с подобострастием мне поклонились, и я говорил им речь, коею они были весьма довольны. Шамагул сам был тронут, и у храброго воеводы Бектемира навернулись на глазах слезы.

Шамагул севши опять на коня, произнес: «Светлейший князь! Я отправлюсь к кабардинскому князю Гирею с десятью только спутниками и одним вьючным ослом, тебе же там нечего делать; а притом легко станется, что кто-нибудь признает в тебе то соблазнительное лицо, которое столько наделало шуму. Итак, советую с сими храбрыми воинами, над коими с сего часа да примет верховное начальство сардар Бектемир, стороною обойти Кабарду, и, держась берегов Терека следовать до развалин древнего города, коего имени никто не припомнит, да и нужды в том не много. Там я найду всех вас и дам отчет о моем посольстве. У тебя в обозе остается еще два быка и до десятка баранов, а потому, хотя бы я у князя Гирея промедлил трое суток, то недостатка в пище не будет». После этих слов Шамагул поворотил к Кабарде, десять татарских пешеходов с

вьючным ослом ему сопутствовали. Я же, имея по одну сторону прелестную Сафиру, а по другую храброго сардара, окруженный пешими верноподданными, потянулся берегом, и к закату солнца остановился станом у развалин упоминаемого города.

На месте этом действительно пробыли мы два дня в ожидании своего посланника. Тут-то увидел я, что и астраханцы не хуже нас горцев умеют готовить шешлык, и не плоше бы пили просяную водку, если бы только была она, несмотря на запрещение своего пророка. В свободное от еды и питья время они забавляли своего властелина с его любовницей и другом своим плясками, беганьем и кулачными боями, перенятыми от московитян. Таким образом, два дня ожидания провели мы довольно весело, и если я иногда невольно вздыхал, так это взглядывая только на Сафиру, и воображая то счастье, от которого, кажется, хотя не далек уже, но все еще не достиг.

На третье утро кочеванья нашего у развалин, когда я с княжною и сардаром, сидя на берегу быстрой реки, рассуждали об устройстве старых и новых подданных, эти последние подняли внезапно радостный крик. Мы обратили глаза вниз по течению Терека, и к несказанной радости увидели вдали развевающиеся конские хвосты на предлинных шестах. Мы сейчас догадались, что это мудрый наш визирь (муфтий Шамагул) возвращается по совершении посольства.

Так и вышло. Когда предметы сделались ближе и явственнее, то мы увидели, что Шамагул ехал верхом, окруженный десятком всадников, кои вели на арканах великое множество добрых коней со всею военною сбруей. Позади пло целое стадо быков, ордынских баранов, козлов, овец и коз. Их погоняли кабардинцы.

С восклицанием радости гости сии к нам подъехали; с восклицанием радости и удивления мы их встретили, и особенно увидя, что все астраханцы, сопутствовавшие Шамагулу в посольстве, сделались самыми записными визирями. Когда я, заключив муфтия в свои объятия, благодарил его, не зная точно за что, он сказал: «Князь! Близок конец испытаниям нашим, и скоро мы опять будем в Верховном совете твоём мудрствовать, но с большею против прежнего мудростью, и в чертогах твоих веселиться, но с большим против прежнего весельем. Знай: для политики

моей показалось мало, чтобы только что воротиться на родину; надобно сделать возвращение свое сколько можно торжественнее, блистательнее. Посему я, имея изобилие в юзлуках, не нашел им лучшего употребления, как явившись к князю Гирею, от имени твоего приторговать сколько можно больше коней, рогатого и мелкого скота, как для собственного твоего обзаведения (ибо, вероятно, теперь как в чертогах твоих, так и на скотном дворе голо и пусто), так и для вспоможения новым и старым твоим подданным. Всех бывших со мною астраханцев одел я по-кабардински наилучшим образом, вооружил каждого тем чего у кого не доставало, и подарил по коню. То же самое сделано и для всех храбрецов, здесь остававшихся. Все прочее принадлежит тебе, и по возврате в страну отцов своих, ты можешь дарить по заслугам, чем кого изволишь, и что, конечно, будет для каждого приятнее, ибо полезнее, чем прежде подарок ордена Нагайки. Ты знаешь, любезный князь, что мудрая политика велит соображаться с временами и обстоятельствами. Имея крайнюю нужду в юзлуках, мы не худо сделали, нашед благовидный способ доставать их, посвящая волею и неволею в кавалеры. Теперь же, имея в деньгах изобилие, мы поступим лучше, когда кинем подобные затеи».

После слов этих он меня оставил и занялся переоблачением и вооружением бывших при мне татар, и притом так деятельно, что прежде, нежели солнце коснулось средней точки своего пути, я увидел перед собой целое ополчение из пятидесяти человек, сидящих на лучших конях, в лучшем кабардинском одеянии, с достаточным вооружением. Тогда показалось мне, что с такими витязями не усомнюсь сразиться с самим князем Казбеком. Храбрый сардар Бектемир, который был в полном восторге, видя себя предводителем непобедимого, по словам его, воинства, сделал несколько кругов в виду ополчения, и после, подъехав ко мне с юношескою бодростью, сказал: «Теперь, наконец, несомненно, верю, что политика — есть нечто неглупое, и что почтенный друг наш Шамагул никогда бы не мог сделать нам столько добра, если бы крепко держался Макука, и не согласился на некоем условии сделаться мусульманином. Итак, чтоб показать тебе, светлейший князь, что и я начинаю набираться прилипчивого влияния политики, то осмеливаюсь объявить, что ты поступишь крайне непolitично, когда не припомнишь и не отмстишь толстому

князю Кунаку за обиды, тебе и мне причиненные во время принятия к себе богов наших и вероломного жреца Маркуба, а особливо при посольстве моем для посвящения этого невежды в кавалеры ордена Нагайки. Ведь спина великого сардара чего-нибудь да стоит!»

Слова эти привели сердце мое в немалое волнение. Воображению моему живо представился сардар, вертящийся в образе змея под нагайками злобного Кунака, а еще более воспламенила меня мысль о дерзости ненавистного князя Кубаша, осмелившегося желанием свои простереть до обладания княжною, мною обожаемою. Посему, состав втроем тайный совет, мы положили начать поход с тем, чтобы до заката солнечного расположиться станом в виду княжества Кунакова, и там уже подумать и решиться, что должны предпринять мы для поддержания чести своей и должного воздаяния за непростительные обиды.

Глава 48

ЦЕЛОМУДРИЕ НЕВЕСТЫ

Солнце начало уже золотым кругом своим касаться верхних стремнин кавказских; мы увидели дикую скалу, на коей расположено было княжество Кунаково, а подальше него, в тени буковой рощи, любезное мое отечество. Сердце затрепетало от радости, слезы умиления выступили на глазах, и я, несмотря на то, что нежная Сафира была подле меня, несколько времени не мог отвести глаз от высокой каменной башни, составлявшей крепость моей родины. Я дал знак и все остановились, все спешились, и подданные мои начали разводить огни на берегу горного ручья, с шумом вливавшегося в Терек.

Сколько ни был я возмущен в духе и рассеян в мыслях, но не мог не заметить, что и прелестная подруга моя была не в лучшем положении. «Князь! — сказала она с замешательством невесты и доверием супруги. — Любезный князь! Я примечаю, что у тебя не без замыслов на счет князя Кубаша, за то, что он некогда... имел желание... меня... иметь женою! Не хочу раздражать твоей чувствительности защитой Кубаша, извиняя его в таком желании, которое впрочем было ему дозволено. Делай, что почтешь сообразным твоей чести и политике, о которой ты и друзья

твои твердите на каждом шагу! Хочешь ли ты заключить с ним прочный мир, или начать кровопролитную войну, я желаю тебе со всех сторон успеха. Но рассуди великодушно, как прилично князю, политику и любовнику, сколько любезно тебе твое отечество, столько — мне мое. Отпусти меня теперь же к отцу моему, придав в сопутники десять твоих всадников. Побегом своим я много принесла ему горя, и справедливость требует, чтобы не медлила ни одной минуты его успокоить, сколько то зависеть будет от моей власти. Я со своей стороны, проезжая мимо твоего княжества, извещу всех о перемене твоих обстоятельств и о месте твоего пребывания. Я уверена, что к полудню ты, по крайней мере, половину прежних подданных увидишь в своем стане».

Советники мои единогласно провозгласили, что целомудрие и нежность княжны достойны всякого уважения; притом, если дело дойдет до драки с князем Кунаком и его сыном, то гораздо лучше, когда и духу женского при том не будет. Я склонился на эти мудрые представления, и княжна, в сопровождении десяти телохранителей, с пролитием слез с обеих сторон, удалилась в Ларс. Долго смотрел я вслед за нею, пока нависшие по обе стороны ущелья гранитные скалы не скрыли ее от моих взоров. Я думал было погрузиться в уныние, но верные друзья до того не допустили. Они, взяв меня под обе руки, подвели к большому костру дров, где на вертелах кипел жирный шешлык, а подле большого тулука стояли разной меры кедровые кубки, полные кизлярской водки. Мы дружно взялись за дело, и даже тень уныния рассеялась.

Быв в самом лучшем расположении духа, я обратился к Шамагулу: «Верный друг! Как бы хотелось мне слышать от тебя о последствиях похода Самсутдинова, и о политике, посредством коей склонил ты стольких его подданных следовать за собой в горы; а особливо, как посчастливилось тебе с астраханскими юзлуками выплестись из плена?»

«Мне и самому, — отвечал муфтий, — хочется объявить тебе, светлейший князь, о сих происшествиях; ибо, не хвастаясь, скажу, что если бы в такое сомнительное время политика хотя немного меня оставила, то не видать бы тебе верного друга твоего, Шамагула. Итак, слушай».

ДВОЙНОЙ ПЛЕН

Когда предводимое тобою храброе ополчение под знаменем Волчьего хвоста, подобно быстроногим оленям разбежалось в разные стороны, тебе известно, что сардар Ишмурат велел на трубах, гобоях и бубнах возвестить приступ к неприятелю. Я удалил тебя от воинства, и следствия сего обоим нам известны. Хан Самсутдин, бледный, трепещущий, едва держался на верблюде. По правую сторону его ехал я, читая громко приличные стихи из Алкорана, а по левую визирь Батырша еще громче толковал ему о мужестве. Я имею причину думать, что хан не слышал ни одного слова, ни муфтиева, ни визирева.

«Праведный муфтий! — воззвал он, наконец, — не написано ли где в божественном Алкоране, что для хана нет ничего постыдного, если он оставит поле сражения? Я право здесь лишний, да и верблюд мой труслив до крайности».

Не зная судьбы происходящей битвы, я не знал, что отвечать ему, а потому прибегнул к общему правилу политики — отвязаться от него ничем. Я поднял глаза вверх, подкатил зрачки под веки, и принял вид усердно молящегося. Когда я был в сем богобоязненном положении, вблизи нас раздались многочисленные голоса, радостные и плачевные. Я распрямил глаза и увидел, признаюсь, не без некоторого содрогания, что казанцы ударами сабель и копий гнали обозных наших целыми толпами. Астраханцы ныряли то в ту, то в другую сторону, и открыли прямой путь к хану. Враги окружали нас отовсюду, и воевода их, свирепый Араслан, одним ударом сабли отрубил голову ханскому верблюду. Животное, по силе законов тяготения, стремглав повалилось наземь, а с ним вместе велелепный Самсутдин, подобно отторгнутому молнией утесу, с шумом, стоном, гулом и рыканьем растянулся на земле и закрыл очи свои. «Помедли, великий воевода! — вскричал я к Араслану, понукавшему жеребца своего проездиться на хребте Самсутдина, — помедли и познай, что ты видишь под собой великого хана астраханского, я муфтий его, и этот вельможа есть визирь Батырша».

«Тем лучше, — вскричал Араслан, — тем лучше, что в одном месте нахожу я все части ханства, и на одном аркане

могу вас привести пред очи Курмангалея и обиженной дочери его Юмангулы».

По его велению, мы общими силами взялись приводить хана своего в чувство. Батырша тер ему виски и дергал легонько за усы и бороду; назир Туймак чесал подошвы, а я, заметя, что хан начал шевелить губами, мгновенно принес бараний тулук с добрым вином, и кран направил в его губы.

Глава 50

НЕ СОВСЕМ ДУРНО

Эта влага была целительна, и Самсутдин, не открывая глаз, выцедил половину тулука. Полежав, еще несколько времени, он вздохнул и прошипел: «Алла!» Вскоре он протянул руку, и мы бросились ему на помощь: общими силами приподняли и усадили на изготовленном ковре. Тогда Араслан, давно уже спешившийся, подошел к нему с величием победителя, но с довольно дружеским видом сказал: «Объявляю тебя, Самсутдин астраханский, пленником хана Курмангалея казанского, тебя, и всех великих двора твоего. В руке моего повелителя и поражение и милость побежденным! Надеюсь, что сколько строго его правосудие, столь велика любовь к бесподобной дочери своей Юмангуле; а я со своей стороны обещаю припомнить его велелепию, что ты был некогда счастливейшим ее супругом. Но между тем...»

Он дал знак, и знатнейшие из приближенных его подошли с величайшим благоговением к хану, отпоясали драгоценный меч его, вынули из-за пояса кинжал, и с шеи сняли цепь, на конце коей прикреплена была печать ханская. Самсутдин переносил это несчастье с политическим равнодушием. Другие чиновники то же сделали с ханскою свитою, исключая одного меня: ибо имя муфтия священно у всех народов, чтущих своего пророка.

Араслан незадолго перед тем отправил гонца в стан казанский — возвестить Курмангалею о совершенной своей победе и о пленении Самсутдина со всем его обозом. Этот посланный вскоре воротился покрытый пылью и кровью. На лице его живо напечатлены были ужас и поражение. «Отчего ты так переменялся? — спросил Араслан, вынув изо рта трубку, которую доселе на соблазн наш курил

он, — разве велепный Курмангалей все еще не доволен моими успехами? Не понимаю! Разве потому, что я зятя его не повесил, и вельможам не велел отрезать носы и уши? Если так, то пожалуй! Только скажи, и все мигом исполнится».

«Великий сардар Араслан! — отвечал печально вестник, — твоя премудрость на сей раз не догадалась. Я не удостоился и видеть велепного Курмангалея». — «Как? Почему?» — «Увы! Он точно в таком же положении у астраханцев, в каком Самсутдин у нас!»

«Алла! — вскричал Араслан, вскочив с земли, — он в плену? С Юмангулой, со внуками, и со всем своим станом!» Араслан остолбенел; мы же, напротив, от сих немногих слов ожили, как поблекшие от зноя растения быв напоены небесною влагою. Самсутдин распрямил поникшую голову, и в первый раз со времени падения с верблюда пораздвинул усы и погладил бороду. Батырша один казался несколько пасмурен, и я сейчас догадался, что это было следствием зависти, столь общей господам придворным.

Видя, что дело дошло до моей политики, я сказал сардару: «Не благодаришь ли ты, Араслан, благому Провидению, что оно окончило так счастливо самое несчастное предприятие, какова есть война, а особливо между единоверцами и родными?» — «Конечно, — отвечал печально сардар, — но я надеялся заключить мир в Астрахани! И наш сардар Ишмурат не иначе намеревался вложить в ножны меч свой, как в Казани; но видишь, всеблагий Алла повелел быть иначе. По сему я, изволением великого пророка — муфтий астраханский, сейчас еду в победоносный стан свой, и объяснюсь с Курмангалеем; что повелит мне велепный Самсутдин и мудрая политика?»

«Что мне повелевать? — отвечал хан с геройским равнодушием, — ступай во имя пророка, и действуй по внушению твоей политики, а между тем — при мысли о такой вожденной перемене моих обстоятельств, я почувствовал неодолимый позыв на еду, и надеюсь, что сардар Араслан не запретит моему назиру исправить свою обязанность».

Разумеется, что Араслан не противился. Назир Туймак с кухонными прислужниками бросились к запасным вьюкам; а я, сопровождаемый приличною свитою, пустился к стану Ишмуратову. Батырша с прочими придворными остался при хане, дабы доказать ему, что со многими

великими государями еще худшее случалось, и они весьма мало о том заботились, лишь бы оставлены были при них походные кухни.

Глава 51

СЧАСТЬЕ ВОЙНЫ ПЕРЕМЕНЧИВО

Посередине дороги между обоими воинствами встретил я посланца Ишмуратова, который скакал в стан Самсутдина возвестить победу над Курмангалеем. «Возвратись назад, — сказал я сему татарину, — и не печалься, что на сей раз не получишь от хана за приятную весть приличного подарка. Самсутдин давно уже обстоятельно извещен о всем происшедшем».

Подъехав к стану астраханскому, я встречен был Ишмуратом, который, подобно как и я, бросившись с коня, обнял меня с восхищением, и вскричал: «Поздравь мое оружие, великомудрый муфтий, доставившее счастливый успех моим намерениям. Хан Курмангалей у меня в плену со всем родством и великими двора его! Дав время воинству отдохнуть, я полечу к Казани, и клянусь целостью ушей моих и носа, что ни одной хижины не оставлю неограбленною, а ханские и вельможные палаты так очищу, что и всей политике твоей не в память».

«Это было бы превосходное дело, — отвечал я, — и мне действительно ничего бы в возражение сказать не оставалось, если бы, к общему несчастью или счастью, не должны были мы заключить мир и притом теперь же. Где Курмангалей? Я послан к нему от велелепного Самсутдина с мирными предложениями».

«Праведный Алла! — вскричал Ишмурат, — какой неверный мог властелину нашему внушить такие пагубные мысли? Неужели и ты, муфтий, столь премудрый, и многоопытный визирь Батырша — не могли поселить в душе его тех благородных чувствований, которые так обычны победителю?» — «В том и дело, храбрый сардар, — отвечал я, пожимая плечами, — что мы точно в одном положении с казанцами. Курмангалей в плену у тебя, а Самсутдин — у Араслана. Настоящая картина всего дела вышла на европейский вкус, как будто два союзные монарха из любви и почтения один к другому ставят стражу из собственных телохранителей».

Ишмурат изменился в лице. «Так поэтому я, — вскричал он, ударив себя кулаком по лбу, — достиг уже конца своих подвигов, когда не прошел и половины поприща ко храму воинственной славы? О пророк, для того ли я столько желал войны, чтобы начав ее под счастливейшими предзнаменованиями, кончить постыдным миром!»

«Правду сказать, — отвечал я с важностью, — сардар Ишмурат оказался более храбр, нежели сколько требовала политика!» — «Я презираю подлую политику, — кричал он неистово, — которая полагает границы храбрости». — «Богохульствуешь, сардар, — возразил я набожно. — Согласись со мною: не полезнее ли было бы для всей области астраханской не брать в плен Курмангалея, но не предавать тому же и Самсутдина. Если бы тогда не удалось нам первое сражение, мы могли надеяться на второе, на третье и так далее. В случае потери всего наличного воинства, у нас оставалось целое ханство; теперь же что остается нам? Разменяться ханами — и со стыдом возвратиться восвояси!» Печально повеся голову, Ишмурат задумался. «Не тужи, храбрый сардар, — сказал я дружески, — посмотрю, не внушит ли чего мне политика, чтобы с честью выпутаться из сего дела?» Ишмурат поднял глаза и смотрел на меня с верою, надеждою и любовью.

«Политика моя, — продолжал я, — будет состоять в следующем: не объявляя никому о судьбе нашего властелина, ты представь меня Курмангалею в виде ханского полномочного посла, и тогда посмотрим, что внушат мне всеблагий Алла и великий пророк его».

Условившись в статьях наступающего мира, Ишмурат ввел меня в шатер ханский. Он представил меня Курмангалею, погруженному в глубокое уныние, яко муфтия и посла. Дочь его Юмангула, обнявшись с детьми, горько плакала, проклиная судьбу свою и велелепного супруга.

Приняв, сколько время и место того требовали, самую важную осанку, я сказал: «Могучий повелитель мой Самсутдин, хан астраханский, Курмангалею, хану казанскому, желает мира, здравия и всякого благополучия! Теперь на опыте знаешь, о повелитель, сколько счастье войны переменчиво. Когда ты с высоты холма взирал на побег передового войска нашего под знаменем Волчьего хвоста, думал ли, что в тот же день сам, высокою своею особою, с прекрасною дочерью Юмангулою, почти со всем великолепным двором своим будешь в плену астраханском?»

Курмангалей закрыл глаза руками, а дочь его подняла такой вопль, что полы шатра содрогнулись.

«Не печальтесь, светлейший пленник, — продолжал я, — не всегда тучи покрывают небо, не всегда стрелы молнии поражают дубы и кедры, так и мой повелитель не всегда предается гневу и мщению. Знай, велелепный хан Курмангалей: он дарует тебе, на некотором условии, мир и свободу! Знай, Юмангула! Предмета твоей ненависти, прекрасной Гульбеки, давно уже нет в Москве астраханской! Светлейший супруг предлагает тебе, по-прежнему, любовь свою, а старшему сыну твоему, по кончине своей, драгоценный колпак ханский».

Все пришли в крайнее недоумение от такого великодушия со стороны раздраженного победителя, и Юмангула с довольною приятностью произнесла: «Я всегда считала его добрым и снисходительным, и если б не проклятый Лондон с очаровательным своим напитком, а после ненавистная Москва со своею прелестною язычницей, не развращали сердца его, то я никогда бы не оставила своей Астрахани».

«Какое ж то условие, — спросил ласково Курмангалей, — на коем Самсутдин дарует мне свободу?» — «Самое простое, — отвечал я, — оно состоит в том, чтоб в одно мгновение прекратить все военные раздоры, именно: пиши, во-первых, повеление сардару твоему, Араслану, что где бы ни настигли его посланцы твои, в ту же бы минуту распустил войско, какое еще у него осталось; ибо не думаю, чтобы от мечей наших ускользнула хотя горсть казанцев. Во-вторых, приготовь грамоту к Самсутдину, чтобы он спешил в твои объятия; и что ты возвращаешь ему прежнее уважение, прежнюю любовь и Юмангулу».

Разумеется, что столь милостивые предложения от победителя приняты были с нелестным удовольствием и признательностью. Да и к чему могло пригодиться Курмангалю, — так, вероятно, думал он, полуразбитое войско его? Чего пленная Юмангула могла ожидать лучшего, когда по правам войны прежний супруг, открывающий ей опять ложе свое, мог поставить ее ниже последней невольницы? А посему, повеление Араслану и грамота к Самсутдину мгновенно были изготовлены, запечатаны ханскою печатью, и я вручил оныя двум чиновникам из моей свиты, которые очень хорошо знали, где найти сардара казанского и хана астраханского.

Когда, таким образом, предварительные статьи окончены, Ишмурат приказал в особенном шатре приготовить пиршество огромное в ожидании Самсутдина; и как обатующие войска были на расстоянии одно от другого не далее как на двадцать выстрелов из лука, то носилки Самсутдиновы весьма в скором времени появились в сопровождении визиря Батырши, назира Туймака и всего знатного двора, а равно и Араслана со многими казанскими военачальниками. По предложению моему и Ишмуратову, Курмангалей с потупленными вниз глазами, и Юмангула с зардевшимися щеками, вышли ему во сретение. Самсутдин не мог придумать, каким бы праведным делом приобрел он столь милостивое расположение к себе пророка, что война с тестем окончилась, а Юмангула, столь всегда упрямая, столь заносчивая, сама предается теперь во власть его. С помощью прислужников он сколько можно проворнее сошел с носилок, устремился к Курмангалей, потом в объятия к Юмангуле, а после к двум сыновьям своим. Араслан, самый свирепый Араслан умилился, видя такую чувствительность особ владетельных.

Глава 52

СЛЕДСТВИЯ МИРА

«Теперь радуюсь, — вскричал Араслан, — что хан Самсутдин остался жив, и я не растоптал его конскими копытами». — «Как же бы ты мог это сделать? — вскричал Курмангалей, — когда я был в плену, а воинство твое разбито на голову!» — «Мое воинство разбито? — возразил с изумлением Араслан, — клянусь прахом предков моих, что воинство мое было победоносно, и хан Самсутдин со всем двором своим был пленником у меня точно так, как ты у Ишмурата».

Курмангалей остолбенел, и был в недоумении; но Юмангула, вообразя вдруг, что пользуясь пленом своего супруга, могла предписать ему самые строгие законы, или даже старшего сына своего объявить ханом, а до совершеннолетия его самой управлять народом, Юмангула грозно сказала Араслану: «Для чего же, подлый изменник, о положении дел твоих не уведомил своего повелителя?» — «При самом начале плена Самсутдинова, — отвечал сурово Араслан, — по-

сылал я к Курмангалею обо всем его уведомить, и получил горестное сведение, что и мой хан точно в таком же положении, как и астраханский. Вслед за сим отправился его муфтий, который знал все обстоятельства дела и мог уведомить веледепного Курмангалея». — «И однако ж, — отвечал хан со вздохом, — я до сей поры ничего не ведал, иначе...» — «Иначе, — возразил я величественно, — мы и доселе не наслаждались бы вожделенным миром! Бросьте теперь, знаменитые ханы и родственники, все объяснения, которые вместо желанного успокоения могут привести на память одни неприятные воспоминания, которые так вредны для здоровья во время трапезы, а трапеза самая великолепная уготована в ближнем намете». Самсутдин, взглянув на меня с нежностью, дружелюбно протянул руку к Курмангалею; придворные вельможи им последовали и обнимались; а Юмангула, по обычаю мусульман, удалась в свой шатер с детьми и знатными женами.

В продолжение нашего пиршества, которое было шумно, но невесело, хан казанский при каждом взоре на своего зятя, вздыхал скрытно; но я прибег к приятной политике: по данному знаку невольники наши явились с пребольшими кувшинами и серебряными кубками. Призвав громким голосом благословение от великого пророка, я первый, устремляя глаза к небу с возможным благоговением, высушил до дна кубок с лучшим вином астраханским. Потом, наполняя его вновь, подал Самсутдину, который взял его с улыбкою и поступил по-моему. Курмангалей немного запинаясь; но когда великий муфтий упомянул имя свое пророково, то и он последовал нашему благому примеру, а за ханами — и все придворные. Тут беседа наша сделалась гораздо веселее, и продолжалась почти до вечера, пока Курмангалей не поднялся, дабы засветло снарядиться в обратный путь.

Когда все опять соединились в ханском шатре, и Самсутдин, согретый соком винограда, подошел к Юмангуле и ласково разинул рот, намереваясь, по-видимому, сказать ей нечто любезное, как она с важным видом отступив назад, произнесла: «Ты знаешь, что женщины в походе бывают налегке. Все мои сокровища остались в Казани, а потому я отправляюсь теперь с отцом моим; после же...»

«Подлинно так, — сказал Самсутдин с непритворною холодностью, — после можешь ты отправиться в Астрахань с большею удобностью, чем с нами, людьми военными!»

Вскоре после этого Курмангалей поднялся со всем обозом. Самсутдин приказал десятерым из своей стражи проводить Юмангулу до границы. Все пришло в движение, и не успело солнце склониться к западу, как поля астраханские не зрели на хребтах своих ни одного казанца. Тут собран был у нас чрезвычайный совет, в коем положено: воздав торжественное благодарение Алле и пророку его за столь славное окончание брани, провести остаток дня в пиршестве, а ночь в покое, и поутру подумать о возвратном пути в Астрахань.

Глава 53

МИР НЕ СОСТОЯЛСЯ

Уже светлый месяц высоко катился на чистом, голубом небе; уже перед Самсутдином лежали голые кости и стояли пустые кувшины; уже властелин начинал зевать и морщиться, как десять посланцев для сопровождения Юмангулы возвратились и вручили хану грамоту от Курмангалей. «Завтра поутру Батырша прочтет нам писание», — сказал хан, заикаясь, и смежил очи свои. Толпа невольников собралась к нему, подмостила в головы несколько подушек, и он заснул крепко-накрепко. Целое воинство предалось покою.

Воссияло солнце на астраханском небе; вожди и войско выстроились в порядке под своими знаменами и ожидали повеления. Кое-где издали показывались по два и по три витязя Волчьего хвоста, не смея приблизиться к ратному стану. Тут владыка отверз уста и велел изготовить завтрак, и когда пар от расставленных блюд коснулся ноздрей его, он улыбнулся и открыл глаза. Придворные помогли ему подняться, и он сел, поглядывая весело на вокруг стоящих вельмож и воинство.

Когда ханское чрево не могло уже более ничего вместить, то визирь Батырша припомнил о грамоте от Курмангалей, и получил повеление прочесть оную.

Визирь, пробежав глазами роковое писание, весь изменился в лице, а после дрожащим голосом прочел следующее:

«Было бы известно тебе, Самсутдин, что мир, обманом приобретенный, не может быть прочен. Как скоро вступил

я в пределы казанские, тотчас разосланы гонцы о наборе нового воинства. Готовься к битве кровопролитной, и не думай впредь провести меня. Юмангула столько же ненавидит тебя, как и я!

Курмангалей»

У светлейшего Самсутдина закрылись глаза и опустились руки. «О Алла! — сказал он, вздохнув из глубины души, — ты видишь все изгибы сердца моего, и знаешь, я ли виновен буду в новом кровопролитии? Но чтоб мне совершенно быть чистым пред правосудным Небом, то я намерен теперь же возвратиться в столицу. Седлайте верблюда моего двугорбого! Я уверен, что прозорливый визирь Батырша и богобоязненный муфтий Шамагул за мною последуют. Пусть мужественный сардар Ишмурат управляется как знает с безбожным Курмангалеем».

Поднялась в ханском стане тревога немалая. Он взмогился на своего верблюда, и вся свита двинулась с места; но воинство, хранившее доселе мнимое спокойствие, зашумело, и доблестный Булат, предводитель знамени Блистательной луны, на бодром иноходце подъехал к хану.

«Помедли, велелепный повелитель! — воззвал он; — и выслушай слова мои; в них заключается общее желание твоего воинства, желание праведное, в коем отказать, кажется, не было бы правосудно. Когда мы, несколько дней назад, собраны были под знамена твои на брань кровопролитную, то не сардар ли Ишмурат священным твоим именем обещал нам дозволение ограбить казанцев до нитки и взять всех в плен с собою? Не само ли праведное Небо согласно было на исполнение благочестивого этого обета? Не был ли в плену у нас злокозненный Курмангалей со своею дочерью, с внуками и со всеми знатнейшими военачальниками? И что вы с ними сделали? Вместо того, чтобы всех казанцев отправить в темницы астраханские, а войску позволить вторгнуться в пределы вражьи, предать сопротивляющихся мечу и пламени, похитить все, что стоит труда везти и вести в отечество, и с бессмертною славою возвратиться восвояси, ваша политика так на этот раз обеспамятала, что выпустили пленных без всякого выкупа, в противность всем законам и Божеским и человеческим! Что же из всего вышло? Мы остались в совершенных дураках, и должны опять готовиться к войне. Итак, знай,

велелепный хан Самсутдин, что воинство не иначе склоняется ополчиться вторично ко брани, как получа дозволение повоевать прежде в пределах астраханских. Я с войском моим устремлюсь прямо на столицу, и доволен буду ею одною; а храбрые Башир и Габидуль пустятся на Кизляр и Моздок. Воротясь каждый со своего подвига, соединимся, по-прежнему, в одно ополчение и эти способом искусившись в военных делах, пойдем ратовать с казанцами».

Глава 54

НОВЫЙ ГОД УДОВЛЕТВОРЕНИЯ

Булат остановился. Нечего и сказывать, в какое онемение привела нас речь неистового вождя этого. Мы все смотрели друг на друга помертвелыми глазами. Самсутдин шевелил усами, и хотел что-то выговорить, но губы не растворялись. Мне бы не жаль, хотя бунтующее войско истребило бы целую область; только бы не касалось Астрахани и Моздока. Ах! В первой хранились мои сокровища, а в последнем скрывались друг мой и его любезная! И то и другое было весьма близко моему сердцу, и я со всем тщанием призывал на помощь в беде этой божественную политику.

И она мгновенно озарила меня светом своим. Я первый открыл уста и произнес: «Светлейший Самсутдин! Требование твоего воинства отчасти справедливо, и потому надо его уважить; но как это же требование превышает всякую возможность к удовлетворению, то о сем надобно рассудить хорошенько в твоём Совете. А по сему ты, храбрый Булат, поезжай к своему воинству и ожидай спокойно ханского повеления».

Самсутдин, одобренный моими словами и неробким видом, ожил, открыл рот и произнес к Булату: «Исполнишь, как сказано!» Военачальник поскакал к своему знамени, вокруг которого, в ожидании его, толпились вожди и старшины двух других знамен, а я, Батырша, Ишмурат и Туймак, приказав свите отдалиться, окружили властелина, который устремил на меня неподвижно глаза свои, и на лице своем показывал попеременно страх и надежду.

Я сказал: «Внемли мне, Самсутдин! И уразумевай, что вещание мое — есть внушение великого пророка и мудрой политики! Всякий глагол, произнесенный ханом, должен

быть исполнен с таким же благоговением, как и заповедь Алкорана; а посему, когда из уст твоих излетело роковое обещание позволить воинству грабеж, то для чести имени твоего непременно должно это исполниться».

При сем вступлении хан сильно наморщился, а вельможи устремили на меня взоры свои. «Не унывай, Самсутдин, — продолжал я, — не отчаивайтесь, высокостепенные вельможи, и выслушайте до конца. Города во всякой области суть тоже, что драгоценнейшие, блистательнейшие камни в венцах повелителей; потеря малейшего из них невозвратима, и оставит превеликое, неизгладимое пятно на памяти его в потомстве отдаленном. Итак, я полагаю следующее: предоставить воинству, не касаясь Астрахани, Наура, Кизляра и Моздока, произвести геройские подвиги свои по левой стороне Волги, отсюда — до улусов калмыцких. Пусть они там позабавятся!»

«В уме ли ты, честный муфтий, — вскричал визирь Батырша, изменяясь в лице и охватя брюхо свое обеими руками, — да полно знаешь ли ты, святой муж, что в местах, тобою к грабежу назначаемых, расположены все мои поместья, как доставшиеся по наследству, так и благоприобретенные. Тут именно мои загородные дома с пространными виноградными садами; тут мои луга, на коих пасутся бесчисленные стада лошадей, быков и овец. Неужели ты хочешь, чтобы праведное стяжание мое и моих предков погибло в несколько дней от того, что храброму Ишмурату вздумалось начать войну, которая, правду сказать, не имела никакого законного основания?»

«Слушай до конца, — возразил я, — и тогда положишься на решение правосудного хана, коего прозорливость блистательна, как теперешнее светило небесное».

Правосудный хан, нежно взглянув на меня, погладил свое чрево; я продолжал: «Когда, таким образом, храброе воинство астраханское в местностях визирских будет упражняться в воинских подвигах, я, отдохнув в Астрахани не более двух суток, с приличною свитой отправлюсь полномочным послом в Великую Кабарду к князю Гирею. Всем нам известна сила его и богатство, а о мудрости и говорить нечего: он весь напитан политикой. Его-то склоню я, чтобы на выручку хана отпустил он страшное свое воинство, совсем приготовленное к битвам. В успехе нет никакого сомнения. Когда рать эта придет в ваши пределы, мы

на первый случай напустим на наше мятежное воинство и принудим оное и притом весьма легко, кто не знает, каковы кабардинцы? — возвратить все из твоего, Батырша, имения, что нашим воинам в плен попадетсЯ — все, до последнего козленка.

Но если бы паче чаяния, политик на все готов быть должен, если б чего-либо из имения твоего не доставало, то правосудный хан, по благоразумному и истинно политическому правилу, свято соблюдаемому всеми азиатскими властелинами дозволит тебе, вместо себя, с приличным числом надежных телохранителей пройти из конца в конец астраханские базары* и из лавки каждого купца захватить все, что на глаза попадетсЯ. Поверь мне, что потеря твоя вознаградится с избытком: из купцов никто в конец разорен не будет, прекрасные города наши и воинство будут довольны».

Я замолк. Самсутдин с видом одобрения окинул нас глазами; а визирь Батырша, подумав несколько, сказал: «На таком условии я согласен! Муфтий говорит, что такая мысль внушена ему пророком; да исполнится воля Божья и ханская!»

«Что ж тут долго медлить? — сказал хан, — ступай, Ишмурат, к воинству и поведай ему эту волю мою и Божию, а мы пустимсЯ в блаженный путь. Ах! когда-то я доберусь до моей Москвы и Лондона? О прелестная Гульбека! О бесподобный пунш!»

Сардар поскакал к военачальникам, и изволение властелина им поведал. Когда все войско о сем узнало, то подняло радостный вопль. Все рассеялись по обширному полю; бранные трубы загремели, и в скором времени все скрылись из глаз; один Ишмурат ехал к нам шагом.

Хотя, вероятно, не одна тысяча правоверных, коих посетили наши ратники, воссылали проклятия на хана и Верховный совет его, но, конечно, пророк моим святым внял молитвам: ибо мы весьма прохладно и покойно брели путем своим, и, наконец, вошли в столицу, где я проводил властелина в астраханский дворец его, уверив, что политика требует, чтобы он, по крайней мере семь дней провел с супругою своею Гальбустаною, не посещая других дворцов своих, а особливо Москвы и Лондона.

* Б а з а р ы — народные площади, рынки.

В два дня я совсем снарядился в сей дальний путь. Поутру на третий приказал верным невольникам своим вести за город добрых коней, навьюченных моими сокровищами, а сам отправился во дворец проститься с ханом. Он принял меня милостиво в палате совета великих двора его. Грамота к князю Гирею и открытый лист, чтобы на всем пути подданные его от мала до велика оказывали мне подобающее почтение и услуги, были уже готовы и тут же вручены мне. Я преклонил перед ханом колени, облобызал его руку, раскланялся с прочими вельможами и вышел из дворца с неменьшим удовольствием, как некогда из дворца Мирзабекова, во время посольства моего к нему от князя Кубаша, для предложения руки его княжне Сафире.

По выходе из дворца вскочил я на коня, и в сопровождении двух верховых невольников, отправился в путь, прося себе благополучия в оном от Магомета и Макука. За воротами астраханскими соединился я со своим обозом, и все вместе поехали далее шагом.

Тут-то, по давно обдуманному намерению, начал я стараться о приискании себе посольской свиты. Как скоро видел я татарина молодого, крепкого, всего в лохмотьях, без обуви и без всякого оружия, я тотчас предлагал ему десять юзлуков и почетное место: быть членом моей свиты, обещая всю дорогу кормить на свой счет. Благодаря мудрому правлению правосудного Самсутдина, в таких людях не только не оказалось недостатка, но даже мы уже многим отказывали в этой чести, ибо я предположил, что более пятидесяти спутников иметь не надобно. С этою-то богатырскою свитой и нашел тебя, любезный князь, в Моздоке, и вместо того, чтобы почтенного князя Гирея впутывать в глупые хлопоты, я купил у него все, что нужно было для будущего нашего обзаведения. Посольство это выдуманно мною для того, что иначе мне и подлинно трудно, или невозможно было б вырваться из Астрахани со своими юзлуками и прочими сокровищами.

Глава 55

ВЫЗОВ К БИТВЕ

Так беседовали мы до самого полудня, и погрузились в глубокое безмолвие, рассуждая мысленно о тех счастливых

переменах, какие произойдут в моем княжестве по нашем достославном возвращении. Вдруг мы были возбуждены народными криками и воплями. Я, Шамагул и Бектемир вскакиваем, татары мои хватаются за оружие, кони ржат и храпят; быки, овцы, бараны и козлы с козами, всякий по-своему, подняли возгласы, и скоро все узнаем, что причиной этого смятения было стремящееся к нам множество народа, покрытого лохмотьями и вооруженного дубинами. Предводитель их стремился прямо ко мне, восклицая: «Хвала великому Макуку! Прежний властелин наш возвращен верному народу». Прибежав, этот воин припал к ногам моим, и я без труда признал в нем бывшего начальника моих телохранителей. Обняв этого верноподданного и поздоровавшись с прочими, я спросил с горестью: «От чего пришли вы в такое нищенское состояние?» — «Увы! — отвечал он, — после рокового поражения, постигшего тебя на горах, у нас все пошло под гору. Соседи начали делать обиды и притеснения и неприметным образом привели нас в это горестное положение. Мы до такой степени унижены, что должны всякий раз платить подать князю Кунаку, когда из благочестия хотим поклониться Макуку и пролить перед изображением его слезы горести и сетования; ибо со времени твоего бегства храм богов перенесен в это княжество неверным Маркубом, который и отправляет в нем священнодействие с прочими жрецами».

Повествование сие тронуло меня до глубины сердца; но как одним сожалением помогают одни женщины, то я первоначально велел одеть прибывших моих подданных, коих числом было также до сорока, вооружить исправно, и каждому подарить коня. Когда же увидел войнство свое столь знатно усиленным и в наилучшем порядке, то приказал грозно трубить в две военные трубы, и выставя высокий шест с лоскутом красной крашенины на конце, махал им крестообразно по воздуху. После такого объявления войны мы сели на коней и ожидали, что придумает на сие Кунак с сыном своим Кубашем.

Глава 56

РОДИНА

В княжестве упомянутых князей все пришло в большое волнение. Мужчины бегали по тропинкам и по кры-

шам домов, а женщины, дети и старики спешили в крепость. Трубные звуки наши не умолкали, и крашенный лоскут не переставал развеиваться. В непродолжительном времени мы увидели, что с косогора спускается к нам посольство, которое, когда несколько приблизилось, то я отдельно распознал главных особ онаго. Впереди шествовал князь Кунак, имея по правую руку князя Кубаша; за ними следовало до дюжины баранов, коих подгоняли четыре горца, неся на плечах по небольшому тулуку, вероятно, с просяною водкою. Ожидая приближения этого величественного посольства, я надвинул на лоб шапку, нахмурил брови, раздул щеки и ноздри, и избоченясь на коне, показавшись им грозен, подобно Кукаму. Подошед так, что можно было одному слышать голос другого, Кубаш начал было витийствовать, предлагая дары и приглашая к себе для угощения; но распознав меня, он изменился в лице, отскочил назад, и дрожащим голосом сказал отцу: «Погибли мы! Это Кайтук». Отец, также узнав меня, в свою очередь пришел в такое же положение, как и храбрый сын его, и едва мог прошептать: «Да! Это Кайтук». — «И очень Кайтук! — сказал я грозным голосом, — и прибыл с сим воинством, чтобы отомстить вам за обиды, мне нанесенные, а особливо тобою, бездельник Кубаш! Выслушай свои беззакония, скажи сам, чего достоин ты, судя по закону политики? Не ты ли осмелился любить и хотел жениться на той княжне, которую я сам любил страстно? Не ты ли самовольно ушел из ямы, в которую был запряган? Не вы ли оба приняли к себе неверного жреца Маркуба с окаянною братиею? Не вы ли, наконец, лишили меня наследственного достояния и притесняли бедных моих подданных?» — «Чего ж ты хочешь от нас, — спросил Кунак, — что могло бы по твоим мыслям быть достаточным для тебя удовлетворением?» — «Во-первых, — отвечал я с видом равнодушия, — поступить с тобою в виду всего княжества так, как поступил ты некогда с послом моим и сардаром Бектемиром, когда он от моего имени явился к тебе с орденским знаком нагайки, а потом...»

Я хотел продолжать дуржелюбные условия, как увидел появившихся из-за скалы человек десять всадников, прямо к нам едущих. Когда они приблизились шагов на сто, то предводитель их сошел с коня и быстро пошел к нам. Я тотчас в сем воине узнал князя Мирзабека; почему в тот же миг спешился с Шамагулом и Бектемиром и

устремился к нему с распростертыми объятиями. Встреча наша и объяснения были трогательны, и Мирзабек сказал: «Вижу, что державному Макуку угодно, чтобы дочь моя Сафира была твоею женою, а ты моим сыном и наследником; забудем все минувшие горести, и воспоминаниями о них не станем отравлять настоящей радости: это было бы совершенно противно политике, в которую ты влюблен не меньше, как и в дочь мою. От сей последней знаю я, что ты имеешь враждебные мысли против князей Кунака и Кубаша. Оставь их, любезный сын, и поклянемся все неизменяемою дружбою. Знаю, что ты теперь в силах разорить их; но и они по времени найдут случай наделать тебе довольно пакостей. Итак, заблаговременно избегая всякого несчастья, вместо ссор и драки обнимемся все четверо по-братски, заедем на перепутье к Кунаку, утвердим мир за кубками, и дружески посоветуемся, чем один сосед может быть полезен другому».

Подумав несколько, я улыбнулся, протянул руки — одну Кунаку, а другую Кубашу, и все обещались жить дружно. После сего я, князя и мой визирь пустились к княжеству, а воинству своему приказал я тихим шагом идти вверх по берегу Терека, по направлению к моей области и ожидать нас на другой уже стороне косогора.

Кунак угощал нас изобильно и добродушно, не забывая, впрочем, себя и своего наследника, который, узнав о возвращении Сафиры, и в то же время об ее потере, сначала задумывался, но после утешился. По окончании пиршества и по утверждении мирных условий князя проводили меня до самого воинства, где и расстались с пролитием немалых слез, ибо каждый из нас опорожнил немалое число кубков.

Снепритворным удовольствием встретила меня остальная часть моих подданных, а особливо, когда проведали, с каким богатством возвращаюсь, и когда увидели, как роскошно одарил я на первый случай выбежавших ко мне навстречу. По моему приказанию жители приняли гостей в свои дома, а на содержание их обещал я давать провизию из собственной мой овчарни.

Хотя дворец свой нашел я пустым и мрачным, подобно древней гробнице, однако привезенными сокровищами он на скорую руку был украшен, а доброхотные подданные снабдили меня всем на первый случай необходимым.

ОБЗАВЕДЕНИЕ

Три дня прошли в отдохновении и в тайном совещании с избраннейшими и вернейшими моими друзьями, Шамагулом и Бектемиром. На сей же великий подвиг приглашены были два пожилых лет татарина, Фейзул и Сейфул, которых ум и досужество успел я узнать во время дороги. Беспристрастие мое в этом случае обнаружилось тем, что я нарек их помощниками визиря и сардара, и они должны были занимать места их в случаях, когда бы первые по болезни, от усталости или от действия просяного дара Макукова не могли отправлять должностей своих с надлежащим успехом. Сею мудрою политикою все вообще мои выходцы были довольны.

По прошествии сих дней покоя, по моему велению весь народ, старый и новый, отправился со мною к буковой роще, где некогда запасались мы оружием против кунакцев. На выстрел из лука от черты моего княжества я остановился, приказал срубить четыре огромных дерева и врыть их в землю в виде правильного четырехугольника. После сего, набрав кадушку земли, размесил ее водою из близ журчащего ручья, обвалял в ней большой голыш и положил вместо закладки, произнеся величественно: «На месте сем да воздвигнется новая крепость Кайтук, на защиту нового моего народа и на страх супостатам!»

Вельможи и народ, осетинцы и астраханцы с великою охотой и единодушно принялись за работу, и мне оставалось только сидеть на ближнем пне, смотреть на трудящихся и управлять их движениями. К обеденной поре пригнано было потребное число овец и баранов, и старики, немогшие участвовать в общем деле, в больших котлах готовили похлебку из пшена и баранины для работников, а для меня с вельможами шешлык. Общепольное дело сие было кончено прежде, нежели солнце опустилось за кремнистые скалы. Осмотрев с восхищением крепость, и видя, что она обширнее, тверже и выше крепостей Ларса, Кунака и Казбека, я пришел в умиление и с сим сладостным чувством возвратился в свои чертоги.

На другой день, вниз по пологости утеса, на котором возвышалась новая крепость Кайтук, началось строение

домов по расположению, мною начертанному. Астраханцы, зная, что они собственно для себя строят жилища, были неутомимы, а мои осетинцы охотно им подражали, и целое селение для пятидесяти человек воздвиглось менее нежели в двадцать дней.

Когда и эта работа закончилась, то я сказал собравшимся своим народам: «Верные мои подданные! Вы все имеете теперь надежные жилища для себя и будущих семейств ваших; посему строгая справедливость требует, чтобы поклоняющиеся одни из нас Макуку и Кукаму, а другие Алле и Магомету, имели молитвенные храмы, приличные их достоинству. Итак, повелеваю, чтобы подле старой и новой крепостей они устроены были наилучшим образом из цветных голышей, смазанных красною глиной. Совершение дела сего будет окончанием трудов наших».

Б несколько дней храм Макуков и мечеть Магометова воздвиглись в неподражаемой красоте и великолепии. Правду сказать, они уступали в вышине и обширности храмам моздокским, но зато превосходили изяществом вещества, из коего были составлены. Все стены их состояли из правильно сложенных голышей красных, синих, желтых, белых и пестрых. Такие здания могут быть воздвигнуты только на горах наших.

Когда храмы были готовы и блистали в возможных украшениях, я снарядил два чрезвычайные посольства, одно к соседнему князю, до коего было два дня пути, просить к себе прогнанного прежде мною наместника великого Далай-ламы, который по слухам пребывал там, утверждая в правоверии, и другое к князю Кунаку, требуя возврата богов и изгнания из его княжества неверного Маркуба и злобного Шемелу, и о присылке ко мне прочих жрецов. Цель сих посольств была удачно выполнена. Макук и Кукам со всем храмовым сокровищем возвращены были с торжеством, при радостных восклицаниях народа. Их сопровождали жрецы, и с раскаянием просили у меня прощения за их прежнюю наглость. Наместник Далай-ламы был уверен послом о перемене моих мыслей, с приязнию ко мне возвратился, и получив на первый случай сотню юзлуков и праздничное облачение, совершенно забыл прежнюю мою обиду.

В двадцатый день месяца Быка, в прекраснейшее утро, при стечении всего веселящегося народа, астрахан-

цы переселились в свои новые жилища, а оттуда поспешили в мечеть, где великий муфтий Шамагул со всевозможным торжеством совершил богослужение. Из мечети, с тем же народом, отправились все во храм Макука, где к неопisanному удивлению и радости тот же муфтий рукоположением наместника поставлен в первосвященники, и в новом звании отправил священнодействие. Я восхищался успехом своих преднамерений.

Глава 58

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Занимаясь такими умными, общепольными делами, не забывал я удовлетворять и страстным требованиям моего сердца. Удосужась от дневных трудов, я и еще кто-либо из ближайших вельмож моих садились на кабардинских коней в наилучшем наряде, и как из лука стрела пускались в Ларс. Мирзабек и прелестная дочь его принимали нас с сердечною радостью, поднимали пышное угощение и рассуждали о будущем, которое представляло нам одни радостные виды.

Когда в последний раз известил я Мирзабека об освящении храмов и о переселении новых подданных на постоянные жилища, то предложил ему, что неудовлетворение страсти моей становится для меня тягостно, мучительно, а посему усиленно просил не откладывать далее моего счастья. «Любезный князь! — отвечал дружелюбно Мирзабек, — теперешние дела твои достойны хвалы от людей и одобрения от богов. Черный год твой вылечил тебя от обыкновенных молодым князьям болезней: спеси, кичливости, безрассудности, своеугодливости и тому подобных, и ты непосредственно сделался сильнейшим владельцем во всем соседстве. Тебе недостает только доброй жены, чтоб быть в полной мере довольным своею участью. Ты найдешь сокровище это в моей Сафире; но послушай, что говорит ее девичья политика.

Ты теперь по числу подданных, их устройству, своему богатству можешь называться первым из горских князей, обитающих в ущельях Кавказа по реке Терек. Слух имени твоего достигнет до пределов Кайшеура, и многие из владельцев — одни из любопытства, другие для снискания от

тебя приязни — время от времени являться будут ко двору твоему. Итак, не требует ли обыкновенное приличие, пусть по твоему политика, чтобы дворец владельца в обширности и великолепии не уступал храму божескому? Итак, повторяю, любезный сын, с завтрашнего дня со всем обязанным тебе народом примись за построение себе дворца на ровном месте между мечетью Магометовою и храмом Макуковым. Это приличнейшее для сего предмета место. Но чтобы в полной мере мог ты назвать козлы свои прочными, непоколебимыми, надобно, чтобы прежде сам ты точно уверился в непоколебимой верности тебе новых астраханских выходцев; а к сему нет лучшего средства, как снабдивши их домами и имуществом, снабдить женами от племен горских. Чтобы не затруднить тебя в сем обстоятельстве, то я из моего Ларса уступаю тебе двадцать осетинок, с заплаатою от тебя по двадцать пять юзлуков за каждую, не для себя, но для семейств их. Надеюсь, что и бывший сват мой, Кунак, во владении своем наберет столько же безродных или вдовых красавиц, кои лишаются надежды найти мужей из своего народа. Остальных купим мы по мелочам у соседних князей. Даю тебе честное слово княжеское, что как скоро два эти обстоятельства приведены будут в исполнение, то княжна Сафира с радостью и любовью навсегда тебе отдастся».

Испытав столько трудностей в течение моего Черного года, и перенеся все с должным мужеством, я условие Мирзабека считал весьма удобным к исполнению, и если что заставило меня поморщиться, так одна мысль, что я от главной прелестной цели отдаляюсь еще, по крайней мере, на десять дней. В сем обстоятельстве утешала меня мысль, что строение и украшение дворца и женитьба моих подданных займут несколько приятно сей промежуток времени, и я дал слово, не меньше княжеское, каково было Мирзабеково, что не прежде заикнусь о последнем своем желании, как оконча все порученное.

На другой день с восходом солнечным, по звуку трубы, собрался народ мой на равнине между храмом и мечетью, и я объявил им о необходимости иметь для себя дворец на сем месте, и об отеческом желании видеть всех астраханцев женатыми. Все изъявили радостное согласие; работа началась под надзором Бектемира и Фейзула, а Сейфул послан к Мирзабеку с должным числом юзлуков для платы

за обещанных невест. К полудню они прибыли в брачных одеждах, в сопровождении друзей и сродников. Великий муфтий избрал двадцать астраханцев и обвенчал их, половину в мечети, а половину в храме. После сего каждый новобрачный увел свою любезную в дом свой с ее родными, где и дозволено было им возможным образом веселиться целый день, а кто хочет, то и всю ночь, только бы поутру выходил каждый на работу.

Все шло наилучшим порядком. В течение двенадцати дней дворец мой, великолепней дворца Казбекова, был отделан начисто и украшен лучшим образом. На стенах висели копыя, щиты, луки и колчаны, полы устланы были цветными циновками и войлоками, а внутренний покой коврами моздокскими. Татары мои все переженились, и воздавали в мечети и в домах своих благодарение Алле и Магомету за дарование им столь мудрого и доброго властелина.

Настал, наконец, день, столько для меня вождеденный, день, в который надеялся я сделаться счастливейшим из всех Кайтуков, светлейших предков моих, начиная от первого до двадцать четвертого. Мне казалось, что в день сей и солнце светит блистательнее, и деревья сделались зеленее, трава мягче, цветы душистее. Подданные мои, старые и новые, с женами и детьми, оделись великолепно и толпились около храма Макукова. Когда же возвещено было, что светлейшая невеста с высоким родством своим, на гордых иноходцах, вступила в пределы моего княжества, то я, окруженный вельможами и телохранителями, пошел мерными шагами ей навстречу, и как пристойно политическому жениху, принял ее с коня в свои объятия, и проводил до самого храма, где при звуке труб бубнов великий первосвященник Шамагул во имя всеблагого Макука соединил меня с нею неразрывными узами. Излишним считаю объявлять, что пир в новых палатах моих был самый великолепный, какого на Кавказских горах до меня не видывали. Всякий также легко догадается с каким восторгом встретил я минуту, в которую моя княжна должна была сделаться княгиней.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I

«Замечательный и оригинальный талант»	5
Глава 1. Князя Кайтуки	13
Глава 2. Чудные предложения	15
Глава 3. Княжеский двор	19
Глава 4. Первосвященник	21
Глава 5. Чудо	22
Глава 6. Орден Нагайки	25
Глава 7. Княжеский суд	27
Глава 8. Решение	29
Глава 9. Дальнейшие затеи	30
Глава 10. Устав ордена Нагайки	32
Глава 11. Княжна Сафира	33
Глава 12. Помешательства	34
Глава 13. Твердость и решительность	36
Глава 14. Плохо	38
Глава 15. Тайный совет	40
Глава 16. Новые статьи ордена Нагайки	43
Глава 17. Кавалеры	45
Глава 18. Разномыслие в совете	50
Глава 19. Одно важнее другого	52
Глава 20. Умножение доходов	54
Глава 21. Вооружение	56
Глава 22. Сражение	59
Глава 23. Неожиданная встреча	63
Глава 24. Гостеприимство	66
Глава 25. Соперник	68
Глава 26. Кругом виноват	71
Глава 27. Нечаянная помощь	74
Глава 28. Разборчивая жена	76
Глава 29. Прохладное путешествие	77
Глава 30. Урок	79
Глава 31. Гостиница	81
Глава 32. Грешник	83
Глава 33. Судья	86
Глава 34. Тюремный пристав	89
Глава 35. Старые знакомцы	92
Глава 36. Предисловие к следующей	94
Глава 37. Победитель	96
Глава 38. Важное поручение	98
Глава 39. Неудачное посольство	100
Глава 40. Прием не по вкусу	103
Глава 41. Политический изворот	105
Глава 42. Вывернулся	108
Глава 43. Умные распоряжения	110

Глава 44. Способы жизни	114
Глава 45. Попытка	117
Глава 46. Провозгласник	119
Глава 47. Решительность	121
Глава 48. Вития по нужде	123
Глава 49. Богохульник	125
Глава 50. Видение	127
Глава 51. Веселая жизнь	129

ЧАСТЬ II

Глава 1. Родственные ласки	133
Глава 2. Самоизгнание	135
Глава 3. Смирение кстати	137
Глава 4. Таинства магометанские	138
Глава 5. Ошибка в хозяевах	140
Глава 6. Утешение	142
Глава 7. В поход, о Макук!	145
Глава 8. Сопутник	147
Глава 9. Прекрасная невольница	148
Глава 10. Лучшее извинение	151
Глава 11. Тщетные поиски	153
Глава 12. Приятная политика	155
Глава 13. Это она!	157
Глава 14. Кровопролитие	158
Глава 15. Награда за отважность	160
Глава 16. Палата совета	163
Глава 17. Примерный суд	165
Глава 18. Недоумение	166
Глава 19. Покамест спасся	168
Глава 20. Сносная тюрьма	170
Глава 21. Испытание	172
Глава 22. Великий муфтий	174
Глава 23. Оправдание	177
Глава 24. Дворец ханский	179
Глава 25. Зазрение совести	181
Глава 26. Мудрый совет	183
Глава 27. Осетинка в сарафанах	185
Глава 28. Надежда на самих себя	188
Глава 29. Вот новости!	190
Глава 30. Затруднение	193
Глава 31. Посол	195
Глава 32. Намерение к войне	197
Глава 33. Ухищрение	199
Глава 34. Примерное воинство	203
Глава 35. Завтрак ханский	207
Глава 36. Всадник	209
Глава 37. Поправка в деле	212

Глава 38. Поход	214
Глава 39. Тревога	216
Глава 40. Способ прокормления	218
Глава 41. Неприятель в виду	220
Глава 42. Единоборство	222
Глава 43. Образумился	226
Глава 44. Макук	229
Глава 45. Товарищ в пути	231
Глава 46. Приятная дорога	235
Глава 47. Новые подданные	239
Глава 48. Целомудрие невесты	243
Глава 49. Двойной плен	245
Глава 50. Не совсем дурно	246
Глава 51. Счастье войны переменчиво	248
Глава 52. Следствия мира	251
Глава 53. Мир не состоялся	253
Глава 54. Новый год удовлетворения	255
Глава 55. Вызов к битве	258
Глава 56. Родина	259
Глава 57. Обзаведение	262
Глава 58. Заключение	264

Литературно-художественное издание

Василий Нарезный

ЧЕРНЫЙ ГОД, ИЛИ ГОРСКИЕ КНЯЗЬЯ

Редактор *Л. О. Тамазова*

Художник *М. М. Горлов*

Технический редактор *Т. В. Демьяненко*

Корректор *И. А. Хомякова*

Рег. 1020700753952 от 06.02. 2004

Сдано в набор 07.11. 2005. Подписано в печать 21.02. 2006.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура школьная.

Печать офсетная. Усл. п. л. 14,28. Тираж 500 экз.

Заказ № 188.

Издательский центр «Эль-Фа»
ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат
им. Революции 1905 г.»
Министерства культуры
и информационных коммуникаций КБР
360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33

ISBN 588195056-9

9 785881 950569

1892, 1893, 1894

1895, 1896, 1897

